
ИВАН-ОЗЕРО

СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ТУЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ВЫПУСК ДЕВЯТЫЙ

ББК 84 (2Рос=Рус)6
И 18

Редактор и составитель *Пахомов В.Ф.*

И 18 **Иван-озеро.** Сборник произведений тульских писателей. Выпуск девятый. – Тула: Гриф и К, 2013. – 474 с.

Сборник издается при поддержке Министерства культуры и туризма Тульской области.

ISBN 978-5-8125-1893-6

**Виктор
ПАХОМОВ**

ИЗ БИОГРАФИИ

«Вот где нам посчастливилось родиться» –
Сказал поэт. По-своему он прав.
Родиться – счастье, счастье пригодиться
Среди родных просёлков и дубрав.

Мне повезло родиться не в столице,
А в глухомани сонной на Оке.
И тем горжусь, что жвачные и птицы
До сей поры со мной накоротке.

А став ходить, уж не «валял я ваньку»,
Стерёг козу и кроликов кормил,
Сестрёнкам меньшим был всегда за няньку,
Стирал пелёнки, сказки говорил.

Потом война и горькое сиротство,
Учёба, служба – всё как и у всех.
Потуги чести, муки благородства
И первых книг понятный неуспех.

Переча обстоятельствам и свойству,
Не веря ни в какие «се ля ви»,
Учился я все годы не героизму,
Не мужеству, не гневу, а любви.

Любви к тебе, великая Держава –
Всего святого, доли общей щит,
Где всё твоё величие и слава
Нам каждому и всем принадлежит.

Входила ты в нас каждого не сразу,
И в этом нас, кто хочет, осуди.
Но родина не то, что мило глазу,
А то, что жжёт и мучает в груди!

Что по волнам доставшейся эпохи,
Из сил последних на восход гребя,
При каждом своём выдохе и вдохе
Её мы ощущаем, как себя...

РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК СТИХОВ

Стихи для размышления,
Стихи для одного.
Не надо разрешения
Поэта самого.

Рукой своей дрожащей
Я сборничек держу –
В нём жизнь, мир настоящий,
Ступивший на межу.

Себя где не неволю,
Себе где господин,
Где бегаю по полю
С друзьями и один.

Здесь ничего не слишком,
Не тронуто бедой.
Здесь я ещё мальчишка,
И мир весь молодой.

Где живы папа с мамой,
Где не лишён забот
Отнюдь не лучший самый
Последний мирный год.

Он для победной цели –
И никаких иных –
Нас праведно поделит
На мёртвых и живых.

Где медленно и зыбко
Свет меркнет егозы
От папиной улыбки
И маминой слезы...

ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ

У России душа – душ людских отражение.
На неё никакая не действует власть.
И коль всюду идёт наших душ разложение,
Ничего не мешает России пропасть.
Каждый сам за себя! Мы такие от века!
Душу хочешь – спали, а не хочешь – изнежь!
Мера мер на земле — лишь душа человека.
И России душа – наш последний рубеж!
И не держится всё лишь на мощи и силе.
Эта истина в нас до скончания дней:
Если плохо тебе, значит, плохо России.
Загляни в свою душу, прислушайся к ней...

ЧТО ДЕЛАТЬ МНЕ?

Что делать мне, село родное?
Не удержать слезу из глаз.
Не ты, не я тому виною,
Но кто тогда рассудит нас?

Пусты дворы, забыты пашни,
Вокруг вороны да бурьян.
Забыт и проклят день вчерашний –
Союз рабочих и крестьян.

Тоска, разор и запустенье,
Зато в ушах: «О' кей!», «Зер гут!».
Былого призрачные тени
За нами тащатся, бегут.

И смотрит день на всё с испугом:
Где то, что теплится в золе,
То, что роднило нас друг с другом,
Что нас держало на земле?

Я обращаюсь к земле и к небу,
Но кто ответит, Бог ты мой,
На чей запрос: на чью потребу
Мы надругались над собой?

ПАМЯТИ ДРУГА

Мы взлетали выше проводов,
Выше крыш барачных и заборов.
Не осталось никаких следов
От фантазий наших, наших споров.

Мы в мечтах летали, так сказать,
Будни наши бедами мрачились.
Детство улетело, и летать
Взрослыми мы как-то разучились.

Время ныне – торжество жулья.
С ним ты не поладил, не ужился,
Вот и умер. Очередь моя...
Горбачёв ещё не застрелился.

**Николай
ДРОНОВ**

**ПОЧЕМУ В РОССИИ МОРОЗ – «РЯДОВОЙ»,
А В ЕВРОПЕ – «ГЕНЕРАЛ»**
(печатается в сокращении)

Из истории известно, что Наполеон, собрав под свои знамена евровойско в 635 тысяч штыков и сабель, в т.ч. 87 тысяч поляков, вторгся 24 июня 1812 года через нашу границу покорять Россию. Все шло довольно неплохо. Уже 26 августа состоялось Бородинское сражение, хотя и с ничейным исходом, но при сохранении поля боя за врагами. Так что уже в первых числах сентября Наполеон стал полным хозяином Москвы.

Интересное сравнение. Через 129 лет Гитлер, практически тем же числом июня и с того же рубежа, при 5,5 млн войске, мчась на танках, БТРах и мотоциклах за «в панике» отступающими советскими войсками, оказался в ближнем Подмосковье на два месяца позже Наполеона. Хотя фашистам, как и французам, русская погода тоже максимально благоприятствовала в реализации их захватнических планов.

По свидетельству очевидцев, даже весь сентябрь 1812-го года стоял жарким. Но вот незадача: уже в первых числах октября французы, развернувшись на 180 градусов, стали спешно убывать на Запад! Что невероятного могло случиться за столь короткий срок, что так круто поменяло планы Бонапарта? И вот что придумал в оправдание сам лихой французский

завоеватель в своем «Бюллетене № 28». Кстати, его походная типография позволяла выпускать 10 тысяч листовок в сутки! Согласно этому документу, «внезапно выпавший снег и мороз в шесть дней расстроили дух его армии и отняли мужество у солдат, хотя русские мало тому способствовали» (???). Вся Европа сочувствовала гениальному захватчику, которому так не повезло с погодой. О русской армии, о партизанах, о Кутузове (даже в России) почти не упоминалось.

Возмущенный подлостью «просвещенных» народов, участник войны – известный поэт и писатель Д.В. Давыдов издал книгу «Дневник партизанских действий 1812 года». И вот какие аргументы и факты приводит наш славный соотечественник: во времена еврокампаний 1795 и 1807 годов морозы были гораздо сильнее и продолжительнее, чем в Москве в 1812-м, но тогда стихия почему-то не помешала французам одержать победу.

Обличая «примороженных страдальцев», Денис Васильевич приводит температурную таблицу из отчета Виленской астрономической обсерватории за 1812 год, где (с 28 октября по 28 ноября) одиннадцать плюсовых дней имели средний показатель «+2°», а двадцать минусовых дней – «-3,5°». Притом максимальный плюс равнялся +3,5° (12.11.1812 г.), а максимальный минус 9° (14.11.1812 г.).

Напомню, что 5 декабря Наполеон уже был в Париже!

Что же тогда такого в начале осени в действительности случилось в России, что непобедимое дотоле войско иноземцев помчалось прочь из Москвы? И вот какие тому «моменты».

Согласно спискам главного штаба Наполеона, перед тем как покинуть Москву французская армия состояла из 110 тысяч человек. Когда же она достигла Березины, в ней числилось всего 45 тысяч. Куда (только здесь) делись 65 тысяч молодых, крепких и закаленных в многочисленных европоходах воинов Наполеона? Ведь тот «мороз», даже по западным меркам, еле-еле соответствовал слабым заморозкам. Армия отступала не по пескам Сахары, не по снегам «Белого Безмолвия», не по джунглям Африки и Пинским болотам, а по дорогам – известным, хоженным, охраняемым и контролируемым самими захватчиками! Оказывается, иноземные «гости» не выдержали боев с преследующими их войсками русской армии. Так, только

в сражении под поселением Красным (Смоленская область) 4–6 ноября Наполеон потерял 32 тысячи своих «джентльменов удачи», из которых 21470 солдат и офицеров пришлось на сдавшихся в плен! Лишившись тогда же 116 орудий, Бонапарт позорно бросил свои войска и сбежал с поля брани...

Отчего ж вдруг такая слабость, если всего два месяца назад на Бородинском поле иноземцы демонстрировали совсем другую мощь, выучку и настроение?!

Ну, какие «вражины» – снег и мороз – могли быть в эти дни, если температура тогда была аж плюсовой?! Вновь выходит, что «зима» и в Москве, и под Смоленском совершенно ни при чем!

Сразу отвечу: соправителем судьбы французов оказался, голод! Столь скорбный для врагов факт оказался страшной реальностью по «банальной» причине: французам нечего было есть. Вот что сломило окончательно дух и силы интервентов!

Командующий авангардом русской армии генерал М.А. Милорадович и командир казачьего корпуса генерал М.И. Платов шли за французским арьергардом, постоянно его атакуя, а другие казачьи отряды и партизаны, рыская по флангам отступающей вражеской армии, захватывали обозы и уничтожали мелкие вражеские подразделения. Уже на этапе Москва – Вязьма отступающая французская рать жила впроголодь. Об этом и свидетельство одного из тех французов: «Почти вся кавалерия идет пешком, не наберется на пятый полк и одной сотни конных...». Выходит, лошадиное мясо уже кончалось! Голод начал приобретать катастрофические масштабы. На переходе от Вязьмы до Смоленска русский генерал Крейц, преследуя врагов со своим полком, услышал какой-то шум в лесу, правее дороги. Въехав в лес, он с ужасом увидел, как французы поедали одного из своих мертвецов.

Упомянутый генерал Крейц вновь свидетельствует: «французы погибли больше от голода, изнурения, беспорядка, грабительств и потери всякой дисциплины, а кавалерия – от тех же причин и от весьма дурной и безрассуднойковки лошадей».

Вновь выходит, что не пожар московский, не русский мороз сгубили захватчиков, а постоянные и повсеместные нападения на врага наших кавалеристов, казаков, партизан и положение «волка, попавшего вместо овчарни на псарню».

Положение французской армии после Березины стало просто катастрофическим, а людоедство приняло форму обыденности. Кстати, для «форсирования» Березины Наполеон приказал наводить мосты! То есть от «жутких морозов Бонапарта» не замерзла даже река!

Поразительно, но именно после одоления Березины стала стремительно понижаться температура. Попасть в плен к русским стало мечтой погибающих французских солдат. Многие свидетели тех лет утверждают, что часто встречали французов в каком-нибудь сарае, забравшихся туда от холода, «сидящих около огонька на телах умерших своих товарищей, из которых они вырезали лучшие части, чтобы тем утолить свой голод, потом, ослабевая час от часу, сами тут же падали мертвыми, чтобы быть в свою очередь съеденными новыми, едва до них дотащившимися товарищами».

Русский поход закончился жуткой арифметикой: только одна сто двадцать пятая часть, или 0,8% от всех интервентов, вернулась живой во Францию!

Ясное дело, что далеко не все из невернувшихся домой французов оказались убитыми или умершими от ран, голода, холода и других причин.

Еще в декабре 1812 года М.И. Кутузов сообщал в письме к своей жене, что в России осталось (пленными. – *Н.Д.*) по крайней мере 150 тысяч евросолдат и евроофицеров...».

В январе 1813 года в российских газетах были опубликованы объявления на итальянском и французском языках с просьбой прибыть (таким «застрявшим и затерявшимся» лицам) на сборные пункты. Это относилось не к официально зарегистрированным пленным, уже размещенным в лагерях Ярославля, Костромы, Калуги, Саратова, Вологды, Орла, Тулы, на Урале, а к тем, кто во время отступления остался в деревнях, прося милостыню и ночлег. Обращаясь к местным жителям, они всегда говорили «cher ami» («дорогой друг»), что дало основание к появлению нового русского слова «шаромыжник» (Попрошайка). Кстати, у С.И.Ожегова в «Словаре русского языка» слово «шаромыжник» означает «любитель пожить за чужой счет», что практически одно и то же с первородным определением. Объявления относились и к тем, кто попал в плен к партизанам. Дело в том, что Наполеон был уверен, что в России, как и в Европе,

крестьяне сами повезут продовольствие его победоносным войскам. А уж за деньги (пусть и фальшивые) – от местных снабженцев не будет отбоя... Кстати, по сведениям участника войны 1812 года генерала (и писателя) И. Липранди, в начале 1812-го через варшавского банкира Френкеля на российский финансовый рынок было вброшено 25 млн. фальшивых ассигнаций. Сам Наполеон в своем обозе привез в Россию фальшивок («наполеоновок») на 34-х фургонах! Интересно, что черный юмор присутствовал у Бонапарта и с фальшивками. На 25-рублевых «наполеоновках» вместо слов «ходячею монетой» значилось «ходячею». Реши, читатель, сам, что здесь ближе по звучанию и содержанию: халява или холера? Мне кажется, всё одинаково плохо, так как халява губит душу, а холера – тело. Но оказалось, что наши неграмотные селяне были и на этот раз «не в курсе» этого зарубежного правила для рядовых жителей и брали в руки не хлеб и окорока, а топоры и вилы! Так появились народные мстители – партизаны. Тогда же появились и пленные, которых частично отправляли в тыл, а частично распределяли по дворам в качестве бесплатной рабочей силы.

Понятно, что скоро нашлись хваткие люди, решившие сделать бизнес на живом (заморском) товаре. Вначале «мусье» шел за полтину, потом – за рубль. Выгода была очевидная, ведь перед войной француз-гувернер стоил тысячу рублей в год! Известный русский экономист Юрий Арнольд вспоминал, что редким тогда был дом, чтобы не было пленного француза.

По данным Министерства юстиции России, на зиму 1813 года в стране насчитывалось 216 тысяч пленных: 150 тысяч в лагерях и 50-60 тысяч так называемых «шаромыжников», нашедших кров у населения.

Внимательный читатель, конечно, спросит, а в чем при таком разговоре юмор? Юмор, оказывается, в другом: Наполеон был авантюристом!

Вторгшийся в Россию Бонапарт не имел для большого похода своих войск достаточного количества провианта, полевых кухонь, палаток, нормально обеспеченных медикаментами и перевязочным материалом полевых лазаретов... Уже в Смоленске на перевязки ран французы использовали пергаменты из городского архива!

Уверенный в скором успехе, Наполеон ограничился обозом с продовольствием (в Данциге) из 10 тысяч фур. Сразу скажем, одна «телега» харча на 60 с лишним «евроедоков» да на столь долгую и опасную дорогу – это явно не густо. Даже предположив, что на каждой фуре по максимуму было полтонны еды, и то едва получается на одного «евробрата» 10 кг провианта. Да этого едва-едва хватало на пару недель гладкого пути варваров... Недаром, уже по дороге на Москву, «интервойско» Наполеона стало таять. Оттого и на Бородинское сражение французы сумели выставить только 135 тысяч штыков и сабель, то есть меньше четверти от стартовой наличности агрессоров. Авантюрна была и главная – батальная – стратегия похода Наполеона. Неслучайно накануне вторжения на Русь в беседе со своим послом в Варшаве он заявил: «Я иду в Москву и в одно или в два сражения все кончу. Я сожгу Тулу и обезоружу Россию. Меня ждут там». Не намек ли это на опыт поляков «образца 1612 года»?

А вот отступающая русская армия все свои продовольственные склады предусмотрительно эвакуировала в Тверскую губернию. Наш фельдмаршал, к примеру, перед Бородиным заготовил 10 тысяч подвод для раненых и 10 тысяч санитаров для их эвакуации, тогда как супер-француз своих раненых таким вниманием не осчастливил.

Французские генералы обижались на Михаила Илларионовича, что тот, «действуя не по правилам», посадил свою армию на «случайно оказавшиеся под рукой» несколько тысяч подвод, в результате чего пешие французы к Малоярославцу опоздали! Обошел супостата Михаил Илларионович и в чисто батальных делах. Вместо «одного или двух сражений», которыми Наполеон собирался «кончить всю кампанию в России», русские навязали Бонапарту целых 16 (шестнадцать): при Мире, под Салтановкой, при Островно, в районе села Клястицы, у Кобрина, Городечны, под Красным, за Смоленск, у Валутиной горы, на Бородинском поле, при Чернишне, Малоярославце, у Полоцка и Чашников, у Вязьмы, Красного, на Березине! В среднем одно или два сражения пришлось на каждую неделю нахождения Наполеона на русской земле! Вот чем по-настоящему «обкормил» завоевателя наш славный фельдмаршал!

В том и «юмор», что Кутузов свои козыри использовал по максимальной, а вражьи – не дал игры уже после первой партии.

Благодарные потомки, отдавая должное своему великому полководцу-соотечественнику, практически начисто забыли еще одно славное имя. Это полковник российской армии Иван Витт, бывший доверенным лицом императора Франции в его свите! Именно граф И. Витт, будучи тайным агентом Александра I, за две недели до нападения французов на Россию тайком покинул главный вражеский штаб, переплыл ночью Неман и прибыл в I русскую армию генерала Барклая-де-Толли. Вот кто своевременно предупредил о точной дате перехода врага в наступление, намерении французов окружить русские войска в Дрисском лагере и как можно скорее навязать России генеральное сражение. Именно эта стратегическая информация выдающегося разведчика спасла войска России от внезапного нападения и послужила основой успешных контрдействий нашей армии.

«Сказка», сочиненная Бонапартом о генерале морозе, оказалась на Западе очень живучей, повсюду известной и до сих пор востребованной!

Оказывается, если бы не морозы, то немцы выиграли бы Ледовое побоище, имевшее место быть на Руси 5 (12) марта 1242 года!

Поляки тоже сваливают свое поражение и людоедство в 1612 году (в Москве) на тот же «гадкий» русский мороз!..

Еще дальше пошли англичане, французы, турки в Крыму, исхитрившиеся и там, на юге, «замерзнуть и окоченеть» во время Восточной войны!..

Ну, конечно же, всех вместе переплюнули фашисты, «объяснив» миру свое поражение под Москвой в 1941-м и под Сталинградом в 1942-м только морозами, снегами, бездорожьем, грязью и русскими просторами.

Вот каковы погодные картинки того же времени, «нарисованные» командующим 2-й танковой армией генералом Г. Гудерианом в его «Воспоминаниях солдата»: «...12 ноября температура упала до 13 градусов, 13 ноября – до 22 градусов...». Вскоре к страданиям немцев добавляется подлец-гололед, «препят-

ствующий действиям танков». Далее Гудериан вновь пеняет на нашего «зимнего воеводу», «...из-за которого стекла оптических приборов потели, горючее замерзло, масло густело, а автоматическое оружие не действовало...». К концу ноября «забортная» температура у Гудериана падает до... 35 градусов, потом сразу до минус 50. В Берлин летит депеша с мольбой об отводе войск назад. В ответ Гитлер приказывает: «...зарыться в землю и защищать каждый квадратный метр территории!...». Гудериан: «Зарыться в землю мы уже не можем, так как земля промерзла на глубину 1–1,5 м, и мы со своим жалким шанцевым инструментом ничего не можем сделать...».

Поразительно, но в этот же «мертвый сезон» сотни тысяч жителей Москвы, Тулы, других городов (в основном женщины), мобилизованные на строительство оборонительных сооружений, тем же «жалким шанцевым инструментом» успешно копали сотни километров противотанковых рвов и траншей...

Не менее разительны строчки Гудериана и по части «сплошного» отсутствия зимней одежды у личного состава вермахта («Воспоминания солдата», стр. 205): «Военно-воздушные силы и войска СС были снабжены им (зимним обмундированием. – *Н.Д.*) своевременно и в достаточном количестве». Напомню, в Люфтваффе числилось 1,2 млн личного состава, а в СС – 900 тысяч человек! Сюда же нужно добавить войска союзников (Финляндия, Венгрия, Румыния, Италия, Испания и др., поспевших к «холодам») численностью в полтора миллиона человек, которые на нехватку теплой одежды не жаловались.

Как знаем, теплолюбивая «голубая» дивизия Испании числом в 47 тыс. человек воевала аж на Волховском фронте!

605-тысячная армия Финляндии до осени 1944 года воевала севернее Ленинграда и в Карелии! Армии Италии, Румынии и Венгрии дошли до Сталинграда и погибли там бесчисленным числом не от лютого мороза, а от лютого огня Красной Армии!.. Позорная ложь коричневых «мерзляков» убедительно опровергается на приведенной карте-схеме из книги К. Типпельскирха «История Второй мировой войны» (т. 1, стр. 187). Для морозостойкой 605-тыс. армии финнов и 300 тысяч горных стрелков из трех специально подготовленных для действий в заполярье арийских корпусов проблем с теплой одеждой ни-

каких не было! Однако совместный «успех» наступления оказался минимальным среди всех фронтов на Советском ТВД! (см. карту-схему).

Напомним читателю, «виновником оледенения» войск агрессоров оказался Карельский фронт (командующий генерал-полковник В.А. Фролов) и моряки Северного флота и Беломорской военной флотилии.

Но и это не все. Тот же Г. Гудериан в немецком историческом сборнике «Итоги Второй мировой войны» (стр. 124) пишет, что «самым худшим из всех испытаний («зимы – 41» для сухопутных войск. – *Н.Д.*) было отсутствие зимнего обмундирования, которое было предусмотрено лишь для каждого пятого солдата армии».

Согласно книге Б. Мюллера-Гиллебранта «Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг.»: «сухопутные войска (армии вторжения) летом 1941 года насчитывали 2,9 млн человек». Тогда выходит, что еще 580 тысяч завоевателей были одеты по-зимнему! Добавим в число безусловно обеспеченных нужной одеждой и сухопутных офицеров, и унтеров, минимально возможную цифру которых оценим в 290 тысяч человек. В итоге получим, что целых 4,5 миллиона нацистов-головорезов (82% ото всей армии вторжения!) были экипированы как надо, а жалобы и стоны меньшинства коричневых варваров выдвигаются в оправдание поражения всей гитлеровской военной машины!

По свидетельству наших фронтовиков и просто очевидцев, фашисты, захватив любой населенный пункт, немедленно отбирали у населения все нужные им теплые вещи. Точно так же они поступали и по отношению к нашим пленным воинам, тут же снимая с них шинели, телогрейки, сапоги, валенки, шапки... Если в плену тогда оказались «миллионы» красноармейцев, то как, спрашивается, могло не хватить коричневым «мерзлякам» такого обилия нужной им одежды?! И уж совсем корява вражья ложь о холоде на фоне захваченных и разграбленных фашистами большинства вещевых складов наших западных военных округов.

При такой экономической мощи агрессора, даже без выше-сказанного, могла ли быть неразрешимой «проблема» зимней

одежды для каких-то 2 (двух) млн полевых солдат?! Что стоило хозяину Европы дать команду о срочном пошиве теплого белья, «противоморозных» штанов, курток, шапок, обуви, перчаток? На крайний случай можно было подраздеть и северные страны, не говоря уже о раболопных соседях! Безусловно, все так и было (даже сплошь шелковое нижнее белье!), но, к огорчению «мерзляков», не помогло.

При всех очевидных нелепостях упорных жалоб коричневых захватчиков по части нехватки у них зимнего обмундирования, зададим им, в знак сочувствия, встречный вопрос: отсутствие какой именно зимней одежды так «страшно» сказалось на боеспособности сухопутных войск Германии в ноябре–декабре 1941-го года? Исчерпывающий ответ находим у одного из главных «страдалцев» – все того же Г. Гудериана (см. упомянутое, стр. 318): личному составу его 2-й танковой армии под Тулой «в первую очередь не хватало сапог, нательного белья и носков». Чуть позже Гудериан добавляет, чего еще тогда не хватало оккупантам: «...суконных брюк и чулок». Во всем мире такая одежда подходит к любому времени года, только не к зиме! Неужто главный танкист вермахта застудил тогда и голову, что так пагубно сказалось на достоверности его воспоминаний?!

Напомню, за тульский позор Гудериан был снят Гитлером с должности и отправлен в резерв. Но помимо такого удара Гудериан схлопотал (там же) еще один: заболел... дизентерией.

Да, с грязными руками, да без исподнего, на Русь ходить – последнее дело!

Как верить вражеским «аргументам» насчет виновности русской погоды, если самый крутой мороз ударил тогда в конце декабря, а сила его была минус 30 градусов!

Освежу в памяти несогласных, что от «генерала-мороза» под Москвой и Тулой у немцев пострадало (абсолютно выверенные учеными историками цифры) 230 тысяч солдат, а у нас – 190 тысяч! В процентном отношении к общему числу войск это составило: у оккупантов 12,5%, у нас – 15,2%! Нужны другие комментарии?

Почему же так усердно нам навязываются совсем иные условия сражений и цифры потерь? Ответ простой: иначе страшны будут для Запада реальные цифры потерь самих немцев и

их компаньонов: Румынии, Италии, Венгрии, Финляндии, Испании, Хорватии, Словакии и прочих стран Европы! Тогда где найти новых дураков для нового «очистительного» похода против «нецивилизованной» России и как охмурить россиян, чтобы в случае чего они и не пытались больше сопротивляться!

Закрывая тему, добавлю еще несколько слов в адрес «образцовых еврогуманистов», столько лет пытающихся вытеснить «дикую» Россию со «своего» континента и во что бы то ни стало присоединить к себе ее «грязное ледяное» пространство, заодно разделавшись с «примороженным» русым населением.

Наполеон был уверен в скорой победе, и в его армии помимо маркитанток офицеры везли с собой жен, детей, гувернанток и горничных: всем было обещано, что зимовать они будут в новых имениях. Но и эта «интеркадра» вместо теплых московских поместий получила пепелища, а вместо обильной еды – голод, болезни и смерть!..

Более «оригинальным» по части русского пряника для своих войск был Гитлер. Взятые в плен под Тулой в 1941-м году его рядовые «супермены» на допросах в один голос признавались, что фюрер соблазнил их гарантией: в случае победы, каждый его солдат получит 1000 гектаров нашей земли и 50 рабов!..

Но и здесь оказалось, что большинству коричневых завоевателей («фермеров») хватило, как и шведам, и французам, неглубокой ямки с горсткой (сверху) вожденной земли, а вместо рабов каждому достался номерной березовый крест!

Что ж, так было, так будет! Могильной земли и березовых кольев на Руси хватит и для других «гостей-варягов» – тех, что с развитыми хватательными мышцами, ненасытным характером, но с плохой памятью и повальной «неморозостойкостью»!..

**Наталья
ПАРЫГИНА**

ЦЕПОЧКА

Рассказ

Вечером, когда, выключив телевизор, супруги раздевались в спальне трехкомнатной «хрущёвки», чтобы лечь спать, Татьяна вдруг сообщила:

– Гриша, я беременна.

Муж помолчал. Вдохнул. Сказал безразлично:

– Четвертую девку родишь.

– Нет! – расправляя ночнушку, уверенно возразила жена. – Я вчера сон видела: будто бы тебя била. Посмотрела в сонник: «Бить мужа – к добру и семейной радости». Ты ведь сына хочешь?

– Ещё как хочу!

Произвольно истолкованный сонник не обманул. Татьяна в свой срок родила мальчишку. Назвали его Вадимом.

Дочерей Григорий не любил. Не обижал. Не наказывал. Да и не за что было наказывать: девчонки росли послушными, учились хорошо. Но отцу-то что! Не в куклы же с ними играть!

Другое дело – с сыном! Да ещё такой красавец... Большеглазый, с густыми, чуть выющимися волосами, с открытой счастливой улыбкой, он своим существованием создавал в семье атмосферу мира и радости.

Григорий работал на заводе. Классный был механик! Поддерживал тонус жизни в станках, отслуживших полтора, а то и два срока. Станки он любил. Лечил. Радовался их привычному шуму.

Станки любил. Сына. Природу... В деревне вырос – у реки и близ леса. И ещё любил выпить. После работы вместе с другими выпивохами шёл за угол завода, где на привычном месте уже стояла «Нива», в которой свободный торгош привозил зелье, преувеличенно именуемое водкой.

Татьяна как-то упрекнула мужа:

– От тебя спиртным пахнет!

– Я – мужик! – напомнил Григорий. – От телёнка пахнет молоком, а от меня водкой. – И, помолчав, в который раз поделился мечтой: – Вот куплю мотоцикл, будем с Вадимом в лес ездить...

Он копил деньги на мотоцикл.

Копилось плохо... Две зарплаты (Татьяна работала закройщицей в ателье) на шестерых – едва хватало на самое необходимое.

С Вадимом охотно занимались сёстры. Стихи он знал не только Маршака и Чуковского, но и Пушкина. С девчонками пел «Ромашки спрятались», а с мамой – «По диким степям Забайкалья». С отцом в шестилетнем возрасте на равных играл в шахматы. Читать научился задолго до школы...

В первом классе Вадим проучился один месяц. Перевели во второй. Григорий гордился сыном:

– Парень-то у меня – отличник!

Дочери выросли.

Старшая Катерина училась в институте. Галя поступила в медучилище. Младшая Иринка отлично училась в школе... Но все эти светлые стороны жизни не затрагивали душу Григория. А вот первый выход в лес с сыном – это было событие!

Правда, не совсем удачное. Даже совсем неудачное! Мальчишка устал до того, что еле доплёлся до автобусной остановки в обратный путь, а от остановки до дому даже шёл плача.

Мотоцикл удалось купить, когда Вадим окончил пятый класс. Григорий взял кредит в банке и осуществил мечту. Теперь каждое лето отец и сын выходные дни проводили в лесу.

Однажды застала их в лесу сильная гроза.

Выехали из дома – солнышко сияло, тепло, светло, ясно. До речки добрались – уже тучи грозными клочьями заволокли небо, пошло окрест сверканье и громохканье, вот уже и первые струи дождя с шорохом обрушились на деревья.

– Папа, давай вон под то дерево.

– Под дерево опасно, сын. Молния может ударить.

– Может ударить, а может и не ударить. Что, обязательно в то дерево, под которым мы спрятались?

– Ладно, что Бог даст...

А дождь вдруг ливанул таким мощным валом, что наши рыбаки моментально промокли. Оставив мотоцикл у реки, они сквозь сплошное водяное заграждение добежали до старой ели, которую успели заметить до грозы. Добрались до зелёной старушки совсем мокрые. Под тяжёлыми ветвями ели образовался как бы небольшой шатёр. Но и в него обильно стекали дождевые гостинцы неба.

– Папа, холодно! – пожаловался Вадим.

– Терпи, сын. Костёр тут не разложить.

– У меня даже зубы стучат!

– Зубы стучат? А-а, погоди... Сейчас согреешься.

Григорий развязал рюкзак, достал бутылку сорокаградусной. Налил поменьше полстакана.

– На, сынок. Выпей. Согреешься.

Парнишка глотнул. Поперхнулся. Закашлялся.

– Всю выпей! – скомандовал отец.

Остальную водку Вадим допил небольшими обжигающими рот и горло глотками. Себе папочка налил полный стакан и одолел одним махом.

Дождь всё лил.

Вадим в самом деле согрелся. Мокрая одежда уже не казалась такой холодной. Мальчишка вдруг выскочил из-под ели на поляну и принялся выплясывать, так что брызги бурно летели из-под ботинок, смешиваясь с небесными струями. То ли русская пляска, то ли рок-н-ролл.

Отец смотрел, улыбаясь. Вспомнил частушку, которую пела в деревне соседка, и запел в полный голос.

*Во зеленом во лесу
Обнимал медведь лису.
А лиса кусалася,
Медведю не давалася.*

И ещё несколько частушек спел под музыку грозового дождя. А Вадим все плясал под его частушки, пока совсем не выбился из сил.

Всё в эту поездку окончилось благополучно: мальчишка не простудился, жив-здоров, в обратный путь доехали без приключений...

Но что-то произошло! И не поймёшь – что... Да в жизни нередко так: ломается нормальный ход судьбы, и не сразу заметишь.

Заметили неблагоприятие мужики, с которыми выпивал.

– Что-то ты стал мрачный, Гриша. Случилось что?

– Сын беспокоит, – признался Григорий. – Вчера наливаю себе водочки, а он: «И мне налей!».

– Налил?

– Нет. Так он надулся. То молчит, то дерзит.

– Это – переходный возраст, – догадался низкорослый мужичок Васькин. – У меня племянник такой. Злой стал – только что не кусается.

– А может, другая причина, – предположил лысый бухгалтер, которого за возраст и за должность все называли Петровичем. – Семя!

– Какое семя, Петрович? – не понял Григорий.

– Твоё семя! Ты это... Когда сына заказывал, трезвый был?

– Ты имеешь в виду... С женой, что ли?

– Ну да. С женой.

– Не знаю. Когда как... И трезвый.. И выпивши...

– Вот и причина. Алкоголь – он цеплючий.

– Да ладно! – не поверил Васькин. – Чтоб через это...

– Возникает предрасположенность к алкоголю, – пояснил Петрович.

– Глупости это, – высказал ещё один советчик. – Ты вот что, Гриша... Ты ему пиво покупай! В пиве витаминов много. Полезный напиток.

– Главный «витамин» в пиве – это алкоголь, – напомнил Петрович.

– Да какой там алкоголь! – громко возразил пивной советчик. – Алкоголя там капля, а витаминов – целый набор.

Григорию хвалебный монолог пиву показался убедительным. Он решил испытать это доступное средство.

И не зря! Пиво Вадиму понравилось. Он теперь сам напоминал отцу перед поездкой в лес: «А пива купил?».

Но что-то часто – чаще, чем прежде! – стали возникать между отцом и сыном ссоры. А однажды – дома ещё, оба трезвые поссорились по-крупному.

Вадим уже заканчивал девятый класс. Считал себя взрослым. И в самый неподходящий вечер – в пятницу, когда отец стал собираться в завтрашнюю поездку на рыбалку, Вадим взбунтовался.

– Не поеду я на твою рыбалку. Скучно мне с тобой... Я хочу с ребятами в туристический поход идти. Я же тебе вчера говорил... Ты обещал поддерживать.

– Какой поход?... У нас с тобой всё лето турпоходы! И рыбачим. И купаемся. И грибы собираем.

– Я с ребятами хочу... Ты себе найди в напарники ровесника. А я больше ни в какой лес с тобой не поеду. Так и знай!

– И в турпоходы ни в какие не пойдёшь! И пива больше ни глотка не выпьешь!

– А вот на пиво ты будешь давать мне деньги из каждой получки. Понял?

Вадим вплотную приблизился к отцу, и Григорий впервые увидел совсем другого – страшного! сына: с горящим яростью взглядом, со сжатыми кулаками, взрослого и налитого ненавистью.

– Сынок! Сынок... Успокойся. Ладно. Буду... Буду давать тебе денег...

Оба поняли: власть в семье перешла от отца к сыну.

Потом, поняв, что ссора переросла в большую беду, Григорий корил себя: «Надо было отпустить парня в поход. Лето длинное... Успели бы и на рыбалку съездить...» Но пролитое в ладонь не соберёшь, и прожитое не воротишь.

За пивом Вадим ходил в ларёк около ближайшей трамвайной остановки. На остановке стояли лавочки (во дворах везде лавочки убрали, чтоб не тусовалась всякая пьянь). На этих ла-

вочках собиралась небольшая компания поклонников зелёного змия.

– Вадька!

Вадим оглянулся.

– Не узнаёшь меня? Я – Антон. Вашу Галку из школы провозжал. Как она?

– Хорошо. Замужем. Ребёночек у них... А вы здесь чего сидите?

– Кося ждём. Скоро придёт. Да вон он!

Из-за деревьев небольшой рощицы, на квартал протянувшейся вдоль улицы, появился высокий тощий парень со здоровенной, как чемодан, сумкой. Фамилия его была Кощеев, но выпивохи только за глаза называли его Кощеем, а в глаза – по имени: Костей.

– Ну что, братва? Пополнилась ваша бригада? Свежий алкаш появился? – оживлённо проговорил Кащей.

– Сам ты алкаш, – огрызнулся Вадим.

– Не злись. Я тебе для знакомства со скидкой сделаю.

Он, вынув из сумки, протянул Вадиму бутылочку с ядовитой радостью. И назвал цену: не намного дороже бутылки пива.

С этого дня Вадим пил алкогольную отраву с новыми друзьями. Однажды допился до того, что тут же, на лавочке уснул. Собутельники разошлись, а он остался.

Соседка по квартире увидела спящего на скамейке Вадима. Сообщила Татьяне. Та кинулась к роковому месту, растолкала сына.

– Вадик, пойдём домой!

Привела. Уложила в постель. Упрекнула мысленно: «Сыночек, за что же ты себя губишь...». Когда проснулся Вадим, попыталась с ним поговорить.

– Вадик, как же ты учиться будешь?

– Никак не буду, – равнодушно, как о постороннем, сказал сын. И, помолчав немного, пояснил: – Мои мозги как будто подменили, мама. И соображаю плохо. И не держится ничего в голове...

И не сказал, а только подумал, что какой-то невесомый, но ненасытный зверь поселился в нём и требует, требует повседневной алкогольной дани.

Григорий, не смея перечить сыну, из каждой получки оделял его оговорённой долей. Но завод хирел, зарплату задерживали, и однажды Григорий оказался без денег.

– Нету ни рубля, хоть обыщи.

Вадим обыскивать не стал. Поверил.

А ненасытный зверь, поселившийся в нём, требовал привычных градусов. И Вадим решил попросить у Кашея выпивки. В долг.

Но на этот раз тот закуражился.

– Не дам! Нету денег – ходи трезвый. Просохни.

Вадим понял: бесполезно клянчить.

Трамвай подошёл. Старик с палочкой неуклюже спустился с трамвая. А следом выпорхнула, как бабочка, молоденькая девчонка в коротком до предела и облегающем платьице, в туфлях на высоких каблуках и с цепочкой на шее. Сошла с трамвая и заспешила прочь по аллее, которую насадили тут много лет назад, когда расширяли часть улицы.

Собутельники смотрели ей вслед, как на кадр из другой – завидной, богатой и чистой – жизни. Стройные ноги, короткая причёска, цепочка на нежной шейке...

– Красавица, – вздохнул Антон.

– А цепочка-то золотая, – оценил украшение Кашей. – Носит. Не боится, что сорвут.

Цепочка?

Алкогольный дьявол (в народе его ещё называют: «хмельняк») как будто толкнул Вадима. И шептал неслышно для других: «Цепочка... Цепочка!»

Девушка уже повернула из аллеи во двор с многоэтажными домами. И тут Вадима как будто какой-то безумный вихрь сорвал с места: он кинулся по аллее догонять девчонку. Догонять цепочку! Добежал до перекрёстка. Повернул во двор.

И почти тут же раздался отчаянный женский крик.

– Догнал, – догадался Антон.

– Мы ничего не видели, – предупредил своих клиентов Кашей.

Судили Вадима в дождливый осенний день, когда его сверстники уже ходили в школу. Среди праздных зевак сидели его

родители – сгорбившись, молча, как будто окаменевшие от стыда и горя. Так и просидели в неподвижности почти всё время, пока Вадима допрашивала женщина-судья, пока потерпевшая выступала и свидетели (пожилые супруги – всё видели с балкона).

Судебное разбирательство подходило к концу. Прокурор потребовал для подсудимого срок четыре года колонии общего режима. Адвокат – тот же срок, но условно.

И вдруг Григорий, нарушив порядок, вскочил с места и заговорил торопливо, громко и отчаянно.

– Госпожа судья! Не сажайте сына! Меня... Меня посадите! Я виноват... Не сумел! Не удержал... Не воспитал. Меня посадите вместо сына!

– Следовало бы, – перебила пожилая, усталая судья. – Но не вместо, а вместе с сыном! Скажите, Григорий Матвеевич, ваш отец употреблял алкоголь?

– Мой... отец? – с недоумением переспросил Григорий. Вопрос показался ему совершенно неуместным, но кто её поймёт – эту даму, в руках которой сейчас судьба его сына. – Употреблял... Конечно, в деревне все пьют.

– И вам наливал самогонки?

– Само собой... В праздники. И так – по случаю.

– А вы своему сыну тоже – «в праздники и по случаю»?

– За семейным столом – бывало.. Но он больше пиво уважает.

– «Уважает!» – передразнила судья. – Да что же вы за люди! По цепочке, как заразу, передаете от отца к сыну алкогольную отраву! Себя губите и сыновей не щадите.

– Меня посадите, – опять, уже нерешительно, попросил Григорий.

– Неподсудная ваша вина, – объяснила судья. – За цепочку – срок, а за то, что сыну судьбу перекорёжили, сами казнитесь.

Судья умолкла. И зал замер, словно охваченный траурной минутой тишины. Татьяна, не сдерживаясь, всхлипнула. И этот звук словно переключил судью на прежний служебный тон.

– Подсудимый, встаньте! Вам предоставляется последнее слово. А вы, папаша, садитесь.

Вадим был жалок. Сутулые плечи, растерянность и страх... Да, точно, страх в глазах с припухшими веками.

– Я не знаю – как... Эта цепочка! Я не хотел... Увидел и побежал... как будто кто-то толкнул меня в спину! Бес какой-то...

Вадим умолк и замер. Только пальцы рук чуть заметно дрожали.

– Всё?

– Всё...

– Суд удаляется на совещание.

На этот раз в зале не было тишины. Завсегдатаи судебных заседаний переговаривались, потихоньку спорили, как дадут срок: условно или по-настоящему. Хриловатый женский голос громко перекрыл другие голоса:

– Я бы всех пьяниц в тюрьмы пересажала! Земля стала бы чище.

Срок судья огласила не условный. Реальный. Четыре года колонии общего режима.

Перед отправкой в колонию отцу разрешили свидание с сыном. В памяти Григория ещё до встречи с Вадимом горько запечатлелись тюремные звуки: необычно громкие замки в проходной и железное звяканье двойных дверей.

Сопровождающий охранник провёл его по казённому коридору в небольшую комнатку с квадратным столом и двумя стульями с привинченными к полу ножками.

– Ждите. Сейчас приведут заключённого.

«Заключённый», – вот теперь его звание. А я-то мечтал, что сын станет учёным...»

Вадим, сделав два шага от двери, остановился и резко, грубо спросил:

– Зачем ты пришёл?

– Вадим...

– Я не хочу с тобой разговаривать.

– Прости, сынок, – униженно пробормотал Григорий.

– «Сынок»? Разве ты считал меня сыном? Я был для тебя не сын, а собачка для забавы. Двухногая послушная собачка!

– Не говори глупостей! – раздражённо перебил отец.

Но Вадим запальчиво продолжал монолог.

– Ты – хищник, хоть и прикидывался тихим. Сестёр за людей не считал. Не замечал. Мать... Из матери рабыню сделал. Меня... не буду говорить – сам знаешь.

– Всё стерплю, – сник Григорий. – Всё... стерплю. Только не пей, когда вернёшься. Начни новую хорошую жизнь.

– Хорошую жизнь с тюремного срока не начинают...

– Начинаят! Всё по-разному... Ты сможешь! Сможешь...

– В нашей камере почти все поселились по пьянке...

– Худо тебе.. Я понимаю.

– Ничего. Как говорит мой сосед: «Утонул, опустился на дно, прилип». Сперва было неловко, потом – привык.

– Привык? Смирился, значит?

– А что делать? Через себя не перескочишь. Через тюремную ограду – тем более...

Всё же, прощаясь, Вадим обнял отца. И отец прижал его к груди. Молча. Так постояли и расстались...

И эта минута говорящего молчания больше всего запомнилась обоим.

И – вселяла надежду...

**Валерий
ХОДУЛИН**

Дон изогнулся, как подкова,
Над ним луна, как медный щит...
Владелец поля Куликова...
Не правда ль, здорово звучит?

На поле зорюшку встречая,
Ночуя в мягком ковыле,
Владелец сей – Степан Нечаев –
Знал цену собственной земле.

На этом поле кровь хлестала,
Шел жаркий бой в огне, в дыму...
Кусочки ржавого металла –
Награды выше нет ему.

Топор, секира, наконечник,
Кольчуга, лезвия клинков...
Склонившись к ним, крутой помещик
Сдувал с металла пыль веков.

Теперь народ идет с поклоном
Туда, где на поле святом
Взошла чугунная колонна
С горящим золотом крестом.

Как будто солнце излучая,
И глядя сквозь туман и тьму,
Всех россиян Степан Нечаев
Сзывает к Красному холму.

Тульская казенная палата.
Неприступно-злой чиновный люд.
Подлецы, мздоимцы, бюрократы,
Что в два горла жрут, в три горла пьют.

Разжирели в мотовстве и лоске.
Но вот-вот возмездие грядет.
Едет в Тулу Николай Ждановский,
Он в казне порядок наведет.

Он в финансах, он в литературе
Несравненный был специалист,
В позапрошлом веке, в старой Туле
Был знаком с ним каждый гимназист.

Середина сумрачного века.
Неизвестно, что там впереди.
Всех звала его библиотека:
Если жаждешь знаний – заходи.

Был он настоящий тульский житель
С чистыми руками и душой.
Финансист, чиновник, просветитель,
Заслуживший памяти большой.

И завод, и цех, и фабрика,
Школа, ферма и село
Помнят Александра Лаврика —
На друзей ему везло.

Помнят северные сполохи,
Помнят тундра и тайга,
Верхоянские геологи
И колымская пурга.

Помнят девушки якутские
В ярких шубках на меху,
И умельцы наши тульские,
Подковавшие блоху.

И чукотские старатели,
И на Лене рыбаки —
Были все ему приятели,
Были все ему близки.

Веря в дружбу и přátельство,
Он ни в чем не видел зла.
Но стрела, стрела предательства
Все ж его подстерегла.

Он упал, смертельно раненный,
Но остался на века
С синим взглядом северянина,
С добрым сердцем туляка.

Рачительные, крепкие хозяева,
Способные на добрые дела,
Блиста́ли в Туле братья Ермолаевы,
Их память до сих пор не умерла.

В богатстве и тепле
купались с детства
И не считали медные гроши.
Но дали им родители в наследство
И широту купеческой души.

Они о славе думали едва ли,
Когда, распределяя капитал,
Приюты, церкви, школы создавали,
Чтоб человек
хоть чуть счастливей стал.

Для бедных земляков служба оплотом,
Как завещанье будущим векам
Свои сердца несли они сиротам,
И вдовушкам, и сирым старикам.

И в благородство сызнова поверив,
Родившись в беспредельно дальний год,
Слов сочетание — Ермолаев-Зверев
С почтеньем правнук мой произнесет.

Если жизнь начать бы заново
В молодой ее поре,
Мне хотелось бы Шабанова
Вновь увидеть на ковре.

Крепко сбитый, ладно скроенный,
Знал Иван любой прием.
Был спортсменом он и воином,
А точнее — богатырем.

Бился он с фашистской нечистью,
Орденами награжден.
Был любимого Отечества
Многократный чемпион.

Как Геракл — герой мифический —
Верен был Иван себе
В самбо, в вольной и классической,
Да и в жизненной борьбе.

Как он двигался уверенно
И, прищурившись хитро,
Как играючи, соперников
Он бросал через бедро.

Пролетели дни весенние,
Поувяли стать и плоть,
Только время, к сожалению,
Невозможно побороть.

Сочиняя строчки эти я,
Для того терзал перо,
Чтоб свои десятилетия
Он метнул через бедро.

Воспевать сегодня вправе я
Мощь шабановской руки,
И ему желают здравия
Все его ученики.

Даже самой темной полночью
Пусть ему сияет свет.
В юбилей Ивану Фролычу
Шлем мы свой физкульт-привет!

**Любовь
ВАГАНОВА**

Удивительно красивый снегопад!
То ли хлопья, то ль вселенные летят
в бездне космоса, в безмолвии пространств,
в вечной смене, в переливе постоянств...
Я стою среди движения реки,
от меня идут незримые круги,
и замедлили скольжение времена,
и никак не раскачается весна.

ЯСЕНЬ

Что хочет ясень от меня?
Наверно, ясности,
людской осмысленности дня
и, может, гласности.
Что я от ясеня хочу?
Его дыхания,
в листве щебечущих пичуг,
хочу слияния
со всем зелёным и живым –
всей кровью красною,
пока на свете мы шумим
судьбой согласною...

Я пойду, я пройду коноплёю,
я почувствую всё, как впервой,
словно я уже стала землёю,
словно я прорастаю травой.
Захочу я коня расстреножить,
захочу я водицы испить,
отвернусь, чтоб ничто не тревожить,
чтобы взглядом ничто не смутить...
И когда возвращаюсь обратно,
аккуратно шаги заглуша,
бесконечно близка и понятна
мне любая живая душа.

Задумчивы лесные сентябри,
в них горькое предчувствие покоя,
где будут снегопады, снегири,
и ночи без конца, и всё такое...
Какой сентябрь не мыслит о зиме?
Какой февраль не думает о лете?
И кто из нас, живущих на Земле,
не возрождался в обновлённом свете?
Даль не бывает никогда видней,
чем в краткий миг неожиданных прояснений.
Чудесна чередa ночей и дней,
и не боишься бед и потрясений.
Прекрасен лес в начале сентября!
В нём мысль неизреченная таится,
и так светло и жертвенно горя,
добром и светом на душу ложится.
Я никого на свете не обижу,
не принесу страдания и зла,
и всё, что я услышу и увижу,
запомню только с лучшего числа.

Люблю обнажённость деревьев,
нагое свечение ольхи,
так схожее с трепетом перьев,
которыми пишут стихи.
Далёкие признаки лета,
и здесь, у зачатия его,
в глубинах февральского леса
несломленность и торжество.
Никто не предвидел на свете,
что в беглом решении сумм —
рождение причины и следствий
и листьев пролившийся шум!..

ПТИЧИЙ ПРАЗДНИК

Только ветры вселенские знают
для чего здесь нужны чудеса:
птичьи стаи незримо взлетают,
и трепещут от крыл небеса.
Птичий праздник! короткая радость —
закружиться на миг в облаках,
разломав застеклённые рамы,
прутья клетки отбросив, как прах...
Что пожнём в разыгравшемся ветре —
Может, пулю, а может, и песнь?
Тянет дерево к облаку ветки —
по-над бездной птенца перенести.
Ты, Земля, самых дерзких любила,
над погибелью плач вострубя...
Во сто крат наша летная сила
возрастает, коснувшись тебя.
Отдана за продлённые сутки
под залог временам голова.
Озорным виражом безрассудным
Мы берём свои птичьи права!..

Мы живём на живой и разумной планете,
мы в прекрасном и любящем мире живём,
но попали сознанием в бесовские сети
и не ценим ни дерево, ни водоём,
ни поющую птицу, ни лошадь, ни зверя,
ценим мёртвые вещи и гибельный ум,
и ничем не восполнится наша потеря,
когда в грохоте бомб гибнет радостный шум
водопада и леса, и плач сострадания,
и становится роботом жив-человек,
и машинный поток заглушает рыдания
нашей жизни живой в наш взбесившийся век.
Ещё Гоголь описывал мёртвые души,
позабывшие трепет живого крыла...
И сегодня безумною злобою душит
наши мысли и чувства чадающая мгла.

ДЯТЕЛ

Зимой к нам дятел прилетел из леса
От голода и стужи – умирать.
Его поймали и для интереса
ребёнку дали в руки поиграть.
Я маленькой была, не различала
игрушку и живое существо,
я птицу мучила, она молчала,
как совесть в сердце детства моего.
И тётя Варя крикнула: «Довольно!
Она – живая, ей ведь очень больно,
ведь погибает наяву она!..» –
И до сих пор всё это ярче сна
ко мне приходит: как же я могла
ещё совсем не ведать сострадания,
но столько неосмысленного зла
иметь внутри? что воскресят рыдания,
какою я войду во взрослый мир,
как выполню Всевышнего задание?
как одолею зло?.. О, роста миг!..
И голос тётки Вари в назиданье.

**Геннадий
ИВАНОВ**

СОЛДАТ

Пехота заснеженным склоном
Ушла на метельный закат,
А в поле ночном и холодном
Остался упавший солдат.

Он умер не сразу, он долго
Лежал на горячей крови.
Он думал для жизни и долга
Собрать ещё силы свои.

Когда понемногу стемнело,
Спокойные звёзды взошли —
Хотел он разбитое тело
Поднять от холодной земли.

Но видел лишь ворон летевший,
Скосивший на воина глаз,
Как жадно и как безутешно
Локтями он взламывал наст.

4 ОКТЯБРЯ 1993 ГОДА

Мчатся тучи, вьются тучи...
А.С. Пушкин «Бесы»

Мчатся тучи, вьются тучи.
Но чтоб так? Страшится взгляд.
То летят не камни с кручи —
Убивает брата брат.
Вот ещё один снаряд.

Помутился, что ли, разум?
Покосились ли миры?
От кого идут приказы?
Уж не с Лысой ли горы?..

Это бесы? Им не больно?
Боже, что они творят!
Ну, довольно вам, довольно!
А у них глаза горят...
Вот ещё один снаряд.

Мчатся тучи, вьются тучи.
Закрутило, замело.
Мать, ребёнок... Бей до кучи!
На Москве гуляет зло.

Люди, прячьтесь, убегайте
И сидите в уголке —
И к иконам припадайте,
И к Матфею, и к Луке...

Там священника убили,
Там убили казака,
Сколько сотен уложили
Танки — чудо ВПК...

Люди гибнут, разрывает
Их на части, жжёт огнём.
Кто-то кровью истекает
В Белом доме белым днём.

День-то солнечный и ясный,
Но в глазах моих темно.
Крик о помощи напрасный.
Вот ещё снаряд — в окно...

То летят не камни с кручи.
Люди гибнут не в кино.
Мчатся тучи, выются тучи,
Над Кремлём темным-темно.

Соблазнили народ, соблазнили,
Заглушили сознание греха —
А потом же его и казнили...
И доныне в крови лемеха.
И в крови борозда и дорога,
И брусчатка, и стены в крови...

И теперь соблазнитель много,
Уводящих от горней любви,
Процветающих целою кликой,
Уводящих от праведных дней,
От России, доныне великой,
От забот сокровенных о ней.

В сердце утомлённом затихает битва,
Только я ступаю на родимый путь.
Хорошо читается во поле молитва,
«Господи Иисусе...» — выдыхает грудь.

Этот путь привычный, этот путь
 не страшен —
Поле да кустарник, птичьи голоса...
Так бы вот и шёл я средь лугов и пашен,
По холмам лучистым
Прямо в небеса.

В моей родимой стороне
Не приживаются узбеки:
Арык им видится во сне,
Не наши северные реки.

В моей родимой стороне
Не приживаются таджики:
Им горы видятся во сне,
Памирские под небом пики.

В моей родимой стороне
Не приживаются грузины:
Им тоже видятся во сне
Не наши чахлые низины.

В моей родимой стороне
Не приживаются литовцы:
Им Запад видится во сне,
А не трухлявые колодцы.

В моей родимой стороне
Все понемногу побывали...
Кому же видятся во сне
Вот эти брошенные дали?

Я вижу ясно земляка,
Который где-нибудь под Кушкой.
Ему-то снятся и река,
И лес берёзовый с кукушкой.

Я вижу ясно земляка —
Как он глядит издалека.
Он всё глядит издалека.
А здесь — разруха и тоска.

Дождь накапал полное корыто —
Мыться будем дождевой водой!
Радость эта здесь не позабыта,
Не забыт и ковшик расписной.

Здесь живёт затейливый крестьянин.
Оттого и мило на душе,
Что с любовью тут живёт хозяин,
Как живут немногие уже.

Он колодец выстроил, как терем,
Дом украсил тонкою резьбой...
У него не покосились двери,
И доволен жизнью домовой.

А душа распахнута по-русски.
Он не станет проклинать житьё.
И хозяйка выставит закуски
Явно в удовольствие своё!

ОЖИДАНИЕ

Тёмный ларь. В нём разные одежи.
Среди старых лоскутов, белья
Есть обновы — в них её положат,
Чтобы любо приняла земля.

Восемьдесят лет ей миновало,
Дочка с мужем ждут похоронить —

И она сама уже устала
По избе да у крыльца ходить.

Всё же что-то радость доставляет —
Лучик солнца или печка в хмарь,
Но всего ей радостней бывает
Открывать на гроб похожий ларь.

Сонным полуденным зноем
Взрыхлена белая пыль —
Девушка ходит босою,
Слушает давнюю быль.

Как этой летней дорогой,
В жарких покосах и льнах,
Вдаль мы пошли от порога,
Ветер горел на губах!

Как ты, по-русски простая,
Плакала, счастья боясь...
Может, пролётная стая
Где-нибудь помнит про нас.

Слушай в орешнике птицу,
Плачь над разбитым мостом —
Только в слезах и продлится
Всё, что случится потом...

Горлинка горлит с берёзы,
Горлинка песню поёт.
В мире печали и прозы
Сердце моё устаёт.

Тоже бы петь мне почаще,
Выразить душу весны,
Неба, берёзовой чащи,
Солнцем согретой сосны...

Петь бы красиво и ясно.
Радость из песен творить.
Было бы это прекрасно.
Есть кому песни дарить!

**Геннадий
КРАСНИКОВ**

Мы дружили с фронтовиками...

*Памяти Е. Винокурова, М. Львова,
Н. Старшинова, Ф. Сухова,
В. Шефнера, Н. Панченко, В. Карпова,
А. Межирова, М. Борисова... –
поколения фронтовиков*

Мы дружили с фронтовиками,
С настоящими мужиками,
Быть почётно учениками
У великих отцов своих –
Тех, что скрыты уже веками
Под осыпавшимися венками,
Под летящими вслед плевками
На святые могилы их.

Знаем, что они пережили,
Знаем, что они заслужили
И какие песни сложили, –
Вместе с ними пели не раз...
В майский день за победу пили,
А бывало, и слёзы лили,
Вспоминая, как протрубили
Им архангелы – грозный час!..

Ну так что же, дети и внуки,
Молча мы опускаем руки,
Чтоб могли какие-то суки
Пачкать память старых солдат? –
Всё сдадим – без стыда и муки?
Впереди – подлый смех и трюки,
Пляски под похоронные звуки...
Позади – москва, сталинград!..

ПУШКИН, 1999 ГОД

Как на бегущую волну –
Звезда, так он глядит сквозь грозы
На незнакомую страну
И на знакомые берёзы.

И видит, сколько утекло
Здесь без него воды и жизни,
Нет, сердце некогда влекло
Его совсем к иной отчизне.

Увы, не скрыло солнце тьмы,
Но есть и признаки прогресса:
На новый пир среди чумы
Слетелись новые дантесы.

На муку смертного креста
Они — покуда мы враждуем —
Целуют родину в уста
Библейским страшным поцелуем...

Меняют в худшей из эпох
Небесный свет на побрякушки!..
Но мы-то помним: с нами пушкин!
Но мы-то знаем: с нами бог!

...И дольней лозы прозябанье
А. П.

Явились незваны-непрошены
И судят грехи наши тяжкие –
Пророки с биндюжными рожами,
Оракулы с бабьими ляжками.

Шумят языки празднословные,
Уста не смолкают лукавые,
И шьют нам судьбу уголовную,
И сны навевают кровавые...

Галдят о каком-то призвании,
Что было-де им откровение –
И дольней лозы прозябанье,
И ангелов горних видение...

...А листьев полёт всё летальнее,
И мысли приходят невольные,
Что всё-таки дальнее – дальнее,
И не всякое дальнее – дальнее...

Не картина, так себе – картинка,
Но, увы, не радует сюжет:
Если в парке не поёт пластинка,
Если не блестит в глазах слезинка...
Может, нас уже на свете нет?..

Не кручина, так себе – кручинка,
Но потянет беды за собой,
Если ранит снежная крупинка,
Если неба серая овчинка
Потемнела над твоей судьбой.

Не рябина, так себе – рябинка,
Ну, а всё же с нею мы родня,
Если ягод зимняя горчинка,
Если каждая её кровинка
Бьётся льдинкой в сердце у меня.

Не причина, так себе – причинка,
Но ложится гирей на весы,
Если в песне догорит лучинка,
Если вдруг случайная песчинка
Остановит вечности часы.

Вот так всегда:

интриги, подлость, ложь!..

Вот так всегда: где тонко, там и рвётся.
Захочешь выпить – рюмки не найдёшь,
Отыщешь рюмку – водки не найдётся!..

Вот так всегда: то в глаз, то в магадан,
То моника в овальном кабинете,
Захочешь выпить за прекрасных дам,
А пьёшь за тех, о ком нельзя при детях!

Вот так всегда: захочешь умным стать,
Но целый день беседеуешь с ослами,
Покуда соберёшься их послать,
Глядишь, они тебя послали сами!..

Шекспир не прав!.. Признаем наконец:
Весь мир – бардак и в нём свои порядки,
А значит, режь последний огурец –
Последний аргумент
в смертельной схватке!

Ф. ТЮТЧЕВ

Когда пробьёт последний час природы...

Ф. Тютчев «Последний катаклизм»

Пока пасут народы
И развлекают впрок,
Последний час природы
Он видит, как пророк...

Ни деревца, ни суши,
Кругом, как звёздный рой,
Мятущиеся души
Над бездной мировой...

...Тебе же всё – потеха
И повод для острот,
Пьянеет демон смеха
От слёз и катастроф.

И всё-таки впервые
Язык попрिдержи,
В минуты роковые
Над пропастью – не ржи...

Птицам вослед, что летят косяками,
Детям вослед, что глядят босяками,
Спеть ли нам новую песню потерь?
Были когда-то и мы рысаками,
Были когда-то и мы русаками,
Кем же мы стали теперь?

Спеть ли, как деды ходили походом,
Всяк атаманом был и верховодом,
Где же сегодня тот век золотой?
Были раздольным, веселым народом,

Как же случилось, что стали мы сбродом,
Жалкою, нищей толпой?

Жили собором, великим простором,
Ныне раздором живем и позором,
Матушка плачет, да некому внять...
Хватит уже умирать под забором
И перед каждым лукавцем и вором
Голову хватит склонять!
Родина!.. Пусть мы живем бестолково,
Глянeshь на клин журавлиный, и снова —
Ты нам последней надеждой дана,
Только твое материнское слово
Вымолить может со дна ли морского,
С самого темного дна...

В тех садах, в тех домах и глухих коридорах,
В тех уральских бараках (поклонимся им!),
Где в раздорах и драках взрывались, как порох,
Где смеялись и пели, где был ты своим...

Где смеялись, а песни слезами кончались,
В том немыслимом, послевоенном, году,
Где за бедным столом всем двором умещались,
Где и смерть на миру, и душа на виду.

В той забытой стране, в том году небогатом
Всюду был ты своим, отрок света и тьмы,
В той забытой стране под безбожным плакатом
Бог тебя уберег от сумы и тюрьмы...

А теперь золотят купола и столицы,
Но людей разделили лукавой межой,
В незнакомой стране незнакомые лица,
Где железные двери, где всем ты чужой.

Опять над нами тёмная завеса,
Опять тебе отходную поют,
Опять твою страну бесславят бесы
И снова бьют, и плакать не дают!..

В глухую стену, как подводник в «Курске»,
Стучи сильнее, чтоб слышали в Кремле, —
Что ты не «новый», а последний русский
В своей стране, на собственной земле.

Пора менять кручину на дубину,
Мы исчерпали срок терпеть и ждать,
Ты помни — кроме жалоб на судьбину
В России есть «наука побеждать»!..

Кто рвал хоругви наши и знамёна,
Кто в наших детях души убивал, —
Мы этих бесов вспомним поимённо,
Как никогда никто не вспоминал!..

Чего уж там, нас так и так осудят!..
Переживём и этот катаклизм,
И пусть нам общим памятником будет
Разрушенный в боях либерализм!

Бережёного бог — так меня бережёт,—
Не велит на кисельный ходить бережок.

Крепко держит в своей справедливой руке —
«Не проси!..», — не пускает к молочной реке.

Не пускает ни к барским столам, ни в кремли,
Не меняет мои пятаки на рубли.

Отклоняет пути от лавровых венцов,

От лавровых венцов, шутовских бубенцов.
Посылает мне весть, чтобы я не вздыхал,
Чтобы манны небесной напрасно не ждал...

Посылает врагов, а ещё дураков,
Погляди, да сравни: ты-то сам – не таков?

Не скупится, полынною брагой поя, –
Чтобы мёдом мне жизнь не казалась моя,

Чтобы холод земной пробирал до костей...
Видно, я у него из любимых детей...

***Николай
РАЧКОВ***

РАЗВЕ МОЖНО ВСЁ УЗНАТЬ О БУРЕ?

— Разве кто считал все ваши раны?
Падая, вы вновь вставали в строй.
К вам я обращаюсь, ветераны
Той,
Второй,
Проклятой,
Мировой!
Вы ушли в легенды, мифы, были,
Вы крещёны кровью и огнём.
С именем его вы в бой ходили.
Кто он?
Расскажите мне о нём.

— Видно, над страной опять подули
Ветры, возвещая о дожде.
Разве можно всё сказать о буре?
О грозе?
Тем боле — о вожде?
Вспомним,
Как в конце сорок второго
Каждый в мире был услышать рад
Грозное,

Торжественное слово,
Слово нашей славы —
Сталинград!..
...Он державу удержал над бездной,
Тридцать лет парил он над страной
Затаённый,
Как «хромец железный»,
С яростною волею стальной.
Упоён своею властной силой,
Был одной мечтой он обуян:
Чтоб могучей стала и счастливой
Родина рабочих и крестьян.
Плакала крестьянская калитка...
Но в державе набирали вес
Метрострой, ВДНХ, Магнитка,
Сормово, Кузбасс и Днепрогэс.
Даже исстрадавшиеся «зеки»,
Даже те, кто не был покорён,
Понимали в этом человеке
Правду
Взбуждавших времён.
Вдохновляясь исполинской ролью,
Задал он такой крошечный план,
Что ужасным сном,
Извечной болью
Стали и Надым, и Магадан.
Видно, он предчувствовал такое,
Что не снилось доблестным умам.
Мир опять метался в неспокое
От глобальных
Подковёрных драм.
Потому как чувствовался запах,
Запах крови, дыма и огня.
На страну
Обрушилась внезапно
Всей Европы хищная броня.
Вот она,
Безумная коррида,

Схватка от морей и до морей.
Развевалось знамя геноцида
В лапах у арийских дикарей.
Был его режим подобен бреду.
Но, сплотив народ со всех сторон,
Вырвал он из рук врага Победу
И возвысил свой державный трон.
О, незабываемая эра!
Тот, на Красной площади, парад!
Смяты легионы Люцифера
Мощною пятой его солдат.
Новой жизни светом озарёна
Вся земля вздохнула,
Вся земля.
Брошены фашистские знамёна,
Словно хлам,
К подножию Кремля.
Видно, он и вправду был из стали,
Как один поэт о нём сказал.
Даже Черчилль с Рузвельтом
Вставали,
Если он входил бесшумно в зал.
Неуместно говорить о торге
Тем, кто кисть пожал его руки.
Перед ним
И в страхе, и в восторге
Замирали все материки.
Многим, многим стало не по нраву,
Что властитель в кителе простом
Принял с трёхлинейкою державу,
А оставил с ядерным щитом.
Это стал потом он в чёрной краске...
Но о нём,
С волнением не в ладах,
Плакали совсем не по указке
В сёлах, деревнях и городах.
Плакали,
Не веря страшной вести,

Замирали на любой версте,
Потому что с ним шагали вместе
К той недосыгаемой мечте.
Соберите минусы по крохе,
Подчеркните все пороки, но
Всё равно,
Взглянув в глаза эпохе,
От плевел очистите зерно.
Ибо над страной опять подули
Ветры, возвещаая о дожде.

Разве можно всё сказать о буре?
О грозе?
Тем боле — о вожде?

И человек сказал: я — русский...

И Бог заплакал вместе с ним.

Н. Зиновьев

Узнал весь мир твой шаг победный,
Восславил ты свою страну.
О чём ты плачешь, друг мой бедный?
О том, что русский? Ну и ну...

Стыдись! Светлей алмазных граней
Сияет твой святой венок.
Ты столько перенёс страданий,
Такие муки превозмог.

Ты вновь обобран шайкой гнусной?
Зато душа была и есть.
Крепись, держись,
 мой друг, ты — русский!
Мой Бог! Какая это честь.

ОТЕЦ

Когда над Родиной набатом
Беда качнула небосвод,
Отец мой стал простым солдатом
В тот страшный сорок первый год.

Идя сквозь слёзы, кровь и пепел,
Чьё сердце гневно не дрожит?
Не знаю, где он пулю встретил,
Не знаю я, где он лежит

И чья рука его зарыла,
Песок иль глину постеля.
Но знаю, что его могила —
Вся им спасённая земля.

АРИСТОКРАТ

В Москве царил аврал —
Власть запаталась снова.
В Париже умирал
Великий мастер Слова.

Искал кого-то взгляд
Средь комнатёнки тусклой.
Он был аристократ
Литературы русской.

Постыло скрипнет дверь,
Постель его убога.
Но ничего теперь
Он не просил у Бога.

Всю славу, весь венок
Лауреатской доли

Сложил бы он у ног
Цветка в орловском поле.

Не залететь в окно
Разгульной русской выюге.
На небесах давно
Все недруги и друзья.

И в горести седин,
И в юности голодной —
Всегда он дворянин,
Пусть бедный, но природный.

«Россия...» — он во мрак
Шепнул чуть слышно, глухо...
Вот умирали как
Аристократы духа.

ВЕРА

Церковь разве могла лишь присниться
В этой Богом забытой дыре.
Он сюда приходил помолиться
Каждый день на вечерней заре.

Над речонкой в серебряном звоне,
На пригорке, где вербы цвели.
Каждый день в неизменном поклоне,
На коленях — почти до земли.

...Навозили и тесу, и жести,
Кирпичей навозили и плит.
Грянул день...
На намоленном месте
Нет его, а церквушка стоит.

Вспомню я детство — и сразу всё мелкое, сорное,
Всё забывается, всё полетит вверх тормашками.
Выбежишь из дому — небо такое просторное,
Речка да лес, да луга в незабудках с ромашками.

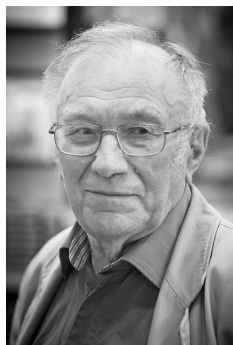
Знал я на вкус и на запах почти все растения.
Был я богат на поляне, где ягоды спелые.
Дни беззаботные! Дни моей жизни весенние!
Помыслы чистые! Взрывы фантазии смелые!

Мне подорожник лечил мои раны и ссадины.
Именно там было многое мне предназначено.
Просто не верится: столько душе было дадено,
Столько накоплено, что до сих пор не истрачено...

СОЛОВЕЙ

О чём он,
Маленький, невзрачный,
Поёт в кустах
В округе дачной?
А он в черёмуховой снежности
Сгорает
От любви и нежности.
Поёт,
Как могут только гении.
И все внимают
В удивлении.
Так раздробится,
Так раскатится,
Что жизнью, может быть,
Расплатится.
Поёт,
В любви не притворяется,
И никогда
Не повторяется.

**Станислав
КУНЯЕВ**

Гуляет ветер в камыше,
пылит разбитая дорога,
шумит река, и на душе
так хорошо и одиноко.
Прощай, весёлая пора,
случайно выпавшая милость,
как дым угасшего костра,
ты в синем небе растворилась.
Что говорить! Конечно, жаль
живую грусть осенней воли,
и остывающую даль,
и отцветающее поле.
Но чтоб не очень тосковать,
чтобы перенести разлуку,
я научился понимать
одну жестокую науку:
я научился каждый час,
который родиной даётся,
любить как бы в последний раз,
как будто больше не придется.

1967

Синее море люпина,
Поле седого овса...
Всё, что за что-то любимо,
Вновь застилает глаза.

Значит, не вымерли гены,
Не утомились ещё,
Если вздуваются вены,
Если в груди горячо.

Значит, надёжно живучи
Эти инстинкты во мне,
Если тяжёлые тучи
Нежно прильнули к земле.

Значит, свежо дуновенье
Памяти, жизни, любви,
Чтоб за одно поколение
Это исчезло в крови.

1972

Мы жили в пограничной полосе
Близ хуторов, когда-то заселённых.
Я уходил по молодой росе
И дотемна бродил в лугах зелёных.

Я слушал, как над клевером стоит
Гуденье пчёл, собирающих нектары,
И волновал меня разъятый быт,
Пустые окна, тёмные амбары.

Солома истлевала на стерне,
Сады дичали в тягостном покое.
Таилось нечто в этой тишине,
И вызревало что-то роковое.

Недаром озверевшие коты,
Блестя остервенелыми глазами,
В пустых жилищах разевая рты,
Мяукали дурными голосами.

Недаром, разлучённые с огнем,
Ветшали, как гробы, пустые печи,
И ржавчина съедала день за днём
Тяжёлые колодезные цепи.

А на исходе пламенной весны
Вдруг вспыхнули — прекрасны и зловещи —
На тёмных елях алые цветы,
Как будто бы рождественские свечи.

Давным-давно так ярко не цвели
Еловые леса в начале лета.
Огонь и зелень...
Слухи поползли,
Что не к добру подобная примета.

Быстрее хлеба вызревало зло,
И чёрный дым окрестности окутал,
Когда, кренясь,
На левое крыло
Лёг «юнкерс» —
И спикировал на хутор...

1975

Опять разгулялись витии —
Шумит мировая орда:
Россия! Россию! России!..
Но где же вы были, когда
От Вены и до Амстердама
Европу, как тряпку, кроя,
Дивизии Гудериана
Утюжили ваши поля?

Так что ж — всё прошло-пролетело,
Всё шумным быльём поросло,
И слава, и доброе дело,
И кровь, и всемирное зло?
Нет, все-таки взглянем сквозь годы
Без ярости и без прикрас:
Прекрасные ваши «свободы» —
Что было бы с ними без нас?!
Недаром легли как основа
В синодик гуманных торжеств
И проповедь графа Толстого,
И Жукова маршальский жезл.

1975

Непонятно, как можно покинуть
Эту землю и эту страну,
Душу вывернуть, память отринуть
И любовь позабыть, и войну.

Нет, не то чтобы я образцовый
Гражданин или там патриот —
Просто призрачный сад на садовой,
Бор сосновый да сумрак лиловый,
Тёмный берег да шрам пустяковый —
Это всё лишь со мною уйдет.

Всё, что было отмечено сердцем,
Ни за что не подвластно уму.
Кто-то скажет: «А Курбский? А Герцен?» —
Всё едино я вас не пойму.

Я люблю эту кровную участь,
От которой сжимается грудь.
Даже здесь бессловесностью мучусь,
А не то чтобы там где-нибудь.

Синий холод осеннего неба
Столько раз растворялся в крови —
Не оставил в ней места для гнева —
Лишь для горечи и для любви.

1969

По северным звёздам угадывать путь,
Брести от зари до ночлега,
Свалиться без сил и ладонью черпнуть
Воды из лосиного следа.

Проснуться в ночи и глядеть у костра,
Как уголь становится пеплом,
Подумать о жизни: ещё не прошла! —
Коль пламя целуется с ветром.

По тропам звериным сквозь бурую гать
Стремиться к прозрачным истокам,
Выслеживать птицу и спирт разбавлять
Холодным берёзовым соком.

А белые ночи стоят в сосняке,
Ползут на болота и взгорья,
И красная рыба по чёрной реке
Крадётся из Белого моря.

1976

ОЗЕРО БЕЗЫМЯННОЕ

Тишина. Ни собак, ни людей
Здесь не видно со дня сотворенья.
Только свадебный стон лебедей,
Только царственный блеск оперенья.

Только ягель да зубчатый лес,
Да в безмолвные белые ночи

Тусклый пламень полярных небес
Отражают озера, как очи...

Если есть в человеке душа —
Да придёт она после разлуки
Под струящийся шум камыша
На озёрные эти излуки.

Пусть останется с миром вдвоём
Без меня на закате багряном
И лепечет о чём-то своём
Безымянная над безымянным.

Пусть витает, в пустынном краю
О прошедшей судьбе забывая,
И да примет её как свою
Лебединая белая стая.

1976

Сквозь слёзы на глазах и сквозь туман души
Весь мир совсем не тот, каков он есть на деле.
Свистят над головой бесшумные стрижи,
Несутся по песку стремительные тени.
Сквозь слёзы на глазах вся жизнь совсем не та;
И ты совсем не та, и я совсем другую
Тебя люблю всю жизнь — какая слепота! —
Уж лучше осязать твоё лицо рукою.

Была одна мечта — подробно рассказать
О том, что на земле и на душе творится,
Но слишком полюбил смеяться и страдать,
А значит, из меня не вышло очевидца.
А время шло. Черты подвижного лица
Сложились навсегда, навеки огрубели.
Смешно, но это так: не понял до конца
Ни женских голосов, ни ласточкиной трели.

А если понимал хоть на единый миг,
А если прозревал хотя бы на мгновение,
То многого хотел — чтоб этот шумный мир
Мне заплатил сполна за каждое прозрение.

Об этом обо всем я размышлял в глуши
Под сиротливый звук полночного напева...
Сквозь слёзы на глазах и сквозь туман души
Надёжнее всего глядеть в ночное небо,

Где вечный свет луны и млечного огня,
И бесконечность мглы, и вспышек моментальность
Оправдывают всё, что в сердце у меня,—
Мой невеликий мир, мою сентиментальность.

1967

Из поэмы «Солнечные ночи»

Приехал местный человек.
Он был молчун. Поскольку снег
И лес, и дикие просторы,
И моря ветреная гладь —
Всё не могло располагать
Вести пустые разговоры.

Он плыл под свист утиных крыл
И, вёсла отложив, следил,
Как кулички над берегами
Токуют, распутив хвосты,
И серых самочек в кусты
Уводят важными шагами.

И с чувством не своей вины
Он сознавал, что сплетены
Бесплодность зла и зло бесплодья.
Как евнух, жалок и смешон

Тот, кто не выполнил закон
Любви, тепла и плодородья.

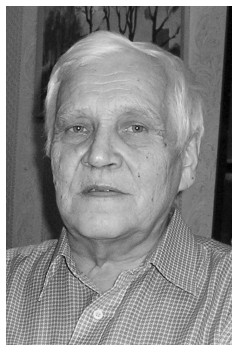
Тот, кто дитя не вывел в свет,
Тому большого дела нет
До кровных уз, до тайн природы,
И поневоле до конца
Ожесточаются сердца
В тенетах призрачной свободы.

Такой душе любить людей
Невыносимей и трудней,
Чем рыбу, птицу или волка,
Ей человек ничем не мил,
Поскольку не хватило сил
Нести ярмо любви и долга.

Да как назвать его ярмом,
Когда оно в тебе самом,
В твоих мольбах, в твоих тревогах?..
Да будет мир! Да сгинет страх!
...В твоих надеждах и страстях,
В трудах, в слезах, в прощальных вздохах.
Мы все сравниваемся в свой срок —
И шум листвы, и пыль дорог —
Всё растворится в нашем теле.
Мы медленно уходим в ночь,
Но пусть иссякнет наша мощь
Не раньше, чем достигнем цели...

1978

**Николай
СМИРНОВ**

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ МОСКВЫ В ПОЛУБАБИНО

ДОСТУЧАЛИСЬ...

Первый весенний ливень застиг меня в чистом поле, но все же я успел добежать до скирды прошлогодней соломы и так пригрелся под ней, что проспал до утра.

Проснулся в холодном поту. Мне снилось опять, что работаю зоотехником в каком-то захудалом колхозе. Снились эти лопнувшие от мороза навозные транспортеры и навоз, выпирающий из тамбуров коровников. Эти никогда не высыпающиеся доярки в грязных и рваных халатах, пьяные трактористы,дохлые и полудохлые телята, красные уголки с паутиной на окнах и засиженные мухами портреты членов Политбюро на стенах, мат бригадиров, всхлипы молочных аппаратов, скисшее молоко, которое вернули с молокозавода, идиотские отчеты о выполнении повышенных обязательств, бесконечные комиссии, существующие кажется только для того, чтобы их участников напоили до зеленых соплей да положили в багажник их машины тушу поросенка или бычка...

С больной головой я вышел на шоссе и вскоре догнал плечистого небритого мужика в шахтерской спецовке и заляпанных ссохшимся цементным раствором резиновых сапогах.

– Откуда идешь?

– С великой стройки капитализма, – с кривой усмешкой сообщил он и злобно перематерился.

– С Москвы, значит.

– С Москвы. Провалиться бы ей сквозь землю вместе со всем ее жульем! Целый год ни за хрен собачий отмантулили, да еще и товарища потеряли.

– Как это?

– А то ли убили его эти сволочи, то ли утопили где... Подрядились мы кладку вести. Я да Васька Жуков, да Гришка Богомолов – перфораторщик с проходки, да еще пятеро наших бывших шахтеров. Дом вывели до пятнадцатого этажа, а денег нет и нет. Кинут по тысяче на хлеб да «Доширак», а остальное, говорят, кучей получите, когда кладку под крышу подведете. Подвели. У них опять денег «пока» нету. Тут Васька, он у нас старшой, прораба за грудки, Тот наконец согласился. Поедем, говорит Ваське-то, в контору, все процентовки вам закрою, и деньги получишь на всех. Васька-то уехал с ним и с концами. А прораб, сволочь, говорит: «Все ему выдали, до копейки. Видно, сбежал он от вас с большими-то деньгами...» – Да кто же этому поверит, если мы с Васькой на одной шахте пятнадцать лет отработали! Я смотрю, чучмеки, что за нами стены штукатурили, тоже стали пропадать. Смекнул я что к чему. Поехал в ихнюю контору, а там и конторы никакой нет – игрушечный магазин. Все стало понятно. Мы затащили прораба на последний этаж, перекинули через кладку на бетонную плиту, да и разбрелись кто куда...

– Посадят же вас.

– Черта с два! Никто же не видел, кроме наших. А шахтер шахтера разве выдаст?! Да и в Москве на стройках постоянно люди пропадают: кто сам с верхотуры сорвется, а кому, как нашему прорабу, помогут...

– Насколько мне известно, в Подмосковном угольном бассейне пятьдесят шахт было?

– Ни одной не осталось. Мы на своей дольше всех продержались. Директор у нас Шубарин – умный мужик. С юмором. Когда демократы стали нас звать на Горбатый мост касками-то стучать, он нас собрал и говорит: «Ребята, не верьте им! Это проходимцы! Вкалывайте, если жить хотите. Вылезли из за-

боев, поднялись на гора, посмотрели: войны нет – и снова в забой до получки. Получку принесли домой, сунули бабе в форточку – и опять в забой. Потому что бабам только деньги ваши нужны, а в кровати бабе от шахтера ждать особо нечего... А те, которые на Горбатом мосту касками стучат, скоро по своей башке стучать будут...»

Как в воду Шубарин смотрел: отстучались, а потом в Угольном объединении лежали на лестничных площадках и голодали. Зарплату-то за два года не получали, хотя 25 миллионов долларов, что американцы выделили на закрытие шахт, уже давно исчезли у начальства в карманах. А 25 тысяч шахтеров шляются теперь по всей России: где сена клок, где вилы в бок, где яйцо, где хрен через плечо...

«А Шубарин, когда мы шахту свою выработали, взял в аренду два развалившихся колхоза, поднял нас на-гора и говорит: «Теперь, ребята, вы будете крестьянами, а я председателем».

И ведь пошло у нас дело. Мы почти и в заработках ничего не потеряли. И бабы наши не нарадуются: раньше-то все дома сидели, а тут летом в поле, а зимой в швейном цеху. Опыт-то у нас в сельском хозяйстве уже был. Слышал, наверно, о горбачевской продовольственной программе?

– Слышал...

– Так вот, навязали, значит, нашей шахте сотню свиней и предупредили: не будет мяса – не будет и премиальных. Шубарин выкидал из одной сараюшки всякие запчасти и затолкал туда этих свиней. К октябрьским праздникам откормили, начали резать. Тут вот с планового отдела объединения и является брюхатый начальник. И бац ему на стол два баула. В один, говорит, наложите мне печенки, а в другой мякоти от задней части, ну и ножек штук пять-шесть на холодец. Только их повыше отрубайте и тоже с мякотью. А наш-то Шубарин не только к генеральному директору, а к самому министру двери ногой открывал: шахта-то наша передовая. Пошел, говорит, отсюда, пока я тебя с лестницы не спустил. У меня шахтерам всего по килограмму приходится. «Значит не дашь?» – «И не подумаю». – «Ну ты у меня попляшешь!»

И р-раз – на другой год Шубарину план по мясу в три раза увеличил. А у того помещений-то подходящих нет. Не в кон-

торе же свиней разводить да откармливать. Думал он думал и заставил нас в той сараюшке полати сделать. Выкрутился в общем, увеличил производство свинины в три раза. Тогда этот шкурник увеличивает ему план в пять раз. Шубарин за месяц построил новый свинарник уже на тысячу голов. Тогда этот хмырь к кормам привязался и выговор ему. Ты, говорит, строй-материалы и транспортную ленту на эти корма колхозам раз-базариваешь.

Тогда Шубарин окультурил все подвалки, накупил всякой сельхозтехники и кормов стало столько, что даже колхозам-со-вхозам стали излишки продавать.

Ну и чем дело кончилось? Известно чем. Он же не только всяким шкурникам, а и демократам нашим как бельмо на глазу был.

Всяко они к нему подкатывались – и ни хрена. Наконец в по-запрошлом году нашли в Москве какого-то жулика с деньгами и продали ему наш колхоз. Мы к губернатору – тот и слушать не захотел. Мы к Президенту – нас не пустили. Мы касками стучать на Горбатом мосту – нас до самой электрички дубинка-ми гнали. Вот и вся ихняя демократия, мать-перемать!

ГРОБ С МУЗЫКОЙ

Колхоз, судя по памятнику напротив канторы, носил имя Карла Маркса. Собственно памятника как такового уже не было: постамент был опрокинут, бюст валялся неподалеку, а го-лова основоположника классовой теории была расколота на две половинки, в одной из которых лежали рваные кеды, а в другой окурки идохлый котенок.

Рядом с раскуроченной канторой на заляпанном грязью асфальтированном пяточке бушевала хлебная очередь. Другая очередь по сдаче цветного металлолома бушевала в бывшей канторе. Туда местные пьянчуги волокли все, что удалось за ночь украсть у дачников или своих же соседей: фляги, сковородки, кастрюли, электромоторы, раскладушки и даже бронзовые звездочки с могил ветеранов. Изредка оттуда с руганью и проклятьями выбегала какая-нибудь баба, прижимая к груди

помятый самовар, алюминиевый чайник, бидончик, уполовник или пылесос...

Вдруг неподалеку, под березкой, что-то громко щелкнуло и оттуда, перекрывая гомон толпы около хлебной «Газели», грохот и звон металла в конторе, полилась траурная музыка. В обоих очередях наступила гробовая тишина. Собачки, сопровождавшие своих хозяев, прижав хвосты, бросились им под ноги и жалобно заскулили.

Народ плотным кольцом окружил заросли. Но подойти к березке никто не решался.

– Может там какой пьяный с магнитофоном? – высказал кто-то догадку.

– Мишутка, ну-ка сползай туда, погляди.

– Пацаненок лет шести-семи сунул в карман огрызок баранки и отправился в разведку.

– Ну, че там? – нетерпеливо спросили из толпы.

– А ниче нет, но земля свежая и крестик на ней лежит из штaketин.

– И человека нет?

– Не-а...

– Погляди получше, может, магнитофон где под лопухами воет. Штaketину-то возьми да и пошуруй ей.

– Я и так шорудил, да только крапивой обжалился. Где-то под землей вроде играет...

– Вот, матушки вы мои, – закрестилась, запричитала древняя старуха с пустым вещмешком за плечами. – Это нам знак: конец света наступает, как в Библии-то написано.

– Ладно тебе бабка каркать-то, – оборвал ее, судя по хорошей одежде, московский дачник и сам отправился в заросли.

– В самом деле нет ни хрена, – через минуту сообщил он. – Только трубочка какая-то из земли торчит. Из нее вроде бы похоронная музыка и распространяется.

– А ты ухо-то к ней приложь.

– Приложил.

– Ну и чё?

– Из нее.

– Ты за ее подергай, может перестанет. Ведь всю душу выворачивает...

– Иди сам и дергай. Может, там фугас заложен.

– Народ испуганно попятился к конторе, где, несмотря на чрезвычайные обстоятельства, приемка цветмета возобновилась.

– Нет, нет, бабоньки! – продолжала настаивать на своем старуха с пустым мешком. – Это знак нам из преисподней. Забыли небось Митю-то убогова. Он еще при Сталине говорил: живите пока до Миши меченого да Бори беспалого. А как они заявятся в Кремль-то, так все у вас и порушится. Коров порежете своими руками, трахтуры, канбайны тоже сами в переплавку отправите. Все бабы штаны оденут, а мужик заместо бабы на мужика полезет.

– Правильно, бабуля! – громко захохотал уже где-то опохмелившийся рыжий парень в дырявой тельняшке и спецназовском берете. – В Москве, говорят, уже вплотную к этому делу подошли. Раньше-то как было: человек человеку друг, товарищ и брат, а теперь п...рас п...расу друг, товарищ и брат, а также муж, жена и любовница...

– Серега, перестань охальничать! – предупредили бывшего десантника из толпы.

– Я чего, я ничего... – хлебнув из бутылки и закурив, пожал плечами Серега. – По мне, так пускай их хоть в святые записывают. Например святой п...рас-великомученник Боря Моисеев. Звучит же!

В толпе засмеялись.

– А еще перед тем, как его в психбольницу-то отправить, – продолжала бабка, – говорил, что придет время, и кино в каждом доме будут показывать, и через это кино сатана будет в русских людей заразную кровь вливать. А от этого наша и свернется, как кисло молоко. Мне правда, это до сей поры непонятно, но телевизор, что дочеря подарили, я на всякий случай в чулан уволокла...

– Дак отдай его лучше мне, – приблизился к бабке Серега.

– Чаво?

– Ну, телевизор-то свой. Я его продам да деньги пропью. Глядишь, и у тебя кровь чистая останется, и у меня не скиснет...

– От вражина! Да неужели шарами-то ты не видишь, што все по Митиному идет: и коров порезали, и трахтуры сдали.

– Зато погуляли.

– погоди, досмееси. Али не видишь: и поля заросли. Дачники уже за грибами в поля-то ходят.

– Ну и што, и мы на охоту пойдем.

– Харя ты, Серега, некрещена. В Библии-то сказано: поле, поливаемое дождем, благословенно Богом. Но если в нем растут лишь сорняки, колючки и кусты, то оно ничего не стоит. Его ждет проклятье, и рано или поздно на нем все сгорит.

– Да и хрен с ним! Сгорит, так сгорит – малина вырастет...

– Дак ведь и ты, лешов анчихрист, соришь.

– Туда и дорога, все равно на похороны денег-то нету...

– Серега допил бутылку, зашвырнул в лопухи и захохотал. Потом сплюнул и толкнул бабку в бок.

– А хочешь, Левониха, я тебе открою секрет твоей преисподней? Пашка Морозов перед отправкой в Чечню кобеля своего в ней схоронил в преисподней-то, Бобика. Он за легковушками больно гонялся. Дак вот когда братки-то поехали на сходку в наш Бесов лес, он и увязался за ними. Один вылез из машины да с одноразки и пристрелил его. А Пашка, сама знаешь, в Москве могилы копал на каком-то кладбище, ну и узнал в гробу того братка-то. Тому несчетно пуль в каком-то ресторане всадили. Ночью его гроб выкопал, братка выкинул, гроб вместе с музыкой на мотоцикл в коляску – и сюда. В нем Бобика и схоронил. Я лично и на похоронах был.

Серега опять захохотал.

Бабка заплевалась и побрела к хлебной машине.

Под березой щелкнуло и стихло. Потом хриловатый голос, смахивающий на знаменитый голос Высоцкого, торжественно произнес:

– Прощай, наш верный товарищ. Спи спокойно. Мы за тебя отомстим...

**Марк
ДУБИНСКИЙ**

Артиллерия и поэт А.С. Пушкин

Две тысячи двенадцатый год для граждан России примечателен тремя историческими событиями, о которых должны вспоминать не только мы, ныне живущие, но и потомки наши. Одно из них связано с ратными делами России, когда она отстаивала свою независимость в неравной борьбе с татаро-монголами, державшими в железных тисках и порабощении фактически все российские княжества. К этому периоду относится одно из трёх примечательных событий: появление в оружейном арсенале артиллерии, которая, как отмечено в летописях, появилась в 1382 году, то есть ровно 630 лет тому назад.

Следующее юбилейное событие относится к царствованию императора Петра Первого, который изготовлению вооружения всех видов придавал весьма усиленное внимание. Именно он своим указом 15 февраля 1712 года повелел создать в Туле первый в России казённый оружейный завод: с того дня прошло 300 лет. Вспоминая эти исторические факты, нельзя не указать на печальную дату – 1837 год, когда в Санкт-Петербурге скончался поэт Александр Сергеевич Пушкин, – с того события прошло 175 лет. И, вспомнив все эти факты, с удивлением обнаруживаем, что они имеют косвенную логическую связь: Пушкин – артиллерия – оружейное производ-

СТВО...

По выпуску из лицея в 1817 году Александр Сергеевич Пушкин служил в коллегии иностранных дел, и каких-либо исторических документов, говорящие о его пренебрежении службой до нас не дошло; на основании чего можно сделать вывод, что начальство молодым Пушкиным было довольно. По всей вероятности доволен был и он, ибо исправно получал жалование и жил вполне прилично.

Но и тогда уже он был известен как человек творческий, эрудированный, с широким кругозором. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в журнале «Невский зритель» в разделе «Смесь» была опубликована «диссертация» «Примечание на литьё артиллерийских орудий». Скромная подпись автора: «А. Пушкин». Текст работы раскрывает нам сущность поэта как человека технически грамотного, который отлично понимает сам физический процесс литья орудийных стволов, он даже рекомендует делать опоки, то есть формы, в которых производят отливку, с большим количеством отверстий для отвода газов в процессе застывания металла, предварительно нагревать форму, а после отливки для равномерного остывания засыпать её песком. (Именно всё это применяется и ныне на оружейных заводах.)

А. Пушкин объясняет, какое влияние на крепость орудийных стволов оказывает значение тягучесть или вязкость металла, его хрупкость, удельный вес. Он при этом ссылается на французского инженера и математика Монжа; реорганизатора прусской армии, участника разгрома Наполеона Шарнхорста, французского инженера Ламартильера.

По косвенным признакам можно вполне уверенно сделать весьма важный вывод: работа Пушкина признавалась вполне серьёзной и актуальной, ибо была опубликована в журнале имевшем в то время в России громадный политический вес: подписчиками журнала были брат императора Александра Первого великий князь Михаил Павлович. А он ещё в 1820 году начал проводить реорганизацию артиллерийского образования. Именно по его предложению в 1821 году в Санкт-Петербурге было открыто офицерское Артиллерийское училище и Артиллерийская техническая школа. Среди подписчиков журнала

были и другие важные организации и персоны: Вторая артиллерийская бригада лейб-гвардии, Артиллерийский департамент, Гвардейский штаб, граф М.С. Воронцов (в его канцелярии в Одессе продолжал впоследствии службу А.С. Пушкин), князь генерал П.Г. Гагарин, П.П. Щербаков, М.М. Олсуфьев, А.А. Закревский, Н.М. Карамзин, Н.И. Греч. В Москве тоже читали молодого автора: Н.Н. Сандунов, А.А. Цветаев. Выписывали журнал и другие города: Воронеж, Астрахань, Вязьма, Вятка – всего 35 городов!..

И эта тема для самого А. Пушкина не была чем-то мимо-лётным. Ведь само отношение к ней требовало если не любви к артиллерии, то хотя бы какого-то пристрастия к ней. И нужна ведь была соответствующая подготовка, значит надо было изучать всё досконально, и он это делал, о чём свидетельствует содержание его «диссертации». Об этом же говорит тот факт, что после первой публикации появились ещё несколько публикаций на эту же тему.

В пятой и шестой книжке «Невского зрителя» уже на 33 страницах новая статья – «Краткие исторические известия об артиллерии», и подпись «А. Пушкин». К этой статье молодой Пушкин предпослал эпиграф (по-французски): «Совершенство наук есть достояние будущих поколений». Этим подходом к своей статье автор вполне чётко и определённо даёт понять, что его работа и есть научная разработка темы. Вот выдержка из этой работы. «Изобретение пороха почтётся одним из важнейших происшествий в истории государства; ибо никакое открытие не заслуживает столь великого внимания, сколь артиллерия: послужив преградою варварам в опустошении земель, она имела влияние на самый дух народов, преобразовала военное искусство, сделала войны не столь продолжительными – следственно и гибельными, и в скором времени решая битвы и судьбу престолов, предоставляет европейцам всё преимущество перед прочими народами...»

Недавний лицеист, кадет, как принято говорить ныне, показал начитанность и завидную эрудицию учёного и исследователя, подкрепляющего свои соображения ссылкой на первоисточники или исторические документы, из которых были почерпнуты эти сведения.

По Пушкину получается, что пистолет появился в 1364 году

в Италии, в городе Перуджии, а в Германии ввели в употребление фитиль. Эта малая артиллерия подала мысль к изобретению бомбард, «кои в 1420 году были сделаны для осаждения и защищения городов». Пистолетный замок изобрели в Нюрнберге в 1517 году, а вот в 1500 году была применена связка стволов артиллерии (органный батарея).

Далее он указывает, как шло совершенствование артиллерии в разных странах. Так, например, при Людовике Одиннадцатом в 1470 году стали отливать орудия из меди. При герцоге Альба в Испании появилась артиллерия на конной тяге, мушкеты в пехоте и короткоствольные карабины в коннице. А вот «каменобросцы – мортиры» изобрели только через двести лет после изобретения пушек.

Россия же, как полагает А. Пушкин, заимела артиллерию только в 1382 году: при осаде татарами кремля в них чугунные «махины» бросали камни. В архивных документах Александр Сергеевич нашёл сообщения, что при сыне Дмитрия Донского Василии сгорело в Москве несколько мастерских, в которых делали порох. В те времена огнестрельное оружие имело вполне реальное наименование: «тюфяки», «пищали», «пушки». И ещё один очень яркий пример. В 1428 году Витовт Литовский осадил город Порхов. Для скорейшего сокрушения каменных преград под стены города было на четырёх лошадях привезено огромное орудие, отлитое немецким мастером Николаем. Первым же выстрелом была обрушена стена церкви Св. Николая; при втором же выстреле, издав страшный грохот, орудие взорвалось. Погиб и мастер, и вся обслуга.

Граф Шувалов первым применил «единороги» (гаубицы), приказав всем хранить их наличие в наибольшем секрете. Новоизобретённое оружие обслуживали особо надёжные люди, которых подобрали с большой тщательностью: давали присягу о хранении тайны.

Проводя собственное исследование, он обнаруживает много интересного, чем и делится со своим читателем.

«В Санкт-Петербургском Арсенале хранятся два достопамятных орудия для всех любителей отечественных древностей: отлитые в царствование царя Иоанна Васильевича: дро-

бовик, род мортиры весом 10 пуд 23 фунта, имеющий котёл наподобие параллелепипеда и камору наподобие четырёхсторонней усечённой пирамиды; и гаубица весом 6 пуд 30 фунтов. Достойно замечания, что в 1545 году царь Иоанн Васильевич Грозный учредил стрелецкое воинство и при праотце его был вызван из Болоньи знаменитый литейщик Аристотель, который лил пушки, колокола и был также известный архитектор, а после сего в 1607 году царь Иоанн Васильевич Шуйский старался усовершенствовать воинские постановления в России, и по его повелению начали переводить с немецкого и латинского языков на русский Устав ратных пушечных и других дел, касающихся до воинской науки... Царь Алексей Михайлович, умножив Стрелецкое войско и желая усовершенствовать свои полки по европейскому образцу, принимал на службу охотников, коих называл солдатами, и поручал их устройство иностранным офицерам, вызванным в Россию для улучшения военного искусства...

Касательно же артиллерии, примечательно следующее древнее орудие, в конце двадцать седьмого и в начале двадцать восьмого столетий вылитые в России:

Троял, на конце на казённой части изображён Троянский царь, вылита 1685 года, мастером Яковом Дебне (калибр 45 ф., длина 2 сажени 15 вершков, вес 402 пуда).

Новый перс, вылита Мартыном Осиповым 1686 года (калибр 43 ф., длина 2 сажени, 1 аршин, 2 вершка).

Гамаюн, вылита Мартыном Осиповым 1609 года; вес ядра написан 6 гривенок, то есть 3 фунта (калибр 6 фунтов, длина 2 сажени, 6 вершков, вес 102 пуда).

Орёл, с изображением на дульной части двуглавого орла, вылита 1693 года Мартыном Осиповым (калибр 45 ф., длина 1 сажень, 2 аршина, вес 220 пудов).

Пушка, вылитая в Глухове в честь гетмана Мазепы 1697 года (калибр 2 ф., вес 19 пудов). Пушка «Лев» 1706 года, по повелению гетмана Мазепы вылита в Глухове мастером Карпом Балашевичем (калибр 12 ф., длина 1 сажень, 2 аршина, 5 вершков, вес 118 пудов). Пушка с изображением двуглавого орла на дульной части, вылита в Казани в 1713 году (калибр 26 ф., длина 1 сажень, 1 вершок). Пушка, вылитая 1717 года (калибр 2 ф.,

длина 1 сажень, 1 аршин, 1 вершок)...»

Все эти данные с учётом хронологии весьма интересны и были опубликованы фактически впервые, став кА бы предвосхищающим фактором последующих поколений.

Зачем и почему Александр Сергеевич Пушкин занимался «диссертацией», то есть научным трудом об изготовлении артиллерийских орудий? Ведь столь серьёзное отношение к работе не могло быть «хобби», как полагают некоторые. Из признаний самого Пушкина, из подробных его биографий известно, что после лица он собирался пойти на военную службу, стать офицером; и офицером именно артиллерийским, это вполне определённо видно из его трудов. Для пытливого и талантливого юноши познание нового было глубокой потребностью, и как раз артиллерийская наука, которая является смесью самой науки и инженерных трудов, и была той отдушиной, которая давала сердцу отраду, а уму пищу. Тем более, что этому способствовали и родственные связи. Ведь дядя юного Александра Сергеевича пошёл бы по его стопам, и тогда служба его сложилась бы иначе.

Но не получилось. Он написал эпиграмму на графа Ф.И. Толстого («американца»). Тот организовал «отмщение», в результате чего император Александр 5 мая 1820 года утвердил письмо графа И.А. Каподистрия, уже подписанное графом К.В. Нессельроде, о прикомандировании А.С. Пушкина к канцелярии генерала Инзова «сверх штата», как чиновника. Предписано было ему покинуть столицу незамедлительно, что он и выполнил на следующий день.

По всей вероятности этот излом судьбы величайшего гения России и подарил нам его как писателя, равного которому в России не было и вряд ли будет. А офицеров, учёных, изобретателей по артиллерийской части у нас было, есть и будет ещё много — как говорится, несть им числа. А писатель Александр Сергеевич Пушкин — неповторим! И его «диссертацию» в «Невском зрителе» можно считать первым опубликованным произведением в прозе.

**Николай
МЫХ-СТЕПНЯК**

А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК-ТО?

(Солженицын в апреле 1964-го)

Лет пять тому назад знакомый мне по совместной общественной работе полковник внутренних войск, войск МВД в отставке Роман Семёнович Ткач рассказал мне о том, как он однажды в купе пассажирского поезда в течение нескольких часов ехал с великим писателем Александром Исаевичем Солженицыным. И долго с ним беседовал.

Я, немного знавший о творчестве великого писателя, стал вновь читать Солженицына, перечитывать мемуарную литературу, которой было немало, в основном негативной (мало писали о нём положительного). Стал сравнивать, сопоставлять — и поверил Ткачу.

Однако самый известный специалист, автор уникального капитального труда — книги из серии ЖЗЛ «Солженицын» (Москва, 2008) Л.И. Сараскина, как и другие солжениценоведы, — в один голос отвергли факт поездки А.И. Солженицына в Крым весной 1964 года. (В 1959, 1962, 1966, 1969 гг. — да. И не более.)

Ниже привожу рассказ самого Р.С. Ткача, который я от него слышал много раз, потом переспрашивал, уточнял. Он не рисовал и не рисовался.

Р.С. Ткач

О моей встрече и беседе с писателем Александром Исаевичем Солженицыным в последнее воскресенье апреля 1964 года

Я, Роман Семёнович Ткач, 1923 года рождения, 17-го мая, уроженец села Старая Мурафа Винницкой области, образование — высшее, закончил исторический факультет университета в г. Черновцы (Украина), полковник в отставке войск МВД РФ, в последнее воскресенье апреля 1964 года ехал в одном купе поезда «Симферополь–Москва» на участке пути от Тулы до Москвы и беседовал свыше трёх часов с писателем Александром Исаевичем Солженицыным.

Я возвращался в Москву воскресным апрельским вечером после непродолжительного отдыха в семье. А учился я уже пятый месяц на курсах повышения квалификации офицеров пограничных войск КГБ и внутренних войск МВД, которые проводились при Высшей школе Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР. После окончания курсов многие из нас получили новые должности, очередные воинские звания.

Как сейчас помню: воскресенье, конец весеннего солнечного дня. Приобретя в Туле на Московском вокзале проездной билет, я вошёл в назначенное мне купе вагона, занял своё место. Купе было свободно, в нём было чисто, уютно, через открытую верхнюю форточку поступал свежий воздух. У самого края нижней полки — напротив, у выхода из купе, стояла приготовленная к выносу модная польская «тройка» бежевого цвета: два чемодана, — один побольше, другой поменьше, — и портфель. На столике в купе — что меня удивило и навсегда запомнилось — стояла хрустальная вазочка, а в ней 5–7 прутьиков зелёно-коричневых веточек ковровой вишни (японской сакуры) с нежными полураспустившимися почками, почти листиками, плотно обсыпавшими веточки сакуры.

В купе я был один.

Когда поезд тронулся, в купе вошла проводница, молодая женщина, чтобы проверить ещё раз мой проездной билет. Был я в форме подполковника внутренних войск МВД, сидел у столика с газетой в руках.

У проводницы я спросил, кто ещё со мной будет в купе.

— С вами в купе едет от самого Симферополя писатель Солженицын, — ответила она. И добавила: — Вот эти веточки сакуры при посадке на вокзале подарили Солженицыну его провожатые. А вообще провожали его красиво! Один букет писатель подарил мне, два или три букета цветов Солженицын вручил женщинам нашего вагона. А вишнёвые веточки я, найдя вазу, поставила на столик.

Поезд набирал скорость, а вскоре в купе вошёл мой попутчик — мужчина примерно моих лет, может быть, чуть старше, роста — выше среднего, сероглазый, спокойный, уверенный в себе. Одет модно. На нём был светло-серый костюм полуспортивного типа и свитер. Хорошо сложен, спортивен. Волосы мягкие, русые, с расpadом по бокам, волосы он часто поправлял.

Взглянув на меня, он подошёл к столику с другой стороны и молча сел, не здороваясь со мною.

Некоторое время мы молчали. Позже, как водится, завязался дорожный, ничего не значащий разговор, вялый, о том, о сём — не то о Туле, не то о пригороде Тулы, который мы проезжали.

Потом крайне неожиданно для меня, строго и резко писатель, обращаясь ко мне, сказал:

— А позвольте, подполковник, задать вам вопрос. Уж извините меня, может быть, он вам будет неприятен. Скажите честно: сколько душ — сотен или тысяч — на вашей совести, офицера НКВД—МВД, загубленных вами или замученных с вашей помощью? Они вас по ночам не беспокоят?

Вопрос этот, крайне неприятный и, повторяю, крайне неожиданный, ошарашил меня, буквально пригвоздил к стенке купе. Я и раньше, конечно, видел и чувствовал на себе косые, даже злые взгляды. Но таких резких слов в мой адрес не слышал! Немного растерялся, но, собравшись с духом, зная, что передо мной Сол-же-ни-цын — известный писатель, отвечал ему. (Конечно, не зная, с кем я сижу и беседую, я бы ответил ему резко, достойно и вообще отказался бы от общения.)

Я ему ответил так:

— Вы это — напрасно... Зря... Я — оружейник. К тюрьмам, лагерям, следствию, допросам никакого отношения не имел

и не имею. Я — начальник штаба учебного полка. Офицер, провоевавший, как и вы, всю войну. Имею ордена, был ранен, почти полгода находился на излечении в госпитале. Был почти списан, но, не имея гражданской специальности, перешёл на службу в органы НКВД—МВД. Сейчас мы обучаем солдат и сержантов. Учим владеть оружием, а если надо — ремонтируем его. Обучаем мы молодёжь и гражданским профессиям: ремонту радио- и холодильной аппаратуры... Воспитываем молодёжь...

— Обучаете, воспитываете... Не очень верю я работникам вашей системы... Возможно, вы и не крутили ручку кровавой мясорубки террора по молодости. По молодости... А может, и... Но как вы, боевой офицер, имеющий ордена, как вы говорите, могли пойти в услужение к Берии, Меркулову? К краснопогонникам... Вы, значит, заодно с ними, стали их наследниками. Хотя ни Берии, ни Меркулова нет в живых, но и охрана, и следствие, и прокуратура — остались, как и начальники тюрем, режима... Вы с ними ежедневно общаетесь, поздравляя их с новыми званиями, орденами, назначениями.

— Я — оружейник, — отвечал я.

Разговор наш был не простым, напряжённым. Солженицын, казавшийся сначала спокойным, выдержанным, напал на меня. А рассердившись — выходил из купе, едва ли не выбежал. Я тоже не молчал, спорил, возражал, защищая, так сказать, честь мундира.

— Признайтесь, не спорьте: вы одним миром мазаны. Вы — в одной обойме... И, как могу, я добиваюсь, чтобы каждый работник вашей службы признал свою вину, покался, заявив: «да, я грешен», «да, я виноват».

— Мне не в чем каяться...

— Общую ответственность вы, работники недавнего НКВД, не можете не нести, как и многие партийные функционеры...

...Вспоминаю: речь шла об ответственности личной и коллективной. Солженицын утверждал, мол, многие из вас говорят: «Я — как все», «Я — со всеми наравне». А это значит, что никто конкретно и не виноват, виноваты — все! Нет! У каждого своя ответственность, своя мера долга перед людьми и своей совестью. Солженицын спрашивал: «Если никто, по-вашему, не

виноват — ни надзиратели, ни конвой, потому что служат, ни следователи, потому что им приказали, то откуда же зло?».

В целом большого разговора у нас не получилось, и каждый оставался при своих интересах. Я соглашался с тем, что не всё у нас, как и в стране, хорошо; но, возражая писателю, вынужден был защищаться. И мне показалось, что Солженицын кое в чём соглашался со мной, например, с тем, что каждый поступает в соответствии со сложившимися обстоятельствами.

В целом я не думаю, что писателю беседа со мной была неинтересна. Он кое о чём и спрашивал, узнавал. Так, он поинтересовался:

— А скажите, пожалуйста, вы мою повесть об «Иване Денисовиче» читали? И если да, то какого о ней мнения?

С литературным творчеством Солженицына я был, конечно, уже знаком. Прочёл всё, что у нас печаталось. Ценил многое: например, «Матрёнин двор». А на прямо поставленный вопрос, боясь быть втянутым в обсуждение подробностей, деталей, ответил так:

— Я думаю, что повесть эту у нас мало кто читал. Далеко не все были согласны с её выводами и идеями. А главное в том, что, как только повесть появилась, мы пригласили к нам прочесть лекцию о литературе и о повести этой известную тульскую писательницу Наталью Парыгину. Она повесть разложила по косточкам. Анализируя, читала отрывки из повести. Она — член Союза писателей, кое-что рассказывала о биографии вашей. В лекции своей она говорила:

— Читать повесть или не читать — решать вам. В повести мастерски показаны — надо отдать должное Солженицыну — тюремный быт, уклад, жизнь в лагере... Но вот герои повести — офицеры, надзиратели... Один из них — едва ли не зверь. Надзиратель по кличке Татарин прямо противен: у него безвольное мятое лицо, сдавленный голос, ходит в грязной шинели... Язык повести — корявый, вымученный, далек от литературного...

Мы были согласны с писательницей... Повесть оскорбляла офицеров, а главное — солдат и сержантов, которые были срочниками, срочной службы. Они-то при чём? Они в чём виноваты? И в то же время, надо признать, у нас много недостатков, но не думаю, что их больше, чем в любом другом советском учреждении.

Мой ответ Солженицыну, как мне показалось, не очень понравился. Его уверяли, что его повесть о «Денисовиче» станет едва ли не настольной книгой для тюремщиков, работников пенитенциарной системы. Ведь она для них и писалась...

Больше эту тему мы не обсуждали, а традиционный вопрос: «Над чем вы работаете сейчас?» был бы неуместным.

Повторяюсь, повесть Солженицына я читал. Даже сравнивал её варианты: второй вариант, позже опубликованный, мне кажется, отличался от первого. Я читал многие вещи писателя, что попадали мне в руки. Читал даже тогда, когда Нобелевский лауреат жил за границей, а у нас его все годы непрерывно обливала помоями...

Как я к Солженицыну отношусь сегодня, сейчас, спустя пятьдесят лет после встречи? Глупо было бы отрицать значение, величину писателя-художника, историка, его *талант, точность, верность* его наблюдений. Достоверность всего им написанного. Военные сцены — безукоризненны, так мог писать только военный. Он писал то, что знал доподлинно, сам изучил, пережил... Я прочёл все его крупные произведения — даже «Красное колесо» — в отрывках.

С политическими взглядами писателя я не всегда был согласен и тогда, пятьдесят лет тому назад, и сейчас. Жизнь, впрочем, по большому счёту показала, что писатель был чаще прав, чем не прав. Но это совсем другой разговор.

Мне всегда импонировали воля писателя, непреклонность, бойцовский характер, огромные знания, общая культура. Могут отметить также, что говорил он грамотно, складно, внятно, держался с чувством собственного достоинства. Хотя тогда он отнёсся ко мне жёстко. Ясно, у него были на то причины. И всё же мне кажется, что к концу поездки он ко мне «помягчел». Много позже он утверждал: «Немало *там* и хороших людей, только служба у них — собачья».

Впрочем, впрочем...

Закончилась наша встреча так. Когда поезд подходил кажется, как и сейчас, к Курскому вокзалу, писатель вышел из купе. И больше в него не вернулся. (Кстати в течение трёх-четырёх часов езды он часто выходил из купе, беседуя с пассажирами, которые, несомненно, его узнали.)

После остановки поезда в купе зашёл мужчина, мне, конечно, незнакомый, и унёс с собой солженицынскую «тройку». Встречаящего писателя я не запомнил. Меня он не интересовал.

И последнее.

По понятным причинам я, повторяю, офицер войск МВД, начальник штаба учебного полка, да и позже на гражданской службе — руководитель, далеко-далеко не всем и не часто рассказывал о моей беседе со знаменитым писателем, которого до совсем недавнего времени клеймили и осуждали. Но — рассказывал! А ещё чаще — вспоминал, перебирал в памяти разговор, детали встречи, одежды, речь... Забыть эту встречу уже никогда не мог. Да и сейчас помню многие подробности: не часто в жизни встретишь человека такого масштаба. Этому же способствовала моя более чем тридцатилетняя служба — и фронтовая, и во внутренних войсках. Она приучила меня к организованности, к точности, наблюдательности, к постоянной тренировке памяти.

Повторяю, я знал Ткача много лет. Писал о нём очерк в городскую газету. Сейчас ему 89 лет. Это человек, не потерявший ни ума, ни памяти. В годы Великой Отечественной войны он был буквально изранен. По его словам, и сейчас из него выходят мелкие осколки от взорвавшейся возле него гранаты. Именно потому, что Ткач был изранен, некоторое время имел инвалидность, ветеран войны и сейчас крепко держится за жизнь. Вёл и ведёт здоровый образ жизни, следит за своим здоровьем: гимнастика, рыбалка, зимой — лыжи (до недавнего времени). У него есть автомобиль. И через год — поездки либо на курорты, либо в санатории. (Перечисляю это для подтверждения того, что рассказу его можно верить).

Я как-то спросил у Ткача: «Как вы можете помнить до сих пор, какого цвета была «тройка» у писателя?». Он ответил: «В тот год я сам хотел занять такую польскую «тройку», искал, заказывал...». (Каюсь, я забыл спросить у Романа Семёновича, приобрёл ли он себе такую «тройку», как у писателя.)

И ещё я совсем недавно спросил у Ткача, готов ли он встретиться со специалистами из Москвы, если бы они этого захотели. Р.С. Ткач ответил: «Да. И рассказал бы я им то, что рассказываю сейчас. То есть то, что было на самом деле».

И ещё раз я задал вопрос: «Не могли ли вас разыграть? Не мог ли это быть кто-то просто из друзей Солженицына?». Он ответил: «Нет. Шутить со мною, человеком военным, находящемся в офицерском мундире (я был в звании подполковника и на службе), с человеком, представляющим власть, вряд ли кто захотел бы. И второе: надо было бы к игре – то ли шутке, то ли розыгрышу подключать проводницу вагона. И она не знала, и никто не знал, не мог знать о моём появлении в этом вагоне. Случилось всё не по плану. Думаю также, что любая провокация исключалась, как и розыгрыш!».

Перехожу к возражениям солжениценоведов. Л.И. Сараскина утверждала, что в её богатой картотеке, заложенной в компьютер, нет ничего о поездке Солженицына в Крым в 1964 году. У неё всё учтено. Но Солженицын работал, встречался с людьми часто в обстановке строжайшей секретности. Так же как и хранил написанное у надёжных и верных ему людей.

И потому несколько слов о секретности. «У меня всё учтено, любая поездка», — утверждает Л.И. Сараскина. Я же уверен, что ни в принципе, ни по определению это не-воз-мож-но! Уверен, что бывали дни, дела, встречи, о которых не должен был знать никто, не знает и никогда не узнает. Очень многое могла бы прояснить госбезопасность. Однако в мемуарной литературе сообщалось, что эти документы уничтожены.

А потому перехожу к фактам биографии Солженицына. Читаем Л.И. Сараскину: «Александр Исаевич снова нырнул в нору» (на три месяца)... Нашли два укывища: одно под Тарту, другое под Пярну. «Дорогу на тот хутор Солженицын не показывал даже жене: «не нагружать никого лишнего, кому чего знать не надо» (Л.И. Сараскина. Указ. сочинение. с. 533).

А сотни встреч со своими информаторами? Места своих встреч Солженицын все раскрыл? В. Лакшин писал в дневнике: Солженицына иногда долго не могли найти, даже тогда, когда присутствие писателя было крайне необходимо. Сам Александр Исаевич: «Твардовский уже четвёртый день меня ищет...».

Опять же В. Лакшин: «Солженицын живёт в каком-то лесном домике, пишет свою романею «Красное колесо», а рядом, в шалаше, живут студенты, охраняя его».

Если надо было — Солженицын сбрасывал бороду, потом отращивая её. Солженицын был непревзойдённым конспиратором. Для чего? «Один провал — и всё пропало. Десять лет, двадцать лет сидеть на этой тайне — утечёт, откроется, и погибла вся твоя жизнь, и все доверенные тебе чужие тайны, чужие жизни — тоже» (А. Солженицын).

Жизнь Солженицына, вся его деятельность полны не только подвигов, но и абсолютно детективных историй. (Следующую историю можно понимать как юмор, хотя тут и не до шуток.) Л.К. Чуковская вспоминала: «20 февраля 1974 г. Среда. Вчера из Цюриха нам позвонил Александр Исаевич. Взяла трубку Люша (дочь Лидии Корнеевны. — *Н. М.-См.*) и спросила насчёт вещей. Солженицын ответил: «Вилы, лыжи и валенки пусть останутся в Москве». Т.е. у нас, в доме К.И. Валенки — исторические — присланы кем-то из лагеря. Вилы он держал за шкафом, хотел пырнуть, если за ним придут» (Л. Чуковская. Счастливая духовная встреча. Журнал «Новый мир», № 9 за 2008 г. с. 99).

Не могу не рассказать, может быть, забавной истории. Солженицын несколько лет (не то четыре — не то пять) жил и работал на даче известного виолончелиста М. Ростроповича. А по Москве среди тех, кто знал обоих, ходила шутка: у лауреата Государственной премии садовником работает лауреат Нобелевской премии Солженицын. Может быть, кому-нибудь известны все случаи, когда «садовник» отлучался, «нарушая трудовой кодекс»?

Мне говорили: «Солженицын, по воспоминаниям Ткача, разговаривал с ним грубо. Так быть не могло: Солженицын был всегда выдержанным, держал себя в руках». И да, и нет. У него была и общая высокая культура, и выдержка педагога. Но бывают в жизни разные обстоятельства. «Бывают минуты, когда слабеет, мешается наш рассудок» (Солженицын). Вот он в купе волей случая с эмвэдэшником. Вспомнились прошлые годы мучений и гонений... Мог ли Солженицын быть полностью уверенным в том, что его сосед по купе — скромный, благополучный и ухоженный «оружейник», а не один из работников пыточно-лагерного цеха?

Солженицын всегда был разным. Мог, как хороший дипломат, стратег и тактик, промолчать. Иногда же гневался, насту-

пал... Несколько воспоминаний о Солженицыне тех, кто его хорошо знал. В. Лакшин — литературный критик из «Нового мира». Запись от 3 декабря 1965 года. «А.Т. — страшно бранился с Солженицыным. Тот крикнул ему: “Со мной так даже надзиратели не разговаривали”. Потом оба утихли». Запись от 18.06.1966 года: «Солженицын, как всегда, слушал всех внимательно, молча расписывая замечания... Кое-где наскакивал, как боевой петух...». (Кто-нибудь из читателей видел, как дерутся петухи? — *Н. М.-См.*)

В апреле 64-го у Александра Исаевича сплелись в один тугой узел проблемы семейные, премиальные, политические, творческие...

Дела семейные. С 17 марта по 2 апреля писатель вместе с Натальей Решетовой, первой женой, побывал в Ташкенте, встречался с врачами онкологической клиники. В Ташкенте же Солженицын откровенно сказал Наталье Алексеевне, что он имел в Ленинграде любовную связь с женщиной, влюблённой в него. И десять дней длился этот роман. «Мир Натальи Алексеевны внезапно рухнул: она перестала быть единственной и несравненной. Успев прочно войти в амплуа писательской жены, она уже умела громко, с апломбом рассуждать о литературе, считала себя музой гения... Ташкентское объяснение вышло тягостным. Солженицын уверял, что его чувства к жене и к *той* женщине — разные... Рязань их ничуть не примирила; Наталья Алексеевна перестраивала квартиру, чтобы жить в разных комнатах, пока муж не выберет — она или *та*. (Л.И. Сараскина. Указ. соч. с. 529–530). (Посоветовалась ли Решетовская с Александром Исаевичем? Он разве не имел право на жильё, он — посторонний человек? — *Н. М.-См.*).

Решетовская ездила жаловаться в Москву. Их близкие — Теуши и Штейны — стали посредниками в этой драме. «Наташа лежала в нашей маленькой комнате и сутками рыдала. Мы металась, не зная, как помочь, — вспоминала сестра Решетовской. — Увиделись с Саней. Саня не ушёл. Но постепенно и неуклонно их жизнь стала превращаться в ад» (Л.И. Сараскина. Указ. соч., с. 530) (Когда у Решетовской заходил об этом разговор с писателем, она говорила, что покончит с собой и смерть её ляжет на него).

Помирились супруги в конце апреля. (Так я полагаю. — *Н. М.-Ст.*) Надо было мириться: в Рязань должен был приехать Твардовский. «Тогда — вспоминал Солженицын, — трещина склеилась ещё на шесть мучительных лет. Но работа держала, не отпускала — крепче любых цепей: отнимала всё силы — и время».

(Продолжение следует.)

**Олег
ПАНТЮХИН**

В звенящей ночной тишине
Ко мне ты приходишь во сне.
Твой образ, как легкий туман
Из дальних заоблачных стран.

Венчают столетия нас,
А мы каждый прожитый час
Стараемся в сердце сберечь
Для кратких, но сказочных встреч.

За распахнутым окном запах лета,
Сад тенистый опустел, правит полночь.
Только в отблесках небес видно где-то,
Что рассвет уже спешит к нам на помощь.

В тишине ночной рождаются мысли,
Превращаются в стихов строки.
Нелегко найти свой путь в жизни,
Отыскать его среди многих.

Без полета все вокруг – мука.
Тот, кто крылья обретал – знает,
Как звучат в душе любви звуки,
От которой все вокруг расцветает.

СНЫ

Ночь опустилась на город.
Падает хлопьями снег.
Ветер, февральский холод.
Время замедлило бег.

В доме тепло и тихо,
И в полуночной тьме
Сны, как раскрытые книги,
Тайны поведают мне.

Тайны грядущих событий
В жизни земной моей,
Тайны побед и открытий
И беспокойных дней.

Все, что может случиться,
И чему быть не дано,
В снах нам порою снится,
Словно в цветном кино.

**Владимир
САПОЖНИКОВ**

АЛЛЕЯ

Я встретил осенью тебя,
Когда листва зазолотилась,
И что-то в сердце оголилось.
Жизнь беспросветна – не любя!

Кружилась, набегала тьма,
В пустынном парке вечерело,
И мы гуляли ошалело,
Как убегали от себя...

Но от себя не убежать!
И если сердце не остыло –
Жизнь не покажется постылой...
Тебя вновь хочется обнять!

Твое дыханье ощутить,
И, как когда-то, загореться,
В наряды юности одеться –
Тебя, прекрасную, любить!

А под ногами лист шуршит,
Твои глаза луны светлее,
Мы затерялись в той аллее,
Где бродят призраки души...

Последняя неделя без зимы...
Потом придет она, как снег, неожиданно...
И станет белизна вдруг так желанна,
И будут явью ледяные сны!

Захочется шампанского в бокал!
Захочется обнять любимых нежно
И побрести вдвоем дорогой снежной,
Которой позабыл, когда шагал!

Захочется веселости в душе,
В сугробы, не робея, окунуться,
К губам твоим желанным прикоснуться –
В прекрасном оказаться мираже!

Последняя неделя без зимы...
И осень так обманчиво прекрасна
Хотя погода несколько ненастна,
Но не замерзли на скамейке мы...

**Геннадий
МАРКИН**

В ГОРОДЕ

Иван Алексеевич Малышкин город не любил. Ему не нравились шумные городские улицы с их однотипными многоэтажками. Он терпеть не мог гудящие, ревущие и несущиеся мимо него автомобили. Он не любил ходить по городским тротуарам с вечно спешащими и толкающимися пешеходами, боялся спустаться в подземные переходы, где у него всегда попрошайничали неряшливые уличные музыканты и бродяги. Короче говоря, город Ивану Алексеевичу Малышкину был чужд. То ли дело его родная деревня Косолаповка с её яблоневыми садами, стильными родниковыми водами, лиственным лесом и прохладными утренними туманами над тихой речкой Кукуевкой. В Косолаповке Иван Алексеевич родился, из Косолаповки он уходил служить в армию. Здесь же, в Косолаповских яблоневых садах, он вкусил сладость первого поцелуя, женился, воспитал детей, дождался внуков, а затем скромно, по-домашнему, отметил выход на заслуженный отдых. В общем, Косолаповка для Ивана Алексеевича была и оставалась частью его жизни. Он и в этот раз не поехал бы в город, если бы его не заставили это сделать сложившиеся жизненные обстоятельства.

Отдав родному колхозу лучшие годы своей жизни, свой опят, силы и здоровье, Иван Алексеевич являлся инвалидом второй группы, что было неплохим денежным подспорьем для его небольшой пенсии колхозника. Но недавно решением вра-

чебной комиссии районной медико-социальной экспертизы вторая группа инвалидности ему была заменена третьей, что сразу же отразилось на пенсии. Иван Алексеевич по этому поводу написал несколько жалоб, но ответа на них не было. Решив для себя, что его жалобы не дошли до адресата и завалились где-нибудь на почте, он принял решение жалобу отвезти лично и передать её, как говорится, из рук в руки. Зайдя предвзвешенно в местное отделение почтовой связи и высказав работникам почты всё, что он о них думает, не придерживаясь при этом общепринятых норм поведения и не заботясь о культуре речи, Малышкин выехал в областной центр.

В приёмной, куда вошёл Иван Алексеевич, за столом сидела женщина, секретарь и пила чай.

– Извините за то, что отвлекаю, но я хотел бы главному врачу жалобу отдать, – немного смущаясь, проговорил Малышкин.

– Жалобы отправляйте почтой, – проговорила секретарь, даже не взглянув на протянутый ей лист бумаги.

– Я отправлял жалобу почтой, но мне никто ничего не ответил, – пояснил секретарше Иван Алексеевич.

– Если отправляли, значит, вам обязательно ответят, ждите, – равнодушно ответила секретарь и, откусив кусок от бутерброда, запила его чаем.

– Мои жалобы остаются на нашей почте, их не отправляют, поэтому я сам привёз к вам жалобу, – произнёс Иван Алексеевич в тот самый момент, когда женщина прожевала пищу и ещё раз хотела откусить от бутерброда.

– Мужчина, вы мне работать не даёте, – недовольно проговорила она, отводя в сторону руку с бутербродом. – Я же вам русским языком говорю о том, что жалобы, заявления и предложения направляйте почтой, – повысила она голос.

– Я вам тоже русским языком говорю, что мои жалобы остаются на нашей почте, их не отправляют. А работать я вам даю, я же не отнимаю у вас булку с маслом, – тоже повысил голос Иван Алексеевич.

Секретарь перестала есть и злобно взглянула на Малышкина. Её глаза сузились и стали похожи на глаза кошки, приготовившейся к прыжку. Иван Алексеевич тоже взглядом впился в её глаза, и в приёмной наступила напряжённая тишина, кото-

рую нарушил вышедший из кабинета с надписью «Руководитель-главный эксперт» небольшого роста худощавый мужчина в очках.

– Товарищ начальник, – преградил ему дорогу Малышкин, – выслушайте меня, а то она меня слушать не хочет, – указал он рукой на секретаря.

– В чём дело, вы кто такой? – спросил мужчина у Малышкина, а затем перевёл взгляд на секретаря.

– Он жалобу принёс. Я ему объясняю, что бы он её по почте прислал, а он... ненормальный какой-то, – сделав удивлённое лицо, ответила женщина.

– Это я – ненормальный? – возмущённо переспросил Иван Алексеевич. – Да я почётный колхозник, пенсионер, ветеран труда, – начал перечислять Малышкин свои звания. – Это ты – ненормальная!

– Успокойтесь, пожалуйста, и говорите, я вас слушаю, – дружелюбно проговорил мужчина.

– Вот я и говорю ей, что только с вами теперь буду разговаривать, а не с ней, – ещё не совсем успокоившись, заговорил Иван Алексеевич. – Я колхозник, пенсионер. Фамилия моя – Малышкин, а зовут Иваном Алексеевичем. Товарищ начальник, мне вторую группу инвалидности сняли, а дали третью. Это как же так получается? Я всю жизнь в колхозе отработал, меня бык, колхозный бугай, бодал, все рёбра мне переломал, насилие я от него вырвался, а теперь мне вместо благодарности третью группу – и живи, как хочешь? А пенсия? Разве это пенсия? Разве можно нормально прожить на три тысячи рублей? И эту кровную мою пенсию теперча дербанить начали. Да нас, бывших колхозников, во всей Косолаповке всего трое осталось Я, бабка моя, да Маруська-доярка...

– Хорошо, хорошо, я вас понял, – перебил его мужчина. – Надежда Александровна, примите у товарища жалобу, зарегистрируйте и передайте мне лично, – сказал он секретарю и направился к выходу из приёмной.

– А Маруська-доярка живёт побогаче, чем мы с бабкой моей, – идя следом за мужчиной, продолжал говорить Малышкин. – Самогонкой потому что торгует. В последнее время совсем обнаглела, начала самогон водой разбавлять. Вот у кого

надо пенсию раздербанить, а не у меня, – продолжал Малышкин, хотя мужчина уже вышел из приёмной.

Секретарь, которую звали Надеждой Александровной, выражая недовольство, отложила в сторону недоеденный бутерброд, отставила чашку с чаем и взяла у Малышкина жалобу.

– Ходят все и ходят, только работать мешают. И что вам всем тут надо? – вполголоса говорила она, делая запись в регистрационный журнал.

Прежде, чем отправиться в свою деревню Косолаповку, Иван Алексеевич пошёл в универмаг, чтобы купить внуку Мишке наушники для аудиоплеера. Наушники Мишка просил не простые, а с колёсиком для регулятора громкости звука, точно такие же, как у его друга Витьки. Подойдя к зданию универмага, Иван Алексеевич остановился в нерешительности, увидев перед собой вместо привычного кирпичного двухэтажного строения новое здание, отделанное белым пластиком, с тёмными зеркальными окнами – современный торговый центр. Походив несколько раз туда и обратно через автоматически открывающиеся двери, Малышкин вошёл в огромный мраморный вестибюль и нашёл нужный ему отдел. За прилавком стояла молоденькая продавщица, одетая в белую рубашку и синие джинсы. На её шее красовалась золотая цепочка с кулоном, на пальцах были надеты перстни и кольца, в ушах переливались огнями золотые с изумрудными камнями серьги, а завершал драгоценное убранство пирсинг, который красовался над её верхней губой. Безразлично смотря куда-то вдаль, продавщица жевала жевательную резинку. «Должно быть, дочка каких-нибудь богатых родителей, вот только, видать, неряшливая – семечки лузгает, а очистка к губе прилипла, – подумал Иван Алексеевич, приняв пирсинг за очистку от семени подсолнуха.

– Что вам? – спросила продавщица, не переставая жевать.

– Дочка, мне нужны наушники, но такие, на которых можно громкость колёсиком регулировать, – сказал Малышкин.

– Это как? – после недолгого молчания спросила продавщица и, перестав жевать, удивлённо посмотрела на Ивана Алексеевича.

– Как же тебе объяснить-то получше? – задумчиво проговорил Малышкин. – Понимаешь, дочка, есть такие наушники, у которых имеется колёсико для регулятора громкости.

– Вы что? – засмеялась продавщица и вновь начала жевать жевательную резинку. – Таких наушников не бывает, вы меня, наверное, разыгрываете?

– Ну, как же так – не бывает? Очень даже бывает, – удивился Малышкин неосведомлённости молоденькой продавщицы. – Вот у Витьки, друга моего внука Мишки, имеются такие наушники.

– Ну, я даже не знаю, – нерешительно произнесла продавщица, – сейчас посмотрю.

Она взяла табурет, пододвинула его к полке с товаром и влезла не него, при этом Иван Алексеевич обратил внимание, что джинсы у неё на коленях рваные и одеты очень низко, из-за чего была видна верхняя часть её ягодич. Смутившись, Иван Алексеевич отвёл взгляд в сторону. «Надо же, на пальцах кольца золотые носит, а портки себе новые купить не может. Одно слово – неряха!» – вновь подумал он.

– Может быть, такие наушники вам нужны? – спросила продавщица, протягивая Ивану Алексеевичу небольшую коробочку.

– А колёсико на них имеется? – спросил Иван Алексеевич.

– А я почём знаю? – вновь пожала плечами продавщица. – Нам товар распаковывать не разрешают.

– А как узнать-то? – спросил Иван Алексеевич.

– А я почём знаю? – пожала плечами продавщица и, глядя на Малышкина, начала надувать губами жевательную резинку. Вскоре она разрослась до размеров небольшого детского воздушного шарика и, издав хлопок, лопнула.

Иван Алексеевич не стал покупать, как он выразился, ката в мешке и перед тем, как уйти, позвал к себе продавщицу. Та склонилась к нему через прилавок голову, и Иван Алексеевич потянулся к её уху.

– Дочка, ты штанишки-то себе новые купи, а то эти совсем разорвались на коленках, да к тому же они тебе малы стали. Попку-то всю почти видно было, когда ты на стул встала. И семечку с губки сними, а то сама-то вон какая красивая, а семечка засохшая всю твою красоту портит, – почти шёпотом проговорил Иван Алексеевич.

– Да вы что? – засмеялась продавщица. – Сейчас так модно брюки носить, а это не семечка, а пирсинг, его тоже носить модно.

«Это что же за мода такая пошла? В рваных штанах ходят, да к тому же перстни в губы, как дикари, вставляют! Неужели родители не видят, что их детки, словно мартышки в зоопарке, голые задницы людям показывают? Взять бы вожжи, да вожжами теми их голые задницы отхлестать. Совсем стыд потеряли. И вправду в народе говорят: бес показал моду, а сам похихикал и нырнул в воду», – мысленно рассуждал Иван Алексеевич, отойдя от прилавка.

В вестибюле торгового центра он увидел парня, который был одет в яркую красную рубашу, голубые шорты и жёлтые в полоску гольфы. Обут он был в белые кроссовки, на его голове была надета светлая летняя кепка, из-под которой выбивалась длинная чёрная косичка. На мочках его ушей блестели серьги. Но не серьги привлекли внимание Малышкина и не заплетённая косичка. Парень был в наушниках, от которых шёл тонкий провод с колёсиком для регулятора громкости.

– Молодой человек, – обратился к нему Малышкин, – скажи, пожалуйста, где ты такие наушники с колёсиком купил?

Парень медленно повернулся к Ивану Алексеевичу. Его глаза были наполовину прикрыты веками, и Ивану Алексеевичу показалось, что парень стоя засыпает. Он немного приподнял веки и взглянул на Малышкина полусонным взглядом.

– Тебе, дед, чо, колёса нужны? – как-то неестественно, словно нараспев, спросил парень.

– Нет, мне нужны не колёса, а наушники с колёсиком, как у тебя, – проговорил Малышкин, указывая на наушники.

– Тебе чо, всего-навсего одно колесо нужно? – спросил парень, и его глаза вновь начали слипаться.

– Ты меня не понял... – начал было объяснять парню Малышкин, но его перебил подошедший к ним другой молодой человек.

– Чего тебе, старче? – также нараспев спросил он.

– Прикинь, Гарик, этому деду колёса нужны, – медленно проговорил парень с наушниками.

– Я у твоего друга хотел узнать, где он наушники с колёсиком купил, а он меня не понял, – начал объяснять Иван Алексеевич подошедшему Гарику.

– Ты что, старче, из ментуры? – оглядываясь по сторонам, спросил Гарик.

– Я из Косолаповки. Мой внук Мишка хочет такие же наушники, как у твоего друга.

– «Косолапый» – это погоняло такое или фамилия? Что-то я не знаю такого Мишки, – проговорил Гарик.

– Да нет, ты тоже меня не понял. Мишка – это мой внук, а Косолаповка – это моя деревня.

– Гарик, что-то я никак не доеду, что этому деду от нас нужно? – произнёс парень в наушниках.

– А тут и ехать никуда не надо, – проговорил Гарик, обращаясь к своему другу. – Старик нам тут про Мишку Косолапова пургу гонит, а у самого на уме свои порожняки – «яму» он хочет «засыпать». Я тебе сразу сказал, что этот старик из ментуры, – подытожил Гарик и, схватив своего друга за рукав, потащил его к выходу. – Пошли отсюда!

«Какие-то парни странные», – подумал Иван Алексеевич и вышел из супермаркета. На улице стоял удушливый запах горячего асфальта, автомобильных выхлопных газов и чадающих заводских труб. Мимо него медленно и не обращая ни на кого внимания, обняв друг друга, прошли Гарик и парень в наушниках. «Тьфу!» – сплюнул Иван Алексеевич то ли оттого, что вдохнул в себя едкий городской воздух, то ли от увиденного и, круто развернувшись, зашагал в сторону автовокзала.

Спустя три часа Иван Алексеевич Малышкин вышел из автобуса на своей остановке и, пройдя вдоль леса, остановился на опушке. В воздухе пахло свежестью деревьев, скошенным сеном, мёдом и спелыми наливными яблоками. Внизу под косягом шелестела своими лазурными водами тихая речка Кукуевка, на берегах которой раскинулась его родная деревня Косолаповка.

**Ольга
БУГРИМОВА**

МОИ ИСТОКИ

Пригоршню воды зачерпну из ручья,
Окуну в ней лицо для прохлады.
Помчит меня память, как речка, журча,
К истокам моим без преграды.

И я, потеряв временам строгим счёт,
Умчусь, где просторно и вольно.
Пройдусь босиком, где, как прежде, течёт
Река моей жизни спокойно.

На миг задержусь на опушке лесной
И спрячусь в дубовую чашу.
Как в детстве засну на полянке грибной.
Нет сна безмятежного слаще.

Родимой земле поклонюсь у ключа,
Не зря же деревня – Ключище!
И сердце забьётся, восторгом звуча:
«Водицы святей нет и чище!».

От ледяной просветлеет мой ум,
Заставит услышать зов предков.
Они мне прошепчут сквозь Вечности шум:
«Сюда приезжай чаще, детка!»

Пригоршню воды зачерпну у ключа...
Умывшись, смешаю с ней слёзы.
Зачем же мой дом не стоит у ручья,
Не там, где родные берёзы?

РЕКА АТМИС

По берегам цветёт кипрей
Букетом фиолетовым.
А чибис спрашивает: «Чей
Атмис такой приветливый?»

А я отвечу: «Мой Атмис –
Моей судьбы речушка.
На его волнах вверх и вниз
Взлетала я девчушкой»

Ты, не скупясь, благословил
Водой своей живительной,
С добром в дорогу проводил
Меня в мир удивительный.

Блестит по берегам роса
Цветной палитрой радуги.
Атмис купает небеса
И сердце моё радует.

Здесь ивы прячутся в воде,
Поклоны бьют почтительно.
Не встречу я, Атмис, нигде,
Реки в стократ значительней.

Как много лет прошло с тех пор,
Покрылись косы инеем,
Но юношеский наш задор
Доносится доныне мне.

Кружит звенящая оса
Над белым цветом донника.
Ах, мой Атмис, твоя краса,
Нашла других поклонников.

Как здорово, что молодым
Остался ты до сей поры
И силу в волнах озорных
Даёшь для новой детворы.

Я ПРОШУ, ЗАСТУПНИЦА СВЯТАЯ...

Нас пугают скорым концом света.
Разве он уже не наступил?
Русь увязла в топи беспросветной,
Выбиваясь из последних сил.

Что мы видим? Смерти и разбои,
Пьяный наркотический дурман.
В собственной стране мы – как изгой,
В ней обычным делом стал обман.

Матерь Божья! Помоги нам, грешным,
Вновь услышать пение ручья,
Горький плач вдовицы безутешной
Замени на трели соловья.

Сделай так, чтоб русские просторы
Радовали солнечным жнивьем,
Радужные чистые узоры
Расцветали б под грибным дождём.

Сколько ж можно жить с такою болью,
Разнесчастной Родине моей?
Проросло в России семя злое
Средь пшеничных и ржанных полей.

Я прошу: заступница святая,
Помоги России встать с колен!
Без Христа она дошла до края...
Неужель не будет перемен?

Ты укрой небесным покрывалом
Милую мою Россию-мать.
Натерпелась, бедная, немало...
Сколько же Руси ещё страдать?

Сколько раз ещё мою святыню
Враг на дыбу будет поднимать?
Сокруши надменную гордыню...
Я молю тебя, Святая Мать!

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Вечер землю дрёмой опоясал,
Еле тлеет вдалеке закат.
Только слышно – словно переплясом,
Поезд мчится мимо наугад.

На сосне призывно филин вопит,
Лебедь на воде тревожно спит.
И сплелись кувшинки в хороводе,
Месяц робкий над водой висит.

Затаился мир. Немного грустно...
Замолчал певучий птичий хор.
Лишь певец-соловушка искусный
Не смолкает в вишне до сих пор.

В сумраке мир видится нам странным,
Тени и пугливы, и длинны.
Но какой волшебный и желанный
Мир покоя, снов и тишины!

СОЛОВЬИНАЯ ПЕСНЯ

Пробудила от сна соловьиная песня,
Разнеслись её трели над быстрой рекой.
И заспорила пеночка: «Я интересней!»,
Потревожив вокруг мир дремоты ночной.

Запищали галчата в гнезде на берёзе,
Вторит им жаворонок певучий с небес.
И взмывает над полем дозорщик стрекозий...
Заиграла, запела природа окрест.

Водопадом зелёные ветви склонились
Гибкой ивы плакучей над тихой волной.
Изумрудами вмиг под лучом засветились
Под весёлую песню воды ключевой.

Заискрил горизонт сквозь туманную дымку,
И омылись рассветом в тиши облака.
В поднебесье летят они с ветром в обнимку,
Опьянённые утренним солнцем слегка.

И росинка с листа, испарясь, улетела,
Под весенним, согретая, тёплым лучом.
Нас шалунья-весна удивить захотела
Синей далью лесов и стозвонким ручьём.

Заскрипел коростель, как уключина лодки,
Завела вновь кукушка годам нашим счёт.
Не вводи в заблужденье, кукушка-плутовка...
Пусть размеренно жизнь наша дальше течёт.

ПЕСНЯ О ПРЯХЕ

*Памяти моей мамы
посвящается*

*В низенькой светёлке
Огонёк горит.
Молодая пряха
У окна сидит...*

Из русской народной песни

Помню, о пряхе нам мамочка пела.
Голос срывался от горькой печали.
Ах, как помочь она пряхе хотела,
Девушке той, что сидит пред свечами.

С сёстрами вторили мы неумело
Хором нестройным, не в лад, отголоском.
А на щеке её ярко блестела
Слёз и горячих, и тихих полоска.

Песнь продолжалась. Звучал голос нежный.
Нас за собой звал в минувшие дали...
В мартовский день и холодный, и снежный...
В день, когда мы вдруг сиротами стали...

Солнце погасло... Исчез вечер синий...
Болью сковало горячее сердце.
Пеплом седым пал на голову иней,
И для любви вмиг захлопнулась дверца.

Женского счастья почти не изведав,
Долюшку вдовью на плечи взвалила.
И в бесконечных несчастьях и бедах
Груз одиночества гордо тащила.

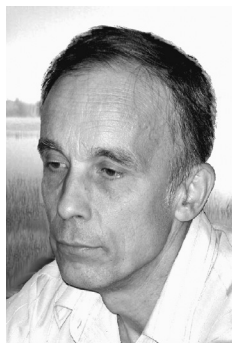
Да, с пятерыми вдовою осталась
В возрасте том, что Христа распинали.
Сколько же скорбей по жизни досталось
Доброй и умной красавице маме?!

Силы собравши, от горя восстала...
Так и жила, о себе забывая.
Символом стойкой духовности стала
Женщина русская, Матерь земная!

Мы понимали: поёт не о пряхе...
Сердце её о любви своей пело.
С песней, забыв о потере и страхе,
Мама по собственной доле скорбела.

Песню закончив, она встрепенулась...
Мы, покорённые пеньем, молчали.
Нас всех обняв, как всегда, улыбнулась.
Только глаза её болью кричали...

**Константин
СТРУКОВ**

ЛИКИ СТАРЫХ ФОТОГРАФИЙ

(отрывок из поэмы)

*Отцу моему
Валерию Струкову
посвящаю*

Вглядываюсь в лики
фотографий старых.
Наших предков мир
 уходит тихо в тень.
Вот родная мама
с маленькой гитарой,
Вот отец ее, мой дед, среди детей...

Лики эти тусклые,
 как письма откровенные,
Я листаю их, читаю
в свой заветный час.
Что мы ищем в этих судьбах,
 души их нетленные?
Чем их лики выцветшие
будоражат нас?

Вот отец-мальчишка
и друзья-приятели
Весело, шутливо смотрят на меня,
Были среди них поэты и мечтатели.
Как бы мне хотелось
их мечты понять!...

Семьи были тогда большие –
Столько ртов было в каждой,
не счесть!
Тесновато, но дружно жили.
Так давно это было, бог весть!

В доме низеньком на Калужской*
Со своею семьей жил мой дед.
У печи необъятной русской
С нетерпением ждали обед.

Ждали маму (мою, значит, бабуку)...
Хлопотала у печки она.
Ей, хозяйшке, было не сладко:
Уставала и ныла спина...

Все сидели на лавке покорно,
А хозяйка, поправив платок,
Подносила от копоти черный,
Дымом пахнувший котелок.

Не хватало терпенья... Картошка
Так заманчиво горяча!
И держал уже каждый ложку,
Не решаясь первым начать.

* Ныне улица Демонстрации.

Дед, отец их, крестился, и следом
Все крестились, дождавшись едва.
Говорил: «Зачинайте всё с хлеба.
Хлеб, известно, всему голова!»

Ах, картошечка с хлебом да с солью!
Ничего нет вкусней и сытней!
Относились с особой любовью
За столом незатейливым к ней.

С хлебом-солью,
с картошкой родились,
Им всю жизнь воздавали честь.
И всю жизнь с малолетства молились...
Так давно это было, бог весть!

Средь приятелей и близких,
Видно, он такой один.
Слышит озорные крики:
– Ну, Валерка, выходи!

Вышел.
Плечи запрокинув,
Важно подперев бока,
Смело в пляс пошел,
Картинно
Дотянувшись до носка.

Руки вытянул, чечеткой
Ноги сами понесли.
А какая-то красotka
Закружилась вместе с ним!

От гитарных вариаций
Никому не устоять!
Эх, стореть бы в знойном танце,
С юной девой загулять!

Обожгла лукавым взглядом,
Затерялась средь подруг.
И вернулась. Снова рядом,
Под гипнозом звонких струн.

А когда он в ритме танца
Поводя плечом, пошел,
От волненья блеск румянца
На лице ее расцвел.

Не сдержалось ретивое –
В круг вошла – ему под стать!
И теперь не порознь – двое
Вместе пляшут – не разнять!

Смотрит он: цыганка что ли,
Ох, с ума бы не свела!
В руки взял ее ладони –
И она пошла, пошла,

Как лебедка, величаво,
Что плывет по глади вод.
Лишь сконфуженно молчала,
Глядя робко на него.

Но лишь перекаты вальса
Окатали всех вокруг,
Он уже не расставался
С ней, с теплом воздушных рук,

С ее тихим, робким взглядом...
По дрожанию чутких губ,
По движеньям угловатым
Понял – он ей тоже люб.

Эта встреча – как открытье,
Как в неведомое шаг.
Танец, как мечта, наитье,
Танец, как души размах.

Их с тех пор любовь хранила
На ухабах долгих лет,
Им дала такую силу,
Что смогли преодолеть

И дожди, и зной, и стужу,
Горечь быта, тесноту
И войны суровой ужас,
И усталость, и нужду.

И, осилив все барьеры
Долгих беспокойных лет,
До конца хранили веру
И любви небесный свет.

...Память, ты над нами властна,
Неотступна ни на миг.
Ты печальна и прекрасна...
Ты – наш давний, чудный мир.

Я альбом открою старый,
Отряхну с обложки пыль.
И, страницы лет листая,
Воскрещу забвенья былъ.

***Изольда
АГИБАЛОВА***

ОСЕНЬ

Обнажённые ветви берёзы.
В лёгком танце кружит листопад.
И, как памяти горькие слёзы,
Льётся дождь из небесных заплат.

О тепле и любви грезит осень,
Бабым летом тихонько грустит,
Мы прощенья за что-то попросим,
И она нас, конечно, простит.

Мягко стелются жёлтые травы,
Мокрым птицам не хочется петь.
По утрам ледяные оправы
Лужам в небо мешают смотреть.

Каждый год так случается снова —
Летних снов неизменный уход;
Промелькнёт отраженьем былого
Лист последний, что ветром несёт.

ТЫ БЫЛ ИЛИ НЕ БЫЛ

Ты был или не был, а может, приснился
И в майской прохладе легко растворился?!
А сердце с потерей не хочет смириться
И в ритме волшебном мечтает забиться.

А руки все ищут с надеждой напрасной,
Что сказки осталось немного прекрасной.
Она затаилась и ждет терпеливо
Смятения мыслей и страсти порыва.

Мелькание дня и спокойствие ночи...
Ах, если б разлука была покороче!
Обычное имя опять повторяю,
Как будто не верю, что помню и знаю,

Как будто до завтра забыть вдруг смогу я;
И слова, и взгляда ответного жду я.
На дом под черёмухой вечер спустился...
Ты был или не был, а может, приснился?!

ВОТ И ОСЕНЬ В ГОСТИ ЗАГЛЯНУЛА

Вот и осень в гости заглянула,
Сразу после августа пришла,
Из окна прохладой потянуло.
Я её ждала... и не ждала.

Лето то казалось бесконечным,
То, спеша, промчалось как-то вдруг.
Листья заметает ветром встречным,
И блестит дождём промытый люк.

На асфальте трещинки-картинки,
Разглядеть, понять бы — что там, в них?

Вот и осень в гости заглянула,
Сразу после августа пришла,
Из окна прохладой потянуло.
Я её ждала... и не ждала.

Под шорох листьев хорошо бродить по парку,
Тропинок узких повороты вспоминать.
Найти в аллее из сплётённых веток арку
И там — случайно — своё счастье отыскать.

ЛИСТ

За окном на морозе качается лист.
Как устал он от холода и пустоты!
Песней смерти звучит ветра зимнего свист,
И негромко шурша, лист глядит с высоты.

Он боролся, как мог, и не падал, как все,
А держался на ветке и вниз не летел,
Не заметив в стремительном дней колесе:
Резко мир изменился и стал снежно-бел.

Ловит слух голоса вдаль ушедших друзей,
И бессонные ночи, как вечность, длинны.
Упрекая себя, вновь с тоской пожалей,
Что прекрасным годам тем не знал ты цены.

Будет радостей мало в коротком пути,
Мысли в прошлом, теперь ты живёшь –
 будто спишь.
И весною другим суждено расцвести.
Уступая им место, ты тихо слетишь.

О ЛЮБВИ

Память, тихо удалившись,
Дверь закрыла за собою,
Чтобы я, опять забывшись,
Поиграть могла с судьбою.

Губы страстно притянули
И шептали, и ласкали,
И пока мы не уснули —
В темноте меня искали.

Глаз таинственная сила
Покоряла неизбежно,
Все сомненья погасила
Понимающе и нежно.

Сердце громко так стучало,
Я боялась — все услышат,
И в волнах любви качало
Дождь на старой мокрой крыше.

Сладость жаркая мгновений
И осенние признанья,
И смешавшиеся тени
Изменили очертанья.

Руки бережно касались,
Я навстречу им тянулась.
И проблемы все решались,
И весна ко мне вернулась!

МЫ ЗНАКОМЫ ТЫСЯЧУ ЛЕТ

Мы знакомы тысячу лет
Или больше чуть-чуть, пожалуй.
Мы встречали не раз рассвет —
Так давно нас судьба связала.

Это было уже не раз —
Пролетали года над нами.
И я точно знаю сейчас,
Под какими ты жил именами.

Ты опять уходил навсегда,
Но являлся другим... и прежним.
Доброту твоих глаз года
Не студили холодом снежным.

Может, это кажется мне,
Но до боли я верю в это:
Отыщу и в воде, и в огне,
Позову – и дождусь ответа.

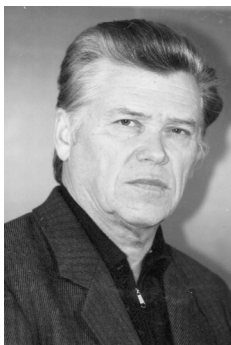
Это вечная тайна – ты
Возвращаешься неизменно,
Как ночные мои мечты.
Всё обычно... и всё бесценно.

Напряжённю во тьму всмотрюсь,
И мой вздох прозвучит, как стон.
Будет долгой дорога – пусть,
Но однажды скажу: вот он!

Узнаю я шаги твои –
Как давно мне всё это снилось!
Ты прошепчешь слова любви,
Чтобы горечь утрат забылась.

Я пройду через все века
И открою любые двери.
Как надёжна твоя рука,
Как улыбке спокойной верю!

Мы знакомы тысячу лет
Или больше чуть-чуть, пожалуй.
Мы встречали не раз рассвет –
Так давно нас судьба связала...

**Юрий
ЛУКАШ**

Ушедшие не покидают нас.
Они встают живыми пред очами,
И в сны порой, волнуя каждый раз,
Они приходят тёмными ночами.

Оставив неотложные дела,
С обжитых мест, в пыли дороги дальней
К родным местам, где молодость прошла,
Спешим успеть к субботе поминальной.

Чтоб грудь слезою память обожгла
И чтоб прижаться к холмикам заросшим,
Спешим к погосту на краю села
К родным и близким и друзьям усопшим.

На нас Всевышний смотрит с высоты,
Так в этом мире водится веками.
Как приведенья, чёрные кресты
Встречают распростёртыми «руками».

Грустим о прошлом, к празднику успев,
И боль утрат переполняет чашу,
Но ангелы, к погосту прилетев,
Благословляют эту встречу нашу.

Как жутко и страшно в дремучей глуши,
И удаль исчезла куда-то...
Зачем испытанья для пылкой души,
За что мне такая расплата?

Куда и зачем ты занёс меня, бес?
Ко рту поднимаю ладони:
– А-у-у! – надрываюсь в загадочный лес.
В ответ мне лишь крики вороньи.

От них ощущаю по коже мороз,
Блуждаю, где выход – не знаю.
Среди подрастающих стройных берёз
Опавшие листья пинаю.

Бреду потихоньку, сбивая росу, –
С тропинки натопанной сбился.
Нет, я не блуждаю в дремучем лесу –
Я в жизни своей заблудился...

Скрипит фонарь и воют провода,
Сверкает лужа у дверей вокзала.
От наших встреч с тобою ни следа.
Ты вновь ушла, ни слова не сказала.

Осенний дождь штрихует горизонт.
Зачем я здесь в такую непогоду?
Ругнувшись, кто-то раскрывает зонт,
А я зонтом не пользовался сроду.

Стою и мокну всем чертям назло.
Уйду отсюда и уеду срочно.
Тебе со мной, наверно, не везло,
А мне с тобою – это знаю точно.

А дождь вокруг молотит об асфальт.
Уехала, умчалась недотрога.
И не поймёшь, кто прав, кто виноват.
Уехала... И — скатертью дорога...

Пришёл июнь — нахал и жадина.
С собой тепла не прихватил.
Темнеет небо, словно в ссадинах,
И лютый ветер закрутил.

Но почему, не знаю толком —
Ведь лето же, а дым из труб,
Нависли тучи над посёлком,
Не попадает зуб на зуб.

Ни соловья, ни канарейки,
Лишь колотун и ветра гул.
Сосед в старинной телогрейке
На лоб ушанку натянул.

Он — терпеливая натура.
Зарос, от холода дрожа,
Сидит застывший, как скульптура,
Точь-в-точь похожий на бомжа.

И недовольно: «Что же это?!
Не попадает зуб на зуб.
Пришёл июнь — начало лета,
А на посёлке дым из труб».

Частицу любимого края
На лето беру «напрокат» –
Места, где грустит дорогая
И душу тревожит закат.

Где чёрные злые вороны,
Бесстыжие, что-то мне врут,
И тучи вокруг, как вагоны,
Куда-то тихонько плывут.

Где злой юго-западный ветер
Приносит косые дожди.
Сомнения рождают приметы.
Что ж будет ещё впереди?

Напрасно затеял всё это.
Напрасно приеду сюда.
И мне без улова всё лето
На зорьках сидеть у пруда.

Но этих ворон и дубраву,
И скопище туч на ветру
Бесплатно беру «на халяву»,
На целое лето беру.

Алексей
ГУСАКОВ

КАЗЮКИ

Без оглушительных прелюдий,
Как наложилось – так пою:
Мой город жив, покуда люди
В него вливают кровь свою.

Пока мир бряцает оружием,
Деля порфиры и венцы, –
Визжат в горячем многостружье
И состригаются резцы.

Столетия огненной забавы
В неунывающих печах –
Столетия доблести и славы
Великоросского меча.

Плывёт, торжественно-печален,
Широкий гул колоколов
Над перекличкой наковален,
Звняших весело и зло..

Одна выходит на злосчастье,
Последним воином, земля.
Мой город взял её запястье
И обернулся, как темляк.

Легко ль тебе, певец досужий,
Смотреть на свет из-под руки?
Там, самым главным из оружий,
Идут на смену казюки..

КОВШ

На беспутии земного,
С наслаждением, не спеша,
Отхлебну густого слова
Из бездонного ковша:

И по пазухам излучин,
И по кружеву дубрав
Я рассыпчато раззвучен
Дрожью дымчатых мембран.

Лишь один глоток... всё честно,
Я вселенский чту закон,
Водружу его на место,
Где висит он испокон.

Этой жизни я не стою,
Но зачем-то ходят дни...
Ковш всегда над головою –
Только руку протяни.

ЗЕРКАЛА

Она его ждала...
Но знала –
Что не его всегда звала.
Там, за спиной, в заливе зала
Друг друга видят зеркала..

Что не того она желала –
Не наяву, не во плоти, –
Ей все равно живого – мало,
Важнее поиск, чем найти..

Она других собой морочит,
Хотя давно угасший пыл
В пустых словах лежит без мочи
Среди скучающей толпы.

Она сосет тоску религий
Для изнывающей души.
Она всегда – в соседнем миге,
Как от затяжки анаши.

Она себя легко простила
За то, что дальше понесет.
Она, смеясь, в себе убила
Любовь, виновную во всем.

А сколько ей еще – не знала:
Кровь много лет назад слегла..
И отражение искало,
Кто посмотрел бы в зеркала.

РЕКВИЕМ

Мы – убиты в Афгане,
Наши дети – в Чечне...
Ну, а те, кто за нами, –
Умирают во сне.

Стали песнями – гимны,
И рутиною – смерть.
Кто проснулся, не сгинул –
Не пытается сметь.

Пуля выбьет под орден
В гимнастёрке дыру:
Гибнуть первыми – гордым,
остальные – домрут.

И что мы не сумели –
Сыновья не смогли...
И в чужие постели
Наши внучки легли...

ОН ДУМАЛ СТАТЬ...

Пока он скармливал валежник
Новорожденному костру,
Не вспоминал о жизни прежней,
Какая кончится к утру...

Потом смотрел, как пляшут зёрна
Внутри неистовых ключей –
Ночь от спины легла просторно,
Грозась огню из-за плечей..

Он не роптал на скудость пищи,
Тем попрекнув земных царей.

Он думал стать последним нищим
На окровавленной заре.

Пучком травы протёр посуду...
Взгляд протянул поверх огня:
Качало дерево Иуду,
Листвою медною звеня...

ПЕСНЮ СОЛОВЬЮ

Много песен безыскусных
Разослал во все края,
Чтоб одну, для женщин русских,
Умыкнуть у соловья,
И над вечною равниной,
Без натужного вранья,
Срезать трелью соловьиной
Перебранку воронья.
А потом – пускай итожит,
Кто там есть, мои дела...
Я скажу: «Не милуй, Боже!
Врежь до нужного числа,
Но судить не стоит строго,
Что украл. Я ведь пою!
У тебя же песен много,
Дай другую соловью».

БОМЖ

Гудел витрины нимб
Над мокрой головой..
Дрожь не прощалась с ним,
Пока он был живой.
Земля сосала дождь,
Причмокивая грязь...

А слышал он – как дрожь
Сегодня вдруг сдалась.
За два десятка лет,
Прошедших стороной,
Вдруг ощутил скелет,
Сидящий под стеной.
И даже дернул нерв
Малюсенькой иглой,
Которой вышит герб
Над русской землей.
И дальше – высоко,
Но будто у ребра –
Катался луноход,
Который он собрал...

ДОРОГА ДОМОЙ

Он как-то вышел на порог,
Дверь запахнув в карман, –
Тогда вздохнул у самых ног
Тяжелый океан.

Он дом оставил за спиной,
Растерянный вослед,
Макнув в рассветное вино
Дороги черный хлеб.

Подошвы стерли города
Разноязычных стран.
А впереди него всегда
Катился океан.

И он не мог его догнать,
Но и отстать – не мог.
Он так хотел, спешил узнать,
Где обитает Бог.

Он знал одно – идти за ним,
В куски изрезав сон....
И в годы складывались дни,
И их не помнил он...

Он так давно воды не пил,
Что был от жажды пьян..
И впереди – его слепил
Под солнцем океан.

Еще чуть-чуть – взметнется синь
Земли на небеса..
Но он упал совсем без сил
И затворил глаза.

И океан к груди приник.
Смеющийся, живой..
И понял он в последний миг,
Что он спешил домой...

НЕЛЬЗЯ

Сердце – для земли,
Душа – для неба..
Это невозможно изменить.
Как нельзя до звёзд лететь без хлеба,
Так без солнца хлеба не родить...

Сколько нас таких, кто в небо глянул
И зашёлся духом от высот!
Всех на серебристые поляны
Ветер бледнолицый принесёт.

Там, под светом солнечным и лунным,
Песни растеряться не могли:
Древностью натянутые струны
Ждут прикосновения былин.

Не найдешь в божественности смысла...
Так что себя этим не морочь.
Обняла пространство-коромысло
Звездами проколотая, ночь.

За спиною огненного круга
Небо дотянулось до земли.
Мы дрожим не просто от испуга –
От его предчувствия вдали.

Как крылатым душам примириться
С тем, что им не вырваться из гнёзд?!
В книге судеб выдраны страницы,
Где прочерчен путь до дальних звёзд.

И нельзя молитвою воздаться,
Страшное с собой не совершив:
Там душа измается без сердца,
Сердце тут остынет без души.

**Леонид
ЗОЛУТУХИН**

БЕЛОУСОВСКИЙ ПАРК *(цикл стихов)*

1. ЗИМНЕЕ

Помнишь осеннего парка унынье,
Гроздь рябин, как пожар в небесах?
Время прощанья под крик журавлиный
И отраженье печали в глазах.

Как ни зови, он уже не вернется,
Памятный миг, отзвенев в вышине.
Счастье проходит, любовь остается
Болью на грустной гитарной струне.

Пусть не сумели мы время приблизить,
Счастье свое сохранив для двоих,
Майских рассветов всполох увидеть
Под разноцветье улыбок твоих.

Как ни зови, он уже не вернется,
Памятный миг, отзвенев в вышине.

Счастье проходит, любовь остается
Болью на грустной гитарной струне.

Нынче от снега деревья седые,
Тропки надежд целиной разбрелись.
Может, зимою здесь пары иные
От наших ошибок выбелят лист.

Как ни зови, он уже не вернется,
Памятный миг, отзвенев в вышине.
Счастье проходит, любовь остается
Болью на грустной гитарной струне

2. ВЕСЕННЕЕ

Солнцем весенним поляны просеяны,
Снеги сомнений ручьями стекли.
Майскою радугой в небе развеяны
Тени на облачке нашей любви.

Вместе с весною и счастье вернулось
К нам пятипалым сирени цветком.
Словно улыбка твоя обернулась
Легким, как луч, золотым мотыльком.

Вновь мы аллеями старого сада,
За руки взявшись, с тобою прошли,
Нам восстанавливать даже не надо
Тропки надежд и тропинку любви.

Вместе с весною и счастье вернулось
К нам пятипалым сирени цветком.
Словно улыбка твоя обернулась
Легким, как луч, золотым мотыльком.

Вот и скамейка знакомая наша,
И попрошайки – друзья-воробы.

Сядем послушать, как в зарослях парка
Песни поют о любви соловьи.

Вместе с весной и счастье вернулось
К нам пятипалым сирени цветком.
Словно улыбка твоя обернулась
Легким, как луч, золотым мотыльком.

3. ЛЕТНЕЕ

Летнего парка раскрыты объятья
Новым надеждам и новым мечтам.
На паровозике детства прокатит,
И каруселью промчит по годам.

Ветер с пушинками в вальсе закружит,
Солнце улыбкой согрело пруды.
И паутинок изящество кружев
Над изумрудным нарядом травы.

В тихих аллеях дремлет прохлада,
Робкие пары зашли погостить.
Даже веселые ливни фонтана
Здесь не сумеют любовь погасить.

Ветер с пушинками в вальсе закружит,
Солнце улыбкой согрело пруды.
И паутинок изящество кружев,
Над изумрудным нарядом травы.

Светят улыбки по-летнему ярко,
Глаз синева зазывает в полет.
Нас колесо обозрения в парке
Над суетою людскою несет.

Ветер с пушинками в вальсе закружит,
Солнце улыбкой согрело пруды.
И паутинок изящество кружев,
Над изумрудным нарядом травы.

4. ОСЕННЕЕ

Осень дождем и прохладой повеяла,
Рыжим бельчонком резвится в саду.
Наши надежды, что парком наваяны,
Ивой плакучей купает в пруду.

Кленов багрянец выкрасил небо,
В зябких аллеях прячется тишь.
Парку спасибо за были и небыль:
Может, весною нас вновь приютишь?

Ветер листву по аллеям гоняет
И желудевым играет дождем.
Словно на прочность любовь проверяет,
Но под зонтом нам уютно вдвоем.

Кленов багрянец выкрасил небо,
В зябких аллеях прячется тишь.
Парку спасибо за были и небыль:
Может, весною нас вновь приютишь?

Листья каштанов октябрь застудит,
Гроздь рябин снегирей заждались,
Мы твоего, парк, тепла не забудем,
И ты нас, пожалуйста, тоже дождись.

Кленов багрянец выкрасил небо,
В зябких аллеях прячется тишь.
Парку спасибо за были и небыль:
Может весною нас вновь приютишь?

Анатолий
КЛИМОВ

КРАСОТА

В нашем городе древнем живёт Красота.
Вместе с нами по улицам ходит она,
Вместе с нами встречает восход и закат,
Вместе с нами рождает и учит ребят,
Вместе с нами стоит за рабочим станком,
Вместе с нами сидит за скудным столом.

Мы привыкли к её повседневной красе
И заботу о ней позабыли совсем.
Никого не тревожит и сердце не жжёт,
Что у нас Красота на задворках живёт,
Что с лица побледнела, и поступь не та.
Незавидного вида у нас Красота.

Что же с нами случилось на нашем пути,
Что мы телом жиреем и беднеем с души?
Кто наши души растлил до конца,
Что стала ненужной у нас Красота.

А ведь с древних времён повелось на Руси –
Красный угол в избе Красоте отведи.
Красота – первый гость! Красоте – первый тост!
Как бы трудно у нас на Руси ни жилось.

ГИМН СЛОВУ

Я слово держу!
Я люблюсь словами.
Я с собой их ношу,
Как валюту в кармане.

Я без слов не могу,
Это счастье большое –
Осыпать словами своё изголовье.

Слова – бриллианты.
Слова, как алмазы.
Они всё выражают:
И чувства, и разум.

Они многозначны.
В них радость и мука,
Весь мир наполняют
Мелодией звука.

А также добавлю
Истины ради:
В основе всех дел
Было слово вначале.

Великая сила
В слове таится.
И нет ей предела,
И нет ей границы.

Народы встают
По велению слова,
И творится история
Снова и снова.

Всё это известно,
Всё это не ново.
Мир был бы немым,
Если б не было слова!

КАРАКУМСКИЙ МОСТ

По каракумскому мосту
Иду вечернею порою,
Речной прохлагою дышу
После дневного зноя.

Река недвижна и чиста,
Зеркальной гладью удивляя,
Собор купает купола,
Покой не нарушая.

Тёмных лодок череда,
Уткнувшись в берег, тихо дремлет.
И только белый дым костра
Покоя не приемлет.

А по мосту туда-сюда
Ельчане парами гуляют,
И их земные голоса
В голубизне вечерней тают.

А вечер будто бы умыт,
Зарёй поблекшей догорая,
И хочется мечтать и жить,
И сердце трепетно стучит
От этого земного рая.

БАБЬЕ ЛЕТО

Летним солнцем обогрета,
Словно позднее дитя,
К нам приходит бабье лето
В середине сентября.

В алых ягодах калины
Цвет предутренней зари.

Гроздья красные рябины
Пламенеют на груди.

И как верная примета
Хлебосольна от души,
Преподносит бабье лето
Лета красного дары.

Есть во всём свои пределы,
В каждом деле свой черёд:
То, что юность не успела,
Бабье лето доберёт.

И судьбу предугадает,
Впрок завяжет узелок.
Бабье лето счастьем станет,
Если в жизни повезёт.

Бабье лето, бабье лето –
Словно с выдержкой вино!
Греет душу, греет тело
И волнует всё нутро!

Осыпаясь листопадом,
Как листки календаря,
Бабье лето, бабье лето –
Сумасшедшая пора.

И кому какое дело,
Нет большого в том греха:
В день погожий, в бабье лето
Баба душу отвела!

Запоздалый дар весенний
Переменчивой судьбы.
Бабье лето – срок последний
В сладком омуте любви.

ПЕРЕКРЁСТОК

Перекрёсток, перекрёсток...
Только выйдешь за порог,
Жизнь — сплошные перекрёстки
Из волнений и тревог.

И никто того не знает,
Как на жизненном пути,
Свою жизнь оберегая,
Перекрёсток обойти.

Перекрёсток, перекрёсток —
Сгусток жизненных проблем,
Перекрёсток, перекрёсток
Рок грядущих перемен.

Что ж такое перекрёсток
В жизни каждого из нас?
То ли в нём судьбина злая,
То ли счастье про запас.

И я стою на перекрёстке
В раздумье горьком о пути,
Словно витязь на распутье
Перед выбором судьбы.

НОЧЬЮ

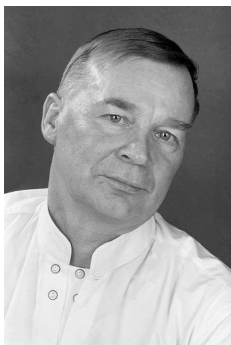
Приходит вечер каждый день
И сизой дымкой свет съедает.
И многотрудный светлый день,
Обнявши собственную тень,
Послушно, тихо исчезает.

И наступает темнота,
Рождая жизнь совсем другую,
Где тайных помыслов мечта
Реальность обретаёт.

И в этой самой темноте,
Таинственной и вязкой,
В мечтах купается душа,
Совсем как малое дитя,
Поверившее в сказку.

И сердца сладостный покой,
И грёз таинственных введение
Несут в полночный час глухой
Душе успокоенье.

И только утренний рассвет,
Наполнив комнату сияньем,
Способен властно оборвать
С мечтой таинственной свиданье.

**Валерий
МАСЛОВ**

ГОСПОДЬ НАС СЛЫШИТ!

Притча

Нас привязывают к жизни те, кого мы любим. Это я понял, когда умерла моя любимая собака Джуля. С ней мы прожили 15 лет, и горе потери любимого, верного, преданного существа было очень тяжело. Я давно собирался посетить Святую землю и здесь понял: пора. Сборы были недолгими, и вот я уже в Израиле. Но, словно испытывая меня, судьба препятствовала встрече с Богом.

Началось с того, что фирма поселила меня в далекой Нетании – в 130 километрах от Иерусалима. Затем местный гид, сказав, что у нас мало времени, не пустил нас ни к Гробу Господнему, ни к Кресту на Голгофе.

И тогда я решил пропустить следующую бесплатную экскурсию и самостоятельно поехать в Старый город. Поездка на автобусе по великолепным дорогам Израиля была быстрой и недорогой. Но несколько километров, отделяющих меня от автостанции Иерусалима до Старого города, вновь стали непреодолимой преградой. Таксисты требовали заплатить столько, что дешевле было доехать сюда из Нетании и вернуться обратно. Пришлось уступить вымогателям.

Но вот я у ворот Старого города. И опять препятствие – не могу найти Храм Гроба Господнего: плутаю по узким улочкам,

ухожу в сторону, волнуюсь и нервничаю. Наконец, словно с Божьей помощью, сворачиваю за угол шумной улочки и оказываюсь на площади перед входом в Храм. И здесь начинается везение! В длинной очереди к Гробу Иисуса Христа меня пропускают какие-то буддисты. Так же, почти беспрепятственно, попадаю на Голгофу к месту Распятия.

Покупаю традиционный пучок свечек, который надо сначала зажечь, а потом погасить о металлический купол, находящийся у Гроба Господа. И тут случается невероятное: загашенные свечи вдруг внезапно вспыхивают вновь и начинают гореть благодатным, теплым, неземным светом! Сразу вспоминается, что именно здесь в день Пасхи сам собою зажигается Благодатный огонь! Что в день, когда этого не произойдет, настанет конец Света. Значит, Господь услышал меня, увидел, что я не отступил перед препятствиями и пришел к Нему.

Как же хорошо и радостно было гулять по Старому городу после! Меня бесплатно, как всякого русского туриста и паломника, пустили в музей Русской православной миссии. Я увидел несколько хорошо сохранившихся каменных ступеней у стены города, о которых доподлинно известно, что по ним ходил Иисус Христос. А когда смотрел на вечный город со смотровой площадки, то увидел, что по его склонам, как и две тысячи лет назад, стайкой спускается отара овец. И показалось, что сейчас, из-за поворота, по древней земле Палестины, опираясь на посох, пройдет босоногий Учитель в сопровождении толпы учеников. Он войдет в Старый город, остановится у Храма и начнет изгонять из него фарисеев и менял, которые и сейчас, в виде тех же жадных таксистов, есть в этом городе. Но, как сказано в Писании, не бывает мрачных времён, бывают только мрачные люди. А я уезжал из Святой земли радостным и просветленным. Жизнь после смерти Джулии уже не казалось такой мрачной, плохой и тоскливой.

ДАЧНЫЙ РОМАН

Рассказ

– Пап, где у нас ведро с червями? – донеслось с соседнего дачного участка.

– Какая проза жизни! – недовольно произнёс Эдуард Евгеньевич и закрыл створки окна террасы, на которой расположился с неизменным ноутбуком, чтобы писать очередное нетленное произведение русской литературы.

В это время сильная молния прорезала небо, словно хотела разделить его надвое, а затем раздался страшный треск и гул запоздавшего грома. Эдуард Евгеньевич выглянул в окно и увидел, как огромная свинцовая туча грозно нависла над всем дачным поселком. Казалось, она вот-вот ляжет на крыши домов и прижмёт их к земле, коснется налитыми водой крыльями кустов и деревьев, прольётся мощным ливнем. Но, странное дело, в террасе было очень светло. Оказывается, солнце, спустившееся за долгий летний день к самому краю земли, умудрилось найти прореху в мрачной, тяжёлой туче и теперь окрасило её восточную сторону парчовыми бликами.

«А не пора ли пить чай? – подумал писатель. – Где там наша сношенька?»

– Лизонька! – крикнул он. – Пора чаёвничать!

На террасу вошла девушка лет двадцати пяти с красивым выразительным лицом и точёной фигуркой. В руках у неё был поднос с чашками, чайником и домашним вареньем.

– Попробуйте клубничное, Эдуард Евгеньевич, сама варила.

– Вернее будет сказать – земляничное, Лизонька, – поправил сноху тесть. – В культуре человек возделывает землянику.

– Так она в лесу растёт. А на дачах сажают клубнику. Викторией называют.

– «Виктория» – это всего лишь название одного из бесчисленных сортов земляники. Фестивальная, Солнечная, Гигантская et cetera, et cetera.

– Всё-то вы знаете! А можно мне с вами чай попить? Владик вечно в своём бизнесе – про меня совсем забыл! Вот, говорят, что яблоко от яблони недалеко падает. Но он вовсе на вас не похож!

– Ой ли? Если ты судишь обо мне и сыне только по тому, как и что мы говорим, то глубоко ошибаешься: человек и его слова живут врозь, – воскликнул Эдуард Евгеньевич и внимательно посмотрел на сноху: мужчина, особенно творческий человек, всегда интересуется женщиной, которая его хвалит и слушает.

Он вдруг обнаружил, что девушка очень хороша собой: тонкая талия, стройные, загорелые, гладкие ноги, нежные, полновесные груди, обтянутые лёгким платьицем... К тому же Лиза, оказывается, очень похожа на его первую институтскую любовь! Возможно, эти открытия Эдуард Евгеньевич сделал оттого, что они впервые всей семьёй проводили лето на даче: расслабляющая истома и ничегонеделанье жарких вечеров, ошеломляющий, осязаемо плотный запах цветущих трав и кустарников, шашлыки и обильные возлияния способны разбудить любое дремлющее чувство.

– Не в этом суть: с вами интересно, а с Владиком буднично и серо, словно живёшь в позолоченной клетке.

– Но, но! – погрозил Эдуард Евгеньевич снохе. – Всё-таки он мне – сын!

В это время у ворот дачи раздался звук подъехавшего автомобиля.

– Иди, встречай, – сказал писатель. – И будь с ним, пожалуйста, поласковее.

Лиза, как показалось хозяину дачи, с неохотой поднялась из-за стола, где они так весело и интересно беседовали, и неторопливо пошла к воротам.

Писатель задумчиво посмотрел вслед уходящей Лизе и вдруг громко воскликнул:

– Вот он – сюжет, которого так не хватало в моей повести! Герой видит в жене сына давнюю любовь! Та же внешность, черты характера!словно и не было двадцати прошедших лет: он – зрелый, состоявшийся человек, а его пассия всё так же молода и привлекательна. «Мне потребовалась целая жизнь, чтобы понять, что я люблю тебя». Нет, пошло! А может быть, так? Гениально!

Эдуард Евгеньевич склонился над ноутбуком и начал набирать текст, которому, по его мнению, предстояло стать бессмертным.

Они уже давно лежали в постели, а сон к Владиславу так и не пришёл.

– Ты меня больше не любишь? – неожиданно глухим от волнения голосом спросил он жену.

– С чего ты взял, Владик?

– Чувствую. Кто у тебя есть ещё?

– Я люблю только тебя. Но ты не маленький и должен понимать: из всех вечных вещей любовь длится короче всего.

Владислав резко повернулся к жене, схватил её за голову и попытался посмотреть прямо в глаза. Но Лиза увернулась. Затем холодно чмокнула его в лоб и сказала:

– Поздно, пора спать. Тебе завтра рано на работу.

Утро сегодня выдалось чудесным. Ласковое солнышко приятно грело землю и воздух, напоённый ароматами цветущих трав. Птицы хоть и поумерили в июне певчий запал, продолжали радовать душу бесконечными трелями. А сплошные заросли зелени вокруг дома наполняли душу спокойствием и умиротворённостью, которой никогда не испытаеть в душном, пропылённом летнем городе.

Как всякий настоящий художник слова, Эдуард Евгеньевич любил природу в своей первозданности. Поэтому за небольшим, тщательно подстриженным по настоянию сына газоном находилась девственная чаща. Огромные лопухи привольно расположили почти метровые листья, крапива устремила жгучие стебли вверх, а небольшой островок зарослей иван-чая радовал глаз лиловыми и сиреневыми кипарисовыми соцветиями. А его любимая собака Джуля разлеглась у самых ног, подставив ласковому солнышку черный влажный пупырышек носа и кипенно-белые передние зубки. В такие утренние часы ему всегда хорошо работалось. Он был «жаворонком», и предпочитал «творить» с утра. Но только расположился за ноутбуком, как в кабинет вошла Лиза.

– Я вам кофе принесла, – приветливо произнесла она, ставя на стол поднос.

– О, напиток богов! – радостно ответил писатель. – Все мои герои постоянно пьют кофе и находят в этом большое удовольствие. Как говорится, трудно устоять перед женщиной, которая приносит тебе кофе в постель. Шучу.

Лиза пытливо посмотрела на Эдуарда Евгеньевича, но с разочарованием отвела взгляд: он действительно шутил.

– Вы сегодня в хорошем настроении!

– Да, это верно. И причина того – ты.

– Я?! – не поверила Лиза. Затем, помедлив, кокетливо раздвинула края ворота платья, чтобы сильнее обнажить грудь, и наклонилась над сидящим за столом писателем, словно собралась придвинуть ему чашку с кофе.

– Ты меня неверно поняла. Просто наш вчерашний разговор подкинул мне отличный сюжетный ход для романа. Впрочем, не будем пока говорить об этом.

Лиза резко выпрямилась и задела рукой чашку с кофе. Коричневый напиток растёкся по столу, попал на клавиатуру ноутбука и рубашку Эдуарда Евгеньевича.

– Что ты наделала! – закричал рассерженный писатель. – Если он сгорит, то всё пропало!

– Что сгорит, и что пропало, папа?

– Мой новый роман! Я даже не успел сделать запасную копию на флэшку!

– А я думала, что сгорит новая любовь, – иронично заметила Лиза. – Снимите рубашку – я отстираю пятна от кофе.

Он одним движением смахнул с себя белоснежную сорочку. Лиза невольно залюбовалась обнажённым мускулистым торсом далеко ещё не старого мужчины. Затем взяла салфетку:

– Давайте, промокну кофейные пятна с тела: нельзя портить такой красивый загар...

– Я не помешаю? – раздался насмешливый голос сына.

Эдуард Евгеньевич вздрогнул, а Лиза отпрянула от него так резко, что чуть не упала.

– Лиза, собирайся. Мы переезжаем на городскую квартиру.

Полуденное лето морило дачников невыносимой жарой, тропической духотой и ядовито-кусачими комарами. Эдуард Евгеньевич расположился в беседке под могучей лиственницей, которая веерными ветвями с изумрудно-зелёными иголками благополучно спасала пиита от этих напастей.

– Съесть мне заломной сельди под водочку с томатным соком или нет? – проговорил он вслух и поглядел на мгновенно запотевший графинчик с горячительным напитком, вынутый

из холодильника. – С одной стороны, пить в такую жару вроде бы нельзя. С другой – зачем отказывать себе в удовольствии? Ведь жизнь – это мгновение. Завтра Господь Бог может и не дать выпить.

«Конечно, мне только сорок пять, – продолжил он размышления. – Следовательно, прошла всего половина жизни. Я, как говорится, мужчина в самом соку. Не зря же Лизка на меня заглядывается...»

«Дзинь, динь!» – раздалась трель вызова домофона.

– Кого это нелёгкая принесла? Выпить нельзя спокойно, не то что роман написать!

– Это я, Лиза! – раздался нежный голосок в динамике приёмного устройства. – Владик ключ от дачи забрал, вот и приходится звонить, чтоб открыл.

«Незванный гость лучше татарина? – с сомнением подумал писатель и нажал кнопку открытия замка калитки. – Впрочем, Лизка может составить компанию: пить одному – это нонсенс!»

– Приехала ягод набрать, – объяснила неожиданный визит сноха. – Можно, я кофточку сниму – такая жара, что даже собственная кожа кажется тяжёлой.

Эдуард Евгеньевич посмотрел на грудь Лизы, чтобы оценить правильность её слов, и, невольно, облизнулся. Молодая, гладкая, без единой морщинки кожа девушки завораживала, притягивала взгляд, настойчиво приглашала прикоснуться к ней, погладить, поласкать.

Писатель мотнул головой, словно отталкивая назойливое наваждение, и показал на графинчик с водкой.

– Я решил проверить китайскую мудрость: можно ли подобное побороть подобным, то есть жару – горячительным напитком. Составишь компанию?

Лиза кивнула, и хозяин дачи налил в хрустальные фужеры водки, затем добавил томатного сока. Они молча выпили и почти одновременно поставили на стол фужеры, не прикоснувшись к закуске.

– Воркуете, голубки? – неожиданно раздался голос Владислава. – И даже водку пьёте? Народ для разврата готов?

– Владик, опомнись! – тихо произнёс отец. – Что ты говоришь?!

– Лиза – домой! – скомандовал муж. – Вот тебе ключи от машины, и чтобы ждала меня там.

Девушка покорно взяла ключи и пошла к воротам дачи. Владислав тяжело опустился на стул, плеснул в фужер водки и с размаха опрокинул его содержимое в рот. Затем быстро вынул из кармана брюк пистолет и направил его на отца:

– Рассказывай, батя, – приказал он. – Я всё знаю.

– Это – она! – испуганно пролепетал Эдуард Евгеньевич. – Это всё Лизка, стерва! Ты же знаешь этих баб: если приспичит, они своего добьются... Это – наговор! Она всё врёт!

Но Владислав вдруг опустил руку с пистолетом и медленно, четко произнёс:

– Она мне – ничего не говорила.

Эдуард Евгеньевич вытер обильно проступивший пот и с облегчением вздохнул:

– Вот, дурак! Сам на себя наговорил!

Но сын его уже не слушал: он шёл к машине, в которой ожидала жена. Эдуард Евгеньевич быстро выпил полный фужер водки. Вкупе с томатным соком она сразу принесла ему чувство лёгкости и спокойствия.

«Всё образуется, – подумал он. – Главное, не паниковать: я знаю правду, а сын – нет. А предвидеть – значит, управлять!»

К удивлению Лизы муж на этот раз не стал скандалить. Он даже не задал дурацкий вопрос о том, верна ли она ему. Женщины очень доверчивы. К тому же ей так хотелось, чтобы всё само собой образовалось, как-то рассосалось, что она поверила в то, в чём никак нельзя было быть уверенной. Правда, время от времени в голове возникал единственный вопрос, который задал Вадим: «Как ты с этим будешь жить?». Но Лиза так упрямо отгоняла его от себя, что через некоторое время забыла о нём.

Дома Владислав лёг отдельно, на диван. Но ночью не выдержал и тихонько пробрался под одеяло к жене.

Лиза его приняла безропотно. Под влиянием пережитого, взаимных упреков и слёз они провели такую бурную ночь, словно только накануне расписались.

– Ты меня любишь? – с придыханием тихо шептал Владислав. – Скажи: ты любишь только меня?

– Да, глупенький, да! Ну к кому ты приревновал?! Он мне в отцы годится!

– К тому же он трусливый и ненадёжный, – радостно согласился муж. – Знаешь, как испугался, как тебя обзывал!

– Я его не люблю, – вдруг буднично и холодно произнесла Лиза. Она встала с кровати, подошла к окну и нервно затанулась сигаретой.

«Вот и ладненько!» – подумал Вадим.

Он, видимо, так ждал этих слов, что расслабился, заулыбался, затем сладко зевнул и повернулся к стене. Через несколько минут Лиза услышала его мерное дыхание и сладкое постанывание во сне: наверняка мужу снилось что-то очень приятное.

Владислав не мог поверить своему счастью: Лиза стала такой прилежной женой, что готовила и подавала завтрак ему в постель. Сегодня у него был напряжённый день: планировалось подписание выгодного контракта с иностранной фирмой. А затем он намеревался купить путёвки в зарубежный тур: такая красивая, умная и верная жена, как Лиза, заслужила это.

– К обеду не жди, – сказал он, уходя из дома. – Принимаю гостей из Германии. Зато вечером я буду с сюрпризом, который тебе наверняка понравится.

Он заметил, как загорелись зеленоватые глаза Лизы, и посчитал это хорошим знаком: в такие времена она становилась безумной от любви и страсти.

День у Владислава сложился удачно. Выгодный договор был подписан, билеты в заграничный тур приобретены, и он очень спешил домой, чтобы как можно раньше сделать Лизе царский подарок. Но ему предстояло завершить ещё одно дело: заехать на дачу к отцу, рассказать, как Лиза его любит и предупредить, чтобы он больше не появлялся в их с Лизой жизни.

Владислав повернул автомобиль на просёлочную дорогу, ведущую к даче отца. Он хотел проскочить её, как вдруг на опушке леса заметил целующуюся пару. Что-то неувлимо знакомое показалось ему в этих людях. Сердце неприятно кольнуло, и оно заныло, будто предчувствуя беду. Бизнесмен притормозил автомобиль, а затем и вовсе остановил его. Сомнений не было: обнимались и целовались отец и Лиза.

– Что же вы делаете?! – крикнул он, не выходя из машины. – Лиза, где любовь, в которой мне клялась?! Я купил тебе дорожный тур на Канары!

Девушка, не оборачиваясь, проговорила:

– Лучше купи собаку: это единственный способ приобрести любовь за деньги.

Владислав нервно сглотнул горькую слюну, выхватил из кармана заграничные путёвки и разорвал их в клочья. Затем выбросил всё это в окно машины и резко нажал на педаль газа. Иномарка взвыла, почти встав на дыбы, а затем понесла неудачливого хозяина прочь от места, где он в один миг потерял и отца, и жену.

А дачный посёлок продолжал жить летней жизнью, полной внезапной страсти, быстрых любовных романов и душераздирающих интриг. Здесь было всё, что бывает в обычной жизни людей. Только зарождалось и происходило это весело, непринуждённо и легкомысленно. Здесь любящие пары жили настоящим, ибо о будущем известно только одно: хочешь насмешить Господа Бога – расскажи ему о своих планах.

**Эдуард
ГЕОРГИЕВСКИЙ**

КРУГЛОЕ ОЗЕРО

Мысль о том, что за Краснополем есть Круглое озеро, а в нем водится форель, не покидала Вадима. Он стал готовиться к поездке туда. Смастерил снасть по типу донки – закидушки на три крючка с колокольчиком, осмотрел мопед, подтянул кое-где спицы, смазал цепь, проверил насос, велоаптечку.

И вот в одну из суббот рано утром он сел на мопед и поехал на заправку. Женщина на АЗС спросила:

– С утра пораньше? Ни чешуи, ни хвоста.

– К черту, – отшутился Вадим.

Дорога до Краснополя была проселочная, но укатанная, как асфальт. Мопед бежал быстро. Мелькали одноэтажные дома, сзади над Вадимом поднимался из Татарского пролива оранжевый шар солнца. Через час Вадим проехал Краснополье, а еще через двадцать минут дорога привела его в заброшенный поселок лесорубов.

Решив немного отдохнуть, он походил по поселку, но не встретил ни одного человека, ни малейшего признака жизни. Было тихо, как на кладбище. «Пока жив человек, все живет, нет человека – все мертво», – подумал Вадим. Он сел на мопед, и упругое бормотание мотора гулким эхом отозвалось в сопках.

Дорога стала уходить направо и вниз, в поросший крупными елями склон сопки. Она была разбита, глубокие колеи говорили о труднопроходимости. «Здесь могут ходить только мощные

машины-лесовозы, – подумал Вадим, – края дороги срезаны их бамперами».

Метров через сто мотор перегрелся, но дорога теперь шла в гору. Решил немного пройти пешком, толкая мопед за руль руками. Вадим метров через пятьдесят почувствовал, что так далеко не уйдет. Тогда он попытался включить двигатель, чтобы мопед как бы вел его за собой в гору. Но идею не пришлось осуществить, так как мотор быстро глох от перегрева. Пройдя минут сорок вверх по дороге, Вадим почувствовал, что устал. Тогда он решил двигаться вверх с частыми передышками.

Он намечал себе какой-нибудь предмет (камень на обочине или куст), до которого было метров пятьдесят-шестьдесят, доходил до этого предмета, отдыхал, намечал новый предмет и вновь двигался к нему. Так продолжалось часа полтора, а дороге, казалось, не будет конца. Вадим стал уже подумывать, не заблудился ли он. Остановился. По обе стороны дороги густо росли мохнатые ели, между ними – кусты бузины; где-то вверху, над верхушками елей, плыли по ярко-синему небу белоснежные облака; в лесу становилось сумрачно и прохладно.

Он сделал еще три перехода. Дорога не кончалась, казалось, что она уходит в небо. Смятение охватило его. Он немного отдохнул, налил из термоса горячего кофе, выпил, успокоился. «Значит так, – рассуждал Вадим, – делаю последний переход и, если не будет дороге конца, еду домой». Медленно, толкая мопед за руль, он двигался по дороге. Чтобы примерно ориентироваться, на сколько метров он продвинулся вперед, считал шаги. Это отвлекало от панических мыслей. «Шестнадцать, семнадцать, двадцать пять, тридцать», – считал про себя Вадим. Идти становилось труднее. «Да как же тут машины ходят? – изумлялся он. – Все, уже больше не могу, – сказал сам себе, – надо отдохнуть и возвращаться восвояси». Сердце билось часто, Вадим жадно глотал прохладный воздух, рубашка промокла от пота и прилипла к телу. «Черт побери! Что же это за дорога: все время вверх и вверх. Никакой самый мощный тягач не преодолеет ее».

И тут Вадима осенила мысль: а что если это вторая половина дороги? А первая – там, за перевалом. Начало дороги – там. Здесь лесовозы не поднимаются, а спускаются. Эта мысль успо-

коила Вадима. Значит, надо идти дальше. Чтобы легче было идти, он оставил мопед в кустах бузины. «Кому он тут нужен? – размышлял Вадим. – Сколько иду – ни души не встретил». Замакировав мопед в кустах, с рюкзаком за плечами медленно пошел по дороге.

Метров через сто показалось, что дорога стала более пологой и идти стало легче. Постепенно обозначился поворот дороги влево. «Ну, все. Дальше я не пойду. Так можно шагать целый день», – думал Вадим. Он остановился.

Было уже 12 часов дня. Он прикинул в уме: выходило, что на дорогу от дома до этого места, где он сейчас стоит, ушло почти четыре часа. «Обратный путь будет легче, и времени уйдет меньше, но где же озеро?», – размышлял Вадим. Озера не было.

Силы уже почти на исходе. Он решил подкрепиться. Сел на громадный камень на обочине дороги, развернул свой «тормозок» и жадно начал есть бутерброды, запивая горячим кофе. Когда все было съедено, Вадим почувствовал, как по телу разливается тепло; потянулся. Усталость стала куда-то уходить. «Ну, а теперь начинаем двигаться дальше, так, как будто бы это впервые», – решил Вадим и бодро зашагал вперед.

Дорога опять стала подниматься в гору. Он понимал, что сейчас идет быстрее, но желанного озера все еще не было видно. «А есть ли оно в природе? Может быть, Сорокин пошутил, или я ошибся дорогой?» Наконец, впереди показался участок дороги, освещенный солнцем. «Дойду до него, если нет озера – вернусь к мопеду – и домой», – решил Вадим. Ноги сами несли его.

Участок дороги, освещенный солнцем, стал увеличиваться, и вдруг дорога свернула вправо. Вадим остановился от неожиданности. «Померещилось», – подумал он и закрыл глаза. Минуту или две он стоял так, с закрытыми глазами, а когда открыл их, увидел водную гладь. «Круглое озеро!» – вскрикнул он.

Вадим прошел вперед по дороге еще несколько метров и увидел отходившую от дороги тропинку. Он спустился по ней и вышел на поляну.

Здесь стояла высокая, обласканная солнцем разлапистая сосна. Вадим не мог налюбоваться. Ему казалось, что он видит написанную искусным художником картину. Окруженное сопками, поросшими густым ельником, в ожерелье как будто бы

руками человека аккуратно уложенных круглых камней перед Вадимом лежала чаша озера с зеркальной водной гладью.

– Вот оно какое, Круглое озеро! – восхищенно шептал Вадим. – Расскажу Сорокину, Татьяне, всем, кто здесь не был.

Но тут же подумал, что ему могут не поверить, нужны вещественные доказательства. Вынул из рюкзака фотоаппарат, заряженный цветной слайдовой пленкой. Все озеро не вмещалось в кадр.

Вадим решил сделать два снимка. Он выбрал угол съемки так, что левая половина озера заканчивалась стоявшей на поляне сосной, а правая половина начиналась той же сосной.

Таким образом, он как бы соединил две части снимка, для надежности повторил съемку, а затем направился к озеру.

«Вот оно какое! – не переставал восхищаться Вадим. – И как же ты мне тяжело досталось».

Он приблизился к воде и увидел отраженное в ней синее небо с белыми облаками, верхушки елей и сосен. Ему даже показалось, что озеро разместилось внутри вулкана, в самом его основании. На глаз длина и ширина озера были примерно одинаковы – сто метров на сто.

Быстро приготовив снасть, насадив червяков на крючки, Вадим забросил грузик с леской далеко от берега. Леска быстро ушла в глубину. «Глубоко», – оценил Вадим, подвесил колокольчик, конец лески крепко завязал на палку, втиснутую в щель между камнями. «Всё, можно ловить», – подумал Вадим, и в этот момент колокольчик опустился вниз, а затем леска натянулась так, что колокольчик взвился вверх.

Вадим сделал резкую подсечку. Выбирая леску, он чувствовал, как на другом конце ее трепещет что-то живое. На донку попались сразу две рыбки, третий крючок был пустой. Вадим рассматривал этих 25-сантиметровых серебряных рыбешек с пунктирной красной линией по бокам. Это была форель.

Сделав несколько забросов, он набил полностью целлофановый мешок: получилось килограмма три. «Достаточно, – сказал себе Вадим. – Сюда можно еще раз приехать». Уложив снасть и улов в рюкзак, он тронулся в обратный путь.

Вот и куст бузины. Вадим вытащил на дорогу мопед. Спускаться вниз было одним удовольствием. Он постоянно следил

за тормозами. Ветер свистел в ушах. Вадим радовался удаче, сердце ликовало.

На ровном участке большака включил мотор, и ветер засвистел в ушах еще резче. Он уже рассчитывал, что часа через полтора будет дома. Светило солнце, небо было безоблачным.

Неожиданно после Краснополя накатанный асфальт превратился в размытую грязную дорогу. Мотор загудел напряженно. На передней и задней вилках мопеда стала накапливаться грязь, продвигаться вперед стало труднее. Вадим уже понял, что здесь совсем недавно прошел сильный дождь. Правду говорят, что сахалинская погода изменчива, как женщина. Было прохладно. Участок дороги длиной около трех километров вымотал Вадима. Но другого пути не было. Приходилось часто останавливаться, счищать грязь с вилок.

Наконец грязь кончилась, и вновь под колесами была накатанная ровная сухая дорога. Мопед побежал веселее. Вскоре, очищенный от налепившейся грязи, он летел домой, как стрела. Мотор звенел.

Вдруг Вадим ощутил, что его на седле подбрасывает. Он остановился, заглушил мотор. Проверил переднюю шину: она была твердой, как камень. Задняя шина сразу прогнулась под большим пальцем. Вадим подкачал колесо насосом. Шина вновь стала плотной.

Через десять минут езды Вадим вновь отметил, что его подбрасывает; остановился. Снимать шину, ремонтировать камеру не хотелось. Он опять подкачал камеру. Так продолжалось несколько раз.

Спускались сумерки. Вдали показался город. В окнах горели огни.

Было одиннадцать часов вечера, когда по тихой главной улице Углегорска проехал мопед, сильно стрекоча мотором. Вадим увидел свой дом, освещенное окно на кухне. «Ждет», – подумал он о Татьяне.

– Ну, ты теперь стал настоящим рыбаком, – сказала жена, рассматривая улов. – Ешь и иди спать.

**Вячеслав
БОТЬ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА И ТУЛЬСКИЙ КРАЙ

*(К 200-летию начала войны, Бородинского сражения
и полного изгнания неприятеля из России)*

Отечественная война 1812 года вошла в историю России как освободительная война против наполеоновского нашествия. Она была вызвана обострением русско-французских политических и экономических противоречий в связи с завоевательскими планами Наполеона. В результате наполеоновских войн в начале XIX века большинство государств Западной и Центральной Европы оказались под властью Франции или попали в вассальную зависимость от нее. Оставалась Россия, которая продолжала оказывать серьезное противодействие политике Наполеона. И хотя в 1807 году был заключен Тильзитский мир между Россией и Францией и даже подписан секретный трактат о союзе двух держав, Наполеон с конца 1810 года и особенно с начала 1811 года начал открыто широкую подготовку к завоевательскому походу против России, сосредоточив на территории Польши и Пруссии свои войска. Ему удалось сформировать так называемую «Великую армию», которая насчитывала 647 тысяч человек и 1372 орудия, она состояла из гвардии, 12 пехотных и 4 кавалерийских корпусов.

Стратегический план Наполеона состоял в том, чтобы разгромить русские войска в одном или двух больших сражениях, овладеть Москвой и Тулой и обезоружить Россию. Наполеон рассчитывал уже в пограничных сражениях первого месяца войны добиться победы. «Великая армия» превосходила русскую армию на главном направлении почти в три раза. По замыслу французского командования она могла поочередно разбить 1-ю и 2-ю русские армии, не дав им соединиться.

24 июня (12 по ст. ст.) 1812 года войска Наполеона перешли Неман, началось вторжение в пределы России.

Русские войска в начале войны находились недалеко от границы: 1-я Западная армия (120 тысяч человек и 580 орудий) под командованием военного министра М.Б. Барклая де Толли – в районе Вильно, прикрывала Петербургское направление; 2-я Западная армия (49 тысяч человек и 180 орудий) под командованием генерала от инфантерии П.И. Багратиона – в районе Белостока, прикрывала Московское направление; 3-я армия (44 тысячи человек и 168 орудий) под командованием генерала от кавалерии А.П. Тормасова – в районе Луцка, прикрывала Киевское направление. На флангах находились: с севера – отдельный корпус генерал-лейтенанта Ф.Ф. Штейнгеля (19 тысяч человек) и с юга – Дунайская армия адмирала П.В. Чичагова (57 тысяч человек), которые вступили в соприкосновение с противником значительно позже.

Общее руководство в начале войны было у российского императора Александра I, но армии действовали самостоятельно, начали планомерное отступление, ведя арьергардные бои, и, наконец, соединились у Смоленска. В начальный период войны эта проблема была стратегической, но имела и моральное значение. Русские солдаты поняли, что их силы значительно возросли. После упорных боев всё же Смоленск был оставлен. Создалась напряженная обстановка в армии и в стране. Вскоре после сдачи Смоленска Александр I назначил главнокомандующим генерала от инфантерии М.И. Кутузова, имевшего большой полководческий опыт, военные заслуги и любовь народа и армии. Началась подготовка резервов для армии. В 16 губерниях создавалось народное ополчение (82 пехотных и 25 конных полков и 30 дружин, всего – свыше 320 тысяч человек).

В ходе войны большое значение имело Бородинское сражение – одно из крупнейших сражений Отечественной войны 1812 года. Русские войска (120 тысяч человек и 640 орудий) и французы (130–135 тысяч человек и 587 орудий) сошлись для боевых действий. М.И. Кутузов, опираясь на заранее избранную для обороны и подготовленную позицию, решил стойкой обороной остановить противника, нанести ему серьезные потери, а затем перейти в контрнаступление. Наполеон наносил по русским войскам фронтальный удар основными силами (86 тысяч человек), чтобы разгромить 2-ю армию, окружить и уничтожить главные силы русских. В бою участвовали пехота, конница, артиллерия. Храбро сражались русские воины за Багратионовы флеши и батарею Раевского, но ценой больших потерь противнику удалось ими овладеть. 1-й кавалерийский корпус генерала Уварова и казачий корпус генерала Платова нанесли контрудар по левому флангу наполеоновских войск, прорвались в тыл, что значительно ослабило наступление врага на центр русских позиций.

Фактически Наполеон проиграл сражение, потеряв 50 тысяч убитыми и ранеными. Потери русских достигали 44 тысяч человек, но сохранив основные силы, они отошли к Москве, а затем оставили ее. Кутузов, совершив свой марш-маневр на Тарутино, прикрыл Тулу и Калугу, где были оружейный завод и продовольственные и фуражные склады для армии, а после боя у Малоярославца перешел в наступление.

В тылу наполеоновских войск действовали армейские и крестьянские партизанские отряды, которые способствовали регулярной армии изгонять неприятеля из русских земель.

Тульская губерния не была ареной военных действий, но очень способствовала русской армии громить врага.

Тульский оружейный завод готовил оружие для армии, оружейники, работая на заводе и в своих мастерских, изготовили за все время войны 600 тысяч ружей.

В регулярной русской армии находились в строю и отважно сражались с захватчиками уроженцы Тулы и Тульской губернии – солдаты, офицеры и генералы. Особенно отличились в период Отечественной 1812 года наши земляки (или жившие в Туле) генералы М.А. Арсеньев, И.М. Вадбольский, И.А. Велья-

минов, И.С. Дорохов, Д.С. Дохтуров, Д.Л. Игнатьев, Ф.Е. Книпер, А.П. Никитин, А.А. Писарев, Ф.П. Уваров, Е.Е. Штаден, А.Ф. Щербатов. Их портреты размещены среди других в Военной галерее Зимнего дворца.

В Тульской губернии было сформировано народное ополчение (15 тысяч ратников) в составе четырех пеших, двух конных и одного егерского полков, а также конно-артиллерийской роты. Первым начальником ополчения был избран тульский губернатор генерал-майор Н.И. Богданов. Все ополченцы получили обмундирование, оружие и продовольствие. Местом сбора Тульского ополчения стало село Симоново Алексинского уезда, отсюда ополченцы выступили в поход в район села Тарутина Калужской губернии во главе с генерал-майором И.И. Миллером. В мае 1813 года начальником ополчения стал генерал-лейтенант князь Д.М. Волконский, а в сентябре 1813 года – полковник С.П. Бобрищев-Пушкин, который по окончании войны привел ополчение в Тулу в октябре 1814 года. Полки Тульского ополчения участвовали в осаде Данцига. Особенно отличился 1-й конно-казачий полк генерал-майора А.Ф. Щербатова, который прошел боевой путь от Тарутина до Парижа.

После изгнания неприятеля из пределов России русская армия участвовала в заграничных походах 1813–1814 годов и завершила войну взятием Парижа. Отечественная война 1812 года была подлинно народной войной, армия и народ в едином порыве отстояли свое Отечество от иноземных захватчиков. Русский народ спас свою Родину и оказал решающую помощь народам Европы в их освобождении от наполеоновского ига.

**Виктория
ТКАЧ**

КАК?..

*О, только бы привстать,
опомниться, очнуться...*
А. Тарковский

Как
Вдруг отречься и восстать,
Отгородиться от былого,
Забыть слова и вспомнить Слово,
И ощутить, как благодать,
Вселенство, вечность, тишину,
Взмах легких крыльев, вкус клубники,
Беспечность утра, солнца блики,
Когда чуть-чуть – и упорхну?!

Как
Потерять и обрести,
Уйти без шороха и всхлипа
Туда, где медом пахнут липы,
И бабочкой держать в горсти
Шальную жизнь, мечтой прозреть,
И все отдать, и возвратиться,
Остаться счастьем на страницах,
И никогда не умереть?..

Ищу – наивно и светло –
Земное отражение Лица.
Прозрачен день, и повилика
Зеленым таинством на лоб.

И все сомненья далеки,
Как сны о близких переменах,
И солнце прорастает в вены
Сквозь тонкое тепло руки.

И я, в прозренья уходя,
Внимаю этой высшей власти –
Земному отраженью счастья –
Травинке с запахом дождя.

Помолчу.

Промолчу.

Тишина – словно братина с медом.
Пей неспешно и помни – мы братья за общим столом.
Пусть не кровные.
Но – сколько было, как истинных, сводных!
Потому и приходим по осени в этот

невидимый

дом

Здесь разлуки и сны.

И печали, как руки любимых.

Ни о чем не жалею. Разве можно о жизни жалеть?!
И, бинтуя закатам их красно-кленовые стигмы,
Плавим сердцем слова в золотисто-прозрачный елей.

Знаю,

скоро простим

Неприкаянным суетным птицам

Их бездумную речь о бескрайних и вечных Садах,
Чтоб родиться – я верю! – упрямо и дерзко родиться,
И забыть, что по осени надо вернуться сюда.
А пока –

помолчим...

Тишина – словно ложь во спасенье.
Будет светлая ночь, что одарит крылатым родством.
И в положенный срок, повинувшись земному мгновенью,
Мы покинем Небесный,

однажды увиденный

дом.

«Около 14 часов Александру Сергеевичу захотелось морошки. Когда ее принесли, попросил жену покормить его из своих рук. ...Безмятежное спокойствие разлилось по его лицу. Наталья Николаевна вышла из кабинета, вся искрящаяся надеждой...Через несколько минут дыхание Пушкина остановилось...»

В. Вересаев «Пушкин в жизни»

Не плачь, мой ангел! Это повод
Сменить привычки и дела.
В рассвет, проливший синий холод,
Упала снежная зола.

Затихли ветры. Светло-вечен
Последний безмятежный сон:
Ей – в шали зябко кутать плечи,
Он – рядом, молод и влюблен,

И вкус – с кислинкой, резковатый –
Из нежных рук («Не уходи!»),
Как будто только это свято
И только счастье впереди...

Ах, Пушкин! Ты же слышишь?

Слышишь –

На грани вечности и сна

Скользит поземкою по крыше

Неуловимая – Она.

Шаги бесшумно-неизбежны,

И тень крылатая в окне

Целует в губы крошкой снежной –

По чьей вине?

По чьей вине?..

Молчит.

И ждет.

И лечит раны.

Густеет каплями чернил. –

Она знакома – смутно, странно...

Что ты тогда ей говорил?..

...Слабеет свет – ненужный, лишний.

Холодный воск на черный стол.

А ты спокойней.

Легче.

Тише.

Беспечней.

Дальше. –

Все.

Ушел...

**Игорь
МЕЛЬНИКОВ**

НАРОД

Страх душит, душит! Но отпустит.
Мол, поживи еще денек,
Что напоен щемящей грустью
И тлеет, словно уголек.

А ты закуришь папиросу
И нервно так заявишь мне:
«Нет, лучше впроголодь и босым,
Но жить в своей Родной стране...»

И я скажу в ответ: «Дружище!
Среди богатств страны твоей,
Ты был и остаешься нищим.
Но не сдавайся и не пей».

Пусть наши предки нам помогут,
И наша правда нас спасет.
Мы не сдаемся, слава Богу.
А значит – жив еще народ!

СУТЬ ВРЕМЕНИ

Немало дорог пройдено.
Довольно всего сказано.
Уже молодежь праздная
Играет в любовь к Родине.

По детству тоску чувствуя,
Душа на село просится.
А там – будто нож по сердцу –
Высокий бурьян буйствует.

И нам воевать хочется
За правду, дождем смытую.
А некая часть сытая,
От правды такой морщится.

...Со времени что спрашивать?
Такое оно, граждане.
Но лучше бы знать – каждому! –
Тревожную суть нашего.

ДУЭЛЬ

Сорока в снег зарыла хлеб –
Так в память прячутся слова.
Под снегом линии судеб
И прошлогодняя трава,

Поля, которым края нет.
А на снегу равнины сей,
Глубокий оставляют след
Полозья пушкинских саней.

Поэт спешит на смертный бой,
Как будто жизнь не дорога.

...Кто сегодня, скажите, помчится, народ созывая,
Собирая полки, коли нужно,
на праведный бой?
Человек-археолог, усердно в земле ковыряясь,
Ржавый гвоздь отыскал
и изрядно доволен собой.

ДОЛГ

Твои стихи должны вещать!
Намеки – дело анекдотов.
Не надо глупость защищать –
Сие не пыльная работа.

Твои стихи будить должны!
А убаюкивать негоже,
Покуда ночь твоей страны
На предвоенную похожа.

КУКЛА САРА

«Все жидаы города Киева и его окрестностей должны явиться в понедельник 29 сентября 1941 года к 8 часам утра на угол Мельниковской и Дохтуровской (возле кладбищ). Взять с собой документы, деньги, ценные вещи, а также теплую одежду, белье и проч. Кто из жидов не выполнит этого распоряжения и будет найден в другом месте, будет расстрелян. Кто из граждан проникнет в оставленные жидами квартиры и присвоит себе вещи, будет расстрелян.»

Из немецкой листовки, развешенной в г. Киеве в 1941 г.

(Центральный государственный архив Октябрьской революции. Фонд 7021, опись 65, ед. хр. 5.)

...«Мама, я сказала кукле Саре,
Что записку видела вчера:
«Всем жидам собраться в Бабьем Яре
На дороге к кладбищу, с утра».

Мама, мама, что же с нами будет
Мама, далеко ли до беды?
Мы еще недавно были люди –
Нынче почему-то мы – «жиды»?

Мама, немцы тоже едут с нами,
Или будут только провожать?
И зачем с вещами и деньгами,
И зачем дома не запираешь?

Мы бы ключ оставили знакомым,
Дядя Миша был бы только рад.
Мама, я забыла куклу дома –
Ты ее купила год назад!

Ей одной там холодно и страшно,
А у Сары горлышко болит.
Слушай, мама, если кукла наша,
Это значит – Сара тоже жид?

Отчего-то все идут, сутулясь,
Почему-то окна без огня?
Я ужасно, мамочка, волнуюсь:
Как там кукла Сара без меня?»...

...Выткет саван русская природа,
Станет Бабий Яр белым белей,
Закричит, заплачет непогода,
По еврейке маленькой своей.

Запоеет поэмка-завирушка
По ушедшим –
«баюшки-баю».

На окне останется игрушка
Дождаться девочку свою...

СТИХИ – НЕ БОЛЕЕ ТОГО!

– Я ночь не спал, и вот – произведение,
В нем страсть, любовь, природа, волшебство!
– Ах, милый друг! Не придавай значенья,
Ведь это же стихи – не более того!

– Смотри – все слезы льют от умиления,
Уж это ль не таланта торжество?
– Ах, милый друг! Не придавай значенья,
Ведь это же стихи – не более того!

– Поэзия – хоров небесных пенье,
С великим Богом тайное родство!
– Ах, милый друг! Не придавай значенья,
Ведь это же стихи – не более того!

И тяжелой думы крест, и сладкое мгновенье,
И мира день живой, и древний прах его –
Всего лишь свет и ночь, и счастье, и мученье,
Всего лишь жизнь и смерть – не более того!

«ГОЛУБЧИКОВ НАРКОЗ»

Наука много может, это ясно,
И все же, если говорить всерьез:
На свете есть прекрасные лекарства,
Но есть ведь и «голубчиков наркоз»!

...Дежурство, «скорая», да – вызов был тяжелым,
Лекарства на нуле, пора домой,
А он стонал предсмертным, тяжким стоном
Под вечер на прогретой мостовой.

Ну что ж, берем, теперь куда уж деться,
Вот, понимаешь, подлый поворот!
Он держится одной рукой за сердце,
И ясно, что чуть-чуть – и он уйдет!

Набрали два шприца и все – по вене,
А надо много больше, видит Бог!
Водителю – гони! – и по сирене
Сквозь смерть и ночь по толчее дорог!

А мужику ни капельки не лучше,
Он то ли умирает, то ли спит,
А я кричу: не засыпай, голубчик,
А я шепчу: голубчик, потерпи!

Он руку мне так больно сжал, сердечный,
А я ору до хрипоты, до слез...
...Потом? Ах, да – ну, довели, конечно,
Спас мужика «голубчиков наркоз»!

Он пролежал, я уж не помню сколько,
Потом был вечер, музыка и стол;
А на руке синяк был долго-долго,
Но все-таки в конце концов прошел...

**Олеся
МАМАТКУЛОВА**

Лениво коростель отсчитывает время.
Вечерняя заря встречать рассвет спешит.
Возможно ли понять, прочувствовать, измерить,
Возможно ли принять уход родной души?

А чѐрствая луна ломоть ржаного хлеба
Даѐт в последний путь и прячется во мгле.
И странствует душа, мешая быль и небыль,
Оставив нас одних, живущих на Земле.

Полночная роса слезами на растеньях,
И свечи низких звѐзд, пронзающие тьму.
Уходят навсегда в другое измеренье
Родные, взяв ответ к вопросу «почему?»...

Колкой плѣткой холода
Хлещет спину ветер.
Долго ждать ли? Коротко?
Кто теперь ответит?

Ветви – неба поручни –
Льдом покрыты стылým.
Боль сжимает обручем,
Сердце просит силы.

Как спуститься ангелам
На плечо в подмогу?
Не исправить набело
Жизнь в угоду Богу.

Ставни заколочены,
И пуста обитель,
Да глазами волчьими
Смотрит в ночь погибель.

Мглою даль наполнена,
Но спасает вера,
Что звездой намоленой
Обойдёт барьеры.

Ночами в крупном городе почти не видно звёзд.
Пронзают мглу кричащие рекламные огни.
Живу в душевном голоде – путь к истине непрост,
И жаль, что настоящее рекламе той сродни.

А что за ярким слоганом, блестящей мишурой?
Нельзя узнать заведомо: где правда, а где ложь...
Дождём ночным растроганы, шершавою корой
К домам прижались преданно деревья, пряча дрожь.

Бреду под освещением фонарных тусклых лун.
А мне б в полях некошенных коснуться звёзд рукой!
Пророчит «утешение» вновь баннер на углу:
Плати, и всё хорошее останется с тобой...

СЕГОДНЯ БУДЕТ СНЕГ

Сегодня будет снег.
Пусть весна позлится!
Не выстрадан успех,
Не журавлём –
Синицей

Душа, боясь, дрожит.
Помято оперенье.
Заоблачных вершин
Не покорить.
Прозреньё

Придёт в тот час, когда
Зима назад вернётся.
Так трудно оправдать
Надежды.
И не солнцем

Согрет открытый путь –
Скрывает дали выюга,
И горюшка хлебнуть
Придётся.
По заслугам

Воздаст метель за всё.
От слёз мокры ладони.
Ведь крест лишь тот несёт,
Кто взять его
Достоин.

Сегодня будет снег...

Не звоню, не пишу и не еду.
Осень скрипку тревожит ветров.
Торопясь, по кленовому следу
Прочь уходит тепло со дворов.

Улетает в безвременье счастье,
Журавлиной прощаясь строкой,
И сжимает легонько запястье
Не рука, а браслет золотой.

Разговоры о прошлом неспешно
Вновь со мною осины ведут.
Только дождь, что в слезах безутешен,
А не друг мой разделит маршрут.

Отчего так случилось, так вышло?
Километры нам стали судьбой...
А за мною вдогонку, вприпрыжку
Лишь листва пожелтевшей гурьбой.

Да созревшие гроздья калины
Летним солнцем на ветках рябят,
Затерялись в дороге мы длинной...
Но я помню. Я помню тебя.

В тот вечер погожий,
Пропитанный ладаном,
Я встретилась с прошлым
Нежданно, негаданно.
Слились в одночасье
Теней очертания,
Беду или счастье
Сулило свидание?
И теплилось алым

Листвы украшение,
А я принимала
Для сердца решение:
Вернуться? Остаться?
Шагнуть ли в грядущее?
Пронзали пространство
Созвездья колючие.
Я знала, что в реку
Одну не получится
Шагнуть человеку...
Вечерней попутчицей
Прошла молча мило
Походкою праведной.
А сердце заныло:
– Ты сделала правильно?

Елизавета
БАРАНОВА

ДОБРОЕ СЛОВО

Я в поисках Доброго Слова скитаюсь,
Найду и – клянусь – буду вечно дружить с ним.
Расправило небо свой облачный парус
И мерно плывёт по течению жизни.

И я впопыхах,
задыхаясь, –
на гору,
Бегом –
на возвышенность –
к чистому небу,
Мне кажется, там – возле самого Бога –
То Слово, искомое мною по свету.

Вот-вот прикоснусь и возрадуюсь...
Тщетно –
Здесь – в небе, увы, абсолютно безмолвно,
Безлюдно,
безгрешно
и даже –
бессмертно,
И только последствия Доброго Слова...

На землю – обратно – к реальности ближе, –
Скажите хоть кто-нибудь Доброе Слово!
Но мир Доброты основательно выжжен,
Раздавлен,
 распорот,
 распят,
 колесован,
Но жив...

И уста наши сомкнуты, словно
За миг доброты будет кто-то наказан...
И только застрявшее Доброе Слово
Подкатится к горлу мучительным спазмом

И вырвется всё же на волю...
Нам надо
Послушать себя и к себе присмотреться,
Ведь Доброе Слово – оно где-то рядом,
Точнее, внутри нас, у самого сердца.

Как плачут деревья, вы видели, люди?
Вы знали о том, что деревья способны
Любить,
 волноваться
 и веровать в чудо
Божественных сил
 и свершений природных?

Как плачут деревья, легко ли представить? –
Ведь нет у деревьев ни чувств и ни мыслей.
Но дарят они безвозмездно на память
Тепло своих солнцем обласканных листьев.

Легко ли представить, что плачут деревья,
Когда их ножом – да в тревожное сердце, –

Чтоб мог человек с беспощадностью зверя
Живительным соком стволов разговеться?!

Как плачут деревья, когда их срубают!
Когда топором – да под самый под корень!
Здесь каждая – знайте – берёза – святая,
Погибшая в муках,
истёкшая кровью!

Главенствовать в мире древесном – не смейте!
Здесь небо от слёз дождевидных – сырое...
Вы только представьте – с рожденья до смерти
Деревья обязаны бодрствовать!
Стоя!..

...Теперь, когда всё прояснилось, легко ли
Чтецам этих строк, абсолютно нелестных?
Я видела – плачут слепые левкой
Над свежими пнями в овражистых безднах.

Хочу за беспомощных я заступиться,
Оставить живое – живым.
И поверив,
Что есть у деревьев
и души,
и лица,
Увидеть улыбки спасённых деревьев.

Есть странные птицы,
Как будто пророки, –
Им тайны открыты и время подвластно,
Как будто провидцы,
Предчувствуют сроки
Рождения,
смерти,
беды
или счастья.

Им горы – не горе...
Им строгое солнце

Диктует,
внушает,
вручает посылы, –
Разрушится вскоре
Безверия нонсенс,
Как только к Земле прикоснется мессия.

Те странные птицы –
Они – судьбоведы –
Предвидят
и видят,
и молвят,
и молят, –

Жрецы или жрицы,
Сошедшие с неба, –
Такая досталась им тяжкая доля.

Летают вне правил,
Витают повсюду –
Во снах,
наяву
и в других измерениях,
Но больше – над нами.
В душе – они люди,
Хотя поверх кожи у них оперенье.

И аист на крыше,
И ворон угрюмый,
Присевший сейчас на оконный наличник,
Послание свыше
Несёт, маскируя
Своё назначение в образе птичьем.

И если всмотреться
В символику крыльев,
То можно успеть изменить,
измениться

И внешне, и в сердце,
Чтоб чаще парили
Над чистой Землей благонравные птицы.

Людмила
КУТЕПОВА

ВЕСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Не пора ли ставить точку
На проблемах и обидах?
Закопавшись в старых строчках,
Потеряла я из виду
То, что в городе весеннем
Пахнет свежестью и солнцем,
Поднимая настроение,
Блещут мытые оконца.
Будет грязно? Это враки!
Быстро сохнут тротуары.
Лихо празднуют собаки
То ли свадьбы, то ли свары.
Что-то в воздухе витает,
Нарушая стройность мыслей.
Резво дворники сметают
Зимний мусор прошлой жизни.

ОЖИДАНИЕ

Нестабильное равновесие,
Стрелки ссыпались в никуда.

Ночь беззвёздно окно завесила,
Мыслей-всполохов череда.

И рукам не найти занятие,
Пальцы праздности не поймут.
Отторжение, неприятие
Бесполезно пустых минут.

Немота – внезапным условием –
С четырёх сторон, как стекло.
Суетливое пустословие
Вдруг само собой отошло.

Медлит крестное испытание,
Замер маятник, сорван ход.
Обездвиженность ожидания –
Словно время насквозь течёт.

В ПАСХАЛЬНЫЙ СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ

В Пасхальный Светлый День на Литургии
Особенная в храме благодать,
И солнечные блики золотые
Рассыпаны повсюду. Не собрать
Той лепты солнца щедрой. Пахнет воском
И ладаном. Поёт осанну хор,
А под окном красавица-берёзка
Надела серьги – дорогой убор.
Особые у всех сегодня лица,
Как будто след печалей кто-то стёр.
Хочу налюбоваться, надивиться
На эти лики братьев и сестёр.
Прости, Господь, мне это любованье,
Но слёзы так и просятся к глазам,
Когда все вместе на одном дыханье
Молитву шлём сердечно небесам.

Мне кажется, нет радости чудесней,
Чем вдруг услышать: ангельски высок,
В том строе голосов «Христос Воскресе»
Выводит чисто детский голосок.

ТУЛЬСКАЯ ОСЕНЬ

Ветер с деревьев листву оборвал,
Строгой графичности вечный поклонник.
Рябью покрыта поверхность зеркал –
Лучик последний в глубинах хоронят.

Клёны и ясени, сучья воздев,
Небо царапают веток когтями.
Клин журавлей покидает предел,
Кличем прощальным звеня над полями.

Гребнем ноябрь, уходя, прочесал
Кроны, лишь гнёзда виднеются грачи.
Сладкою прелью пропахли леса,
С каждой минутой светлей и прозрачней.

Дальние слышатся колокола,
Тропка ведёт, словно в сказке клубочек...
Грустная радость на сердце легла
И отпускать эту осень не хочет.

ПРИТЧА О ЗАБЛУДШЕЙ ДУШЕ

Однажды человек во тьме ночной
Шептал:
– Мой Бог, поговори со мной.

Запели травы луговые вдруг!
Напрасно пели... Жёсткий сердцем – глух.
– Ответь же мне, – он в гневе не смолчал.

И гром с небес раскатом отвечал,
Низверглись на поля потоки рек...
Гроза прошла, лишь вымок человек.

– Позволь Тебя увидеть, коли так.
Возникли звёзды, разгоняя мрак,
Луна взошла царицею на трон,
Но тот незряч, кто гневом ослеплён.

– Тогда мне чудо, Боже, покажи.

И рождена была весною жизнь!
Короной увенчав чело земли,
Сады повсюду буйно расцвели.

А человек почти уже кричал:
Ну где же Ты – Начало всех Начал?
Коснись меня – коль властью облечён!

Тут бабочка спустилась на плечо...

Бесчувственна заблудшая душа...
– Не стоит эта вера ни гроша!
Всё в книгах ложь, слова – пустой посул!

...и раздраженно бабочку смахнул...

Таисия
МЕДВЕДЕВА

БЕССОННИЦЫ ПОЛНОЧНАЯ ЗВЕЗДА

В краю родном, средь красоты природной
Живу в делах, и только иногда
Поэзия приходит в дом свободно –
Бессонницы полночная звезда.

Рифмую я усердно до рассвета,
Стихи уводят в мыслях далеко!
Из хаоса словесного поэту
Сложить узоры строчек нелегко.

По дебрям пробираясь осторожно
Сумбурных строф, набора лишних слов,
Придет вдруг озарение тревожно –
В ночи мой стихотворный плод готов!

Стою я вновь перед открытой дверью
В страну, куда не ходят поезда.
Со мной ты вновь, в тебя я снова верю,
Бессонницы полночная звезда!

ВОСПОМИНАНИЯ

*Памяти Жуковой Раисы Степановны
и Левичевой Нины Степановны*

Важнее, может, есть воспоминанья,
Чем дом, скамья и опустевший сад,
Но через годы, через расстоянья
Меня все тянет в прошлое назад.
Так хочется опять открыть калитку,
Шурша листвою, подойти к крыльцу
И, постучав в окно, тебя окликнуть,
Лицом прижаться к милому лицу.
Узнать на стенах старые портреты,
В любимом кресле снова посидеть,
Послушать твои добрые советы
И тихо, нежно про рябину спеть.
Взгрустнуть о прошлом, дорогом и вечном,
Посетовать на суету сует
И в смехе радостном зайтись беспечно,
О чем-то вспомнив через много лет.
Как было б хорошо тому свершиться,
Но так жестоки времена и дни!
До близких сердца боль не достучится,
Лишь в памяти моей живут они.

ДУША МОЯ НАВЕК ОСТАЛАСЬ В ШКОЛЕ

Душа моя навек осталась в школе
И, рано просыпаясь и не в срок,
Пугаюсь я до жгучей в сердце боли,
Что утром опоздаю на урок.
Отбросив наважденье, успокоюсь –
Спешить не нужно на работу мне,
В волнении, свою тревожа совесть,
Рассвета миг рассматривать в окне.

Давно я в сновидения не верю
И чужда предсказаний болтовня,
Но снится – класса открываю двери,
И дети с нетерпеньем ждут меня.

Постарела. Как в это не верится,
Что пропели давно соловьи
Что виски сединой жизнь-метелица
Побелила с годами мои.
Сновидения просятся яркие,
И цветы часто вижу во сне,
А года, будто тяжестью-якорем
Зацепились за что-то во мне.
Не дают оторваться от будничных
И таких прозаических дней.
Остается грустить в свете уличных
Одиноких ночных фонарей.
Но во сне я взлетаю отчаянно
Над землей: хороша с высоты!
И хандру, настроенья печальные
Прогоню – и вернутся мечты.
Покружусь над планетой усталою,
Дух полета захватит в пути.
Я летаю, а, значит, не старая
И еще продолжаю расти!

ДРУГУ-ПОЭТУ

Твори, пока все рифмы не забыты,
В покое не держи карандаши.
Стихи пусть будут скроены и сшиты
Из нежной ткани трепетной души.
Вперед путями трудными иди ты,
Стремись к вершинам, обо всем пиши.

Стихи твои пусть будут прочно сшиты
Из нежной ткани трепетной души.
Когда взгрустнешь в обиде иль невзгоде,
Тетради жечь свои ты не спеши.
Стихи – лекарство при любой погоде,
Они из ткани трепетной души.

**Валентина
ПИНАЕВСКАЯ**

ПОСЛЕ ЖИЗНИ

После жизни пришедший рассвет
Под сирену отъехавшей «скорой»
Подытожит скопление лет
Беспощадным всевидящим взором.
Равнодушно косилось окно
Телевизором черно-белым.
Больше года, как дочь и сынок
Сдали мать свою в дом престарелых.
Лишь звонки иногда: «Как дела?»,
Обещанья нагрять в субботу,
А старушка напрасно ждала
И встречать выходила к воротам.
Не сердилась. Ночную порой
Так мечталось вернуться в квартиру:
«Вот ремонт завершится весной
Возвращусь я к привычному миру».
Но однажды узнала она,
Что как прежде уже не будет:
Дочь жилище её продала,
И живут там чужие люди!
От инфаркта взметнулась душа
Из ненужной земной оболочки,

От ничтожного дележа
Закоулочков и уголочков.
Сиротливо пустеет кровать,
И слезой блестит чайная ложка...
Больше некому здесь приласкать
У скамейки бродячую кошку.

СНЕГ В МАРТЕ

В струящемся мартовском снеге
Присутствие тайной вины
Ушедшего днём в полубеге
Сквозь дымку в хрустальные сны.

В окно предвечерье стучится,
Озвучив безмолвный предел,
Он просит тебя помолиться,
Ведь сам навсегда онемел.

И ветер, как плачущий инок,
Поёт покаянный канон.
В извечном круженье снежинок
Секрет бытия затаён.

И если рассвет воскресенья
На плечи вам инеем сел,
То знайте, что жаждет прощенья,
Кто в жизни простить не успел.

Капелью по кромке стекая –
Снег в марте всегда обречён, –
Ушедшие нас окликают
Церковной запиской имён.

НА ПОГОСТЕ

Снега по пояс до погоста,
Дойти до цели так непросто,
В сугробах тихий городок,
Небес сатиновый платок.

Послал ГОСПОДЬ терпенья, силы,
Присели у родных могил.
Вдруг в облаках, открыв оконце,
Весенне улыбнулось солнцу.

Спустились к церкви души предков
В двух голубках на голой ветке,
И радость горькая волнами,
Что папа с мамой рядом с нами...

МОНАСТЫРСКОЕ ПОДВОРЬЕ

Где монастырское подворье
Сокрыто от мирских забот,
Там лишь для избранных приволье,
И сладок им соленый пот.
Пока хозяйство небогато:
Корова, лошадь, две козы,
Сарайчик с крышею покатою –
Приют от ливня и грозы.
И храм, заброшенный отцами,
Стоит в березовых ветвях.
Грусть запустения делами
Искореняет брат монах.
На всеошной под сводом синим
Молитвы к Господу летят,
За православную Россию
Столпы-светильники горят.
Весь утопающий в сирени,

Весной оживший древний скит,
По воле Божьей, без сомнений,
Он благовестом зазвучит.
Наступит день Богоявления,
Войдем с тобой в воскресший храм,
Пусть яркий свет Преображенья
Путем спасенья будет нам!

Антонина
АРИСТОВА

Последний день Успенского поста.
Котомку в путь укладывает лето.
И, уходя до времени с поста,
Туда-обратно два берёт билета.

И жизнь моя на том же рубеже.
Билет один. До места. Без возврата.
Душа – ещё, а сердце – так уже,
Но о котомке думать рановато.

Ведь чувств моих глубинное тепло
Не выпила ещё старуха-осень.
Ведь время зрелых ласк не истекло,
И лето задержаться сердце просит.

Последний день Успенского поста.
Который раз с начала мироздания!
Вздых первого осеннего листа
О поздно так назначенном свиданье...

МАМЕ

Лицо твоё, как яблочко печёное,
Порою тайной думой удручёное.

Спросить про тайну было недосуг –
На все проблемы не хватало рук.

Раскаянье пришло мне запоздалое,
Когда утраты боль сполна узнала я,
Искала ведь почти десяток лет
На тот – незаданный вопрос – ответ.

Лицо моё уж тоже нецветущее.
Наследством стала дума та гнетущая.
Мне душу жжёт она больней огня:
«Как, доченька, ты будешь без меня?»

Что было в жизни и что в жизни ждёт
Во времена тревоги иль покоя,
Придёт любовь, а может, не придёт –
Начертано не нашею рукою.

Меняются листки календаря.
Течение дней есть главное из правил.
Судьбу, ругая иль благодаря,
В былом уже ни строчки не исправим.

Полжизни пролетит иль полчаса...
Теряют смысл утраты и свершенья,
А память — куполами в небеса –
Для покаянья и для утешенья

Несбывшихся надежд воздвигнет храм.
Судьбою правит Высшая десница.
Мы жизнь свою читаем по складам
Отдельно.

Каждый.

На своей странице.

ЗЕРКАЛА

Я так давно собою не была!
Всем, кем угодно, только не собою.
Мечты моей два трепетных крыла
Припорошило пыльной пеленою.
Всегда заботы, вечные дела.
Печаль росла при встрече с зеркалами.
Та, что глядела молча из стекла,
Решила, что нет разницы меж нами.
Но я поверить в это не могла,
Что на лице освоились морщины,
Что в волосах седая прядь легла
И что неинтересна я мужчинам.
Взмахну крылом, уйду за облака.
За зеркала мне, право, так обидно.
Она-то — я, я — не она пока!
Жаль, это в зеркале простом не видно.
Меня зовут судьбы колокола.
И мысль шальная не даёт покоя,
Чтоб для души создали зеркала,
Да посмотреться хоть разок в такое.

Упаду и в цвету растворюсь,
Позабуду житейское иго.
По весне погружается Русь
В ароматное море... Свербига

Зацвела, предвещая тепло
И ковром расстилаясь для лета.
Пусть приходит! Как мне повезло,
Что я есть, что я вижу всё это!

Друг за другом мелькают года.
И за гранью последнего мига
По волнам унеси в никуда
Ароматное море. Свербига...

**Виктор
МАЁРЕНКО**

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Я бы всех вас вернул – не могу,
Я могу лишь поплакать над вами
И простыми от сердца словами
Возносить, как героям, хвалу.

Я бы всех помянул – не могу,
Имена ваши вечностью скрыты.
В прах рассыплются камни и плиты –
Я вас в сердце своём сберегу.

Сколько вас – сосчитать не могу,
А начать – так и жизни не хватит.
Только кто ваши смерти оплатит
Кровью алой на белом снегу?

Я построил бы вас – не могу,
Той страны, где вы пали, уж нету.
Никого не призвали к ответу –
Все они перед вами в долгу.

Я стою на коленях сейчас
У огня, где живут ваши души,
И молюсь, чтобы не было хуже
Тем, кто выжил и Родину спас.

А их всё меньше, меньше, меньше,
И реже строй и уже ряд,
И никакие слёзы женщин
Не возвращают их назад.
У них не заживают раны,
А жизнь – чем дальше, тем трудней...
И умирают ветераны,
Пройдя сквозь тысячу смертей.
Мы не забудем их.
С годами
Они нам ближе и родней.

КЛЯТВА

Ручьём стекала кровь в Непрядву,
Пред ханом до земли склоняясь,
Везир докладывал неправду,
Что побеждён московский князь.

Кружил над смертным полем ворон,
И выл, добычу чуя, волк.
Мамай на Русь нагрянул вором,
Не зная про Засадный полк.

Уже хоругвь к ногам клонилась,
Казалось, неминуем рок.
Для всей Руси, как божью милость,
Ждал часа своего Боброк.

Он и сейчас в обличье новом
Готов спасти святую Русь...
Стою на поле Куликовом
И в верности ему клянусь.

Как тяжек путь к добру,
Все помешались на богатстве.
Ведя базарную игру,
Детей уже не учат братству.

Не вычищают шелухи
Из слов, что брошены устало.
Сердца для милости глухи –
Заплыли, затянулись салом.

И не молясь и не ища
К людскому горю состраданье –
Не оживает их душа,
Не обростает светлой данью.

Для них добро – в деньгах, в хлеву,
Где подрастает тучно стадо.
А лоск и сытость наяву –
Как долгожданная награда.

И надо ли соизмерять
Сочувствия стыдливый сполох?
Ведь доброта для них – не мать,
А бесконечной жертвы молох.

А я дарю, а я смеюсь,
Чтоб не испортить праздник жизни.
К добру сердечному стремлюсь
И бью челом своей Отчизне.

ТУЛЬСКАЯ ГАРМОНЬ

Как-то быстро люди расслоились,
Разделил их алчности огонь.
За окном в предсмертных муках билась
И умолкла тульская гармонь.

Сумраком накрыло древний город,
Улеглась тревожно тишина.
Только пряник, утоливший голод,
Прокричал: «Жива, жива страна!

А заводы только отдыхают,
Трубы временами не дымят».
Туляки безбожно вымирают,
Видно, жить без песен не хотят.

Замолчала тульская гармошка –
И не спеть, и вместе не рыдать.
Запотело светлое окошко,
Сквозь него любимой не видать.

А вчера я ехал на трамвае,
Где когда-то фабрика была,
Слышу как сквозь сон – гармонь играет!
Ожила, подруга, ожила...

БУДУ

Казалось мне – я исчерпал себя,
Года и быт замуровали чувства.
Плыву по жизни, медленно гребя,
Не трогают ни деньги, ни искусство.

Казалось – всё! Осталось только лечь
С Россией вместе, выкопав могилу, –
И всё, что было, вычеркнуть и сжечь,
Как сдал Есенин русскую кобылу

И прославлял железного коня,
И напивался, под тальянку плача;
Ему казалось – русская земля
Не выживет, когда издохнет кляча.

Но всё не так. И нынче – всё не так,
Я чувствую – железом крепнет голос.
Сегодня же я встану за верстак,
А завтра – подниму пшеничный колос.

И буду, буду день и ночь пахать,
Пахать до крови, до сердечной боли.
Ведь так меня учила в детстве мать:
Чтоб никогда не зарастало поле.

А умереть ещё успею я,
Смириться с этим – вот чего не смею.
Пусть оживает Родина моя,
Я буду жить и радоваться с нею.

ТРОПИНКА

Шла тропинка возле речки,
По тропинке в тихий час
Я шагал. А жил в местечке,
Где Макар телят не пас.
Глухомань. Тропинка к лесу,
Я – за ней, она в траве
Убегает, куролесит,
Будто память в голове.

Это детская привычка
Бегать лесом, по полям,
Где жила моя синичка,
Неподвластна королям.
Я мальчишка, я не знаю,
Кто кому был наречён,
Бегал к ней я тёплым маем,
Как за солнечным лучом.

Я – мальчишка и не верил
В журавлей и сладкий край,
Я синицей счастье мерил,
Убегая сердцем в рай.

Шла тропинка и бежала
То к реке, то от реки,
И полями окружала
Цветом неба – васильки,
То ромашкой полевою
Удивляла про любовь.
Жизнь прошла, и я с тоскою
Прошагал тропинку вновь.

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

Люблю тебя. Так просто всё и ясно,
Как вольный ветер, небо, облака,
И жизнь моя мне кажется прекрасной,
Когда в моей лежит твоя рука.

Всё происходит просто и понятно,
Нет лишних слов, надежда навсегда,
Что путь земной не повернуть обратно,
Что на двоих – и дети, и года.

И каждый день мне просто и привычно,
Как труд души и сердца перестук.
Звучат слова мелодией обычной,
А сколько в них и радости, и мук.

Они навеки, словно заклинанье,
Как дух земли, источник родника.
Люблю тебя – волшебное признание
И чувства бесконечная река.

Любимая, так просто и надёжно
Шагать вдвоём, сидеть на берегу,
Знать наперёд, что в этой жизни сложной
Жить без тебя я просто не смогу.

ВЕНИК

Я к берёзке, как на праздник,
Ранним летом дошагал,
Поднабрался мыслей разных,
Веток лёгких наломал.

Ты прости меня, берёза,
Есть привычка у меня –
В день великого мороза
Разогреться у огня.

Размягчить в парилке веник,
Паром тело накалишь
И в азарте сто Америк
Неожиданно открыть.

Накричаться, напыхтеться
Под берёзовый удар.
От судьбы не отвертеться,
Веник – друг, здоровье – дар.

МОЁ ПОКОЛЕНИЕ

Прострелено пулей, продуту ветрами
Моё поколение – люди, что камень.
С ним не сравнится огонь и металл,
Мир непреклонней народа не знал.

Но что-то случилось – рассыпался камень,
Серп затупился, пролёт – с молотками.
Мы не успели очнуться, прозреть,
Как перестали о Родине петь.

Нет уж любви к человеку простому,
Ум – не хозяин. Уже по-другому

Ценят и любят в России сейчас,
Нас оттолкнули, забыли про нас.

Прострелено пулей, продудо ветрами
Моё поколение – люди, не камень.
Уходят негромко, о прошлом скорбя,
Любовью к стране обессмертив себя.

ИУДА

Тот предал Иисуса на мученье
За горсть монет, щепотку серебра,
А этот перестроечным «ученьем»
Народ единый расчленил вчера.

Тот завистью страдал неукротимой,
Величия судьбы понять не мог,
А этот болтовнёй неудержимой
Привёл страну на кризисный порог.

Тот отдавал Учителя солдату,
Навечно душу дьяволу вручал,
А этот за немецкую доплату
Как унижать Державу обучал.

Тот, раз предав, себя обрёк на муки,
Что к состраданию в людях не вели,
А этот – что щенок бродячей суки –
Всё лает на народ своей земли.

Тот, осознав всю глубину позора,
Сам отыскал и обессмертил сук,
А этот красnobай с повадкой вора
Всё ждёт чужих и доброй воли рук.

Историю не пишут по заданию,
Но каждый русский выучил урок:

Свершивший преступленье по желанью –
Себя в народе на позор обрѣк.

Пройдут года предательства и блуда,
Народ, окрепнув, выгонит всех вон,
Кто был к нему ничтожным, как Иуда,
Как Герострат и жалкий пустозвон.

**Надежда
СОРОКИНА**

Разлилась любовь, как море,
На мою беду.
Я три года возле моря
Перевоза жду.

Нежат теплые денечки,
Непогода бьет,
Только к берегу, наверно,
Лодка не придет.

Так ждала, что бросить жалко.
Знать бы, как мне быть.
А на лодке это море
И не переплыть.

Промелькнувший утром парус
Сгинул без следа –
Над разлукой посмеялась
Горькая вода.

Единственная сущность
Прояснится.

Стремлением
Душа освящена.

Светильник клонишь –
Пламя ввысь стремится.
Пыль вверх бросаешь –
Падает она.

Без тебя тускнеет солнце,
Тянутся по небу тучи,
Сердце будто укрывает
Темнота осенней ночи.

Был бы ты со мною рядом –
Успокоил бы улыбкой,
Взглядом нежным приголубил,
Словом ласковым приветил.

Вместе мы – и жизнь сияет,
Словно солнце на восходе,
Расцветает в сердце радость
Зорьки утренней алее.

Это нищее чувство всю жизнь отрицай,
Презирая любовные чары, –
Легкой птицею в небо взовьется любовь
И обрушится, как Ниагара.

Вспоминай, как была безопасна земля,
На отвесе крутого потока,
Если стала невольно подруга твоя
Самой нежной и самой жестокой.

У нее голубиная кротость в глазах,
Ароматная теплая кожа.
Кто бы мне объяснил, почему мы всегда
Обижаем того, кто дороже?

Эта слабая плоть подчинится тебе
И поставит тебя на колени.
И забьется в железных оковах души,
Сознавая твоё ослепление.

Не обманет ее Ниагары вода,
Знает сердце о благодати вечной –
Не смирится оно, значит, будет всегда
Горевать по любви сердечной.

СО СЛОВ ИБН АКСАМА

Когда сокровища
Одной души
Найдут свое подобие
В другой,

А доброта и чистота,
И нежность –
Пути к сближенью их –

Рождается ярчайшее сиянье,
Которое рассудок озаряет.

Сиянье то зовут любовью.

Вот почему
Сердечная любовь
Невежественным, грубым
Недоступна.

Сергей
КРЕСТЬЯНКИН

ПОЛОМАННЫЙ ПРИБОР, ИЛИ
РУССКАЯ СМЕКАЛКА
(рассказ)

Утро. Транспортное предприятие. Начало рабочего дня. Водители сплошным потоком тянутся к медпункту, чтобы пройти освидетельствование на отсутствие алкоголя в организме и спокойно выехать в рейс. Кто-то быстрым шагом проходит в медпункт, бодро возвращается обратно, садится в машину и выезжает из гаража. Менее уверенные в своих силах не спеша подходят к зданию, где расположилась медкомната, здороваются со знакомыми, ведут неспешные разговоры (как будто никуда им ехать не надо), дышат свежим воздухом, глубоко при этом вдыхая и как можно сильнее стараются выдохнуть, дабы прочистить лёгкие и пищевод с желудком, наивно полагая, что это поможет, чтобы прибор не показал даже остаточное содержание спиртного после вчерашней вечерней гульбы с ребятами.

Но есть и такие, которые спрятались среди машин и, выглядывая оттуда, наблюдают за товарищами и за окружающей обстановкой, решая, что же им предпринять, дабы обмануть прибор, тем более что водкой от них разит за километр.

Среди таких и Лёха: тридцатилетний мужичок невысокого роста, сидящий на подножии автомобиля и нервно курящий (одну за одной) папиросы «Беломор-канал». Докурив очеред-

ную папиросу, он загасил её о подошву сапога и втоптал в грязь. Достал пачку, но новую брать не стал. О чём-то задумался и, видимо придя наконец к какому-то решению, быстро положил её в карман куртки даже не раскрывая. Открыл дверь кабины, достал небольшую бутылку с жидкостью, похожей на солярку, вынул пробку и сделал пару небольших глотков прямо из горлышка. Весь сморщился, скривился, потом крикнул, то ли от удовольствия, то ли от гадости, которую только что выпил, вытер губы тыльной стороной ладони, закрыл бутылку и убрал её обратно в кабину. После чего резко встал и уверенным шагом направился в медпункт.

Лёха был, наверное, самым последним, потому что когда он вошёл в кабинет, водителей там уже не было, а Нина Ивановна заполняла бланки: какое количество водителей она выпустила на линию, а кого пришлось отстранить.

Нина Ивановна оторвалась от своего занятия и посмотрела на вошедшего.

– Вот пришёл на освидетельствование, – тщательно выговаривая последнее слово, произнёс Лёха.

– Что ж так поздно, милоч? – ласково поинтересовалась медсестра.

– Да что-то съел с утра, и мутило. Даже вырвало. А сейчас вроде всё нормально, – горестно ворковал шофёр.

– А может, не съел, а выпил? – улыбнулась Нина Ивановна.

– Дык, это, как его... Не пил я. Только ел.

– Батюшки! – всплеснула руками медработник. – Андерсен ты наш местного значения. Да ты ещё в комнату не вошёл, а я чуть со стула не упала. От тебя водкой за версту несёт.

– Дык, это. Парфюм у меня такой, наверное? Может в трубку дунем? – предложил Лёха.

– Значит, говоришь, парфюм у тебя такой. Ну что ж, подходи, соколики, давай дунем.

Водитель уверенно подошёл к столу, взял трубку и со всей мочи дунул.

Прибор ничего не показал.

Нина Ивановна удивленно подняла брови.

– Ну-ка, дунь в другой.

– Пожалуйста, – пожал плечами Лёха.

Прибор опять показал норму.

– Наверное, два испорченных попались, – неуверенно проговорила медсестра, – попробуй вот в этот.

И снова – ничего!

– Не знаю, в чём дело. Наверное, приборы бракованные. Ты в помещении пять минут, а я уже задыхаюсь от твоего парфюма. В рейс тебя не пущу.

Лёха был парнем не промах и прекрасно знал пословицу, что лучшая защита – нападение. Поэтому от медсестры сразу направился к начальнику смены.

– Сан Саныч, что за фигня такая? Почему меня в рейс не пускают? Медсестра уверяет, что я пьяный, а приборы её – ни один не показал алкоголь.

– Запах-то вроде присутствует? – неуверенно то ли спросил, то ли констатировал начальник.

– Да вот и она тоже прицепилась с этим запахом, а приборы-то ничего не нашли.

– А ты сколько раз дул?

– Четыре раза в разные трубки, и – ничего.

– Да? – удивился Сан Саныч. – Ну пойдём, поглядим.

С Ниной Ивановной они столкнулись в дверях медицинского отделения.

– Нина Ивановна, почему водителя не выпускаешь?

– Да ведь он же пьяный! – опешила женщина.

– Но ведь приборы ничего не показали. Или он соврал?

– Не соврал. Но я думаю, что они бракованные.

– Ну-ка, дай я попробую, – сказал Сан Саныч и с этими словами взял трубку и дунул.

Прибор показал большое количество алкоголя.

– Ну вот видишь – всё нормально. А-то заладила тоже мне: бракованные, бракованною... Всё в порядке – работают. Выпускай водителя на линию.

Евгений
ТРЕЩЕВ

НАДО ЗУБЫ ПОКАЗАТЬ

Совещания-разборки,
Отношения очень тонки.
Дипломатию разводят,
С камнем друг за другом ходят.

Здесь всегда закон один:
Кто силен – тот господин.
Слабость будешь проявлять,
Все начнут тебя кусать.

Лучше всех медведь сидит.
Важно смотрит и сопит.
Если лапой шевелит,
Стая сразу вся молчит.

Ситуацией владеешь,
Значит, козыри имеешь.
Не владеешь – тут беда,
Будут рвать в куски тебя.

Совещания-разборки,
Отношения очень тонки.

Дипломатию разводят,
С камнем друг за другом ходят.

В ТАЙГЕ

Ветер с севера дул,
Стаи туч нагоняя.
Солнце скрылось,
И тьма опустилась ночная.

Над тайгой ветер выл,
Ветви с треском ломая,
Но под сводом дубов
Умолкал, затихая.

В глубине лесной чащи
Мрак густел, словно бездна.
В душном, влажном плену
Умирала надежда.

Дождь короткий прошел.
Гром стихал, угасая.
Капли падали вниз,
Тишину нарушая.

Мхи во мраке ночном
Бледным светом струились.
Тайны древних лесов
Нам на сердце ложились.

Запах ландышей плыл,
Одуряюще пьяный.
Тихий шепот тайги
Был глухой и лукавый.

НА ЗАЧАРОВАННОЙ ПОЛЯНКЕ

На полянке лесной
Разнотравья узоры.
И дубы-колдуны
Здесь ведут разговоры.

Солнце скрылось на миг.
Тень на землю упала.
Ветерок прошуршал
И умолк, затихая.

Лазурь неба опять
Вся пронизана светом.
Одари, чародей,
Меня добрым советом.

А в ложбинке родник
Весь искрился, сверкая.
Струя падала вниз,
В тростниках исчезая.

НОЧЬ В ГОРАХ

Сестре

Луна взошла над перевалом,
Сияя в черной пустоте.
И воды горного потока
Вмиг заискрились в серебре.

Во мраке сказочных ущелий
Среди хаоса валунов
Переливались камни, скалы,
Мерцая лунным серебром.

ФЕВРАЛЬ

Какое солнце! Боже правый!
В сиянье золотых лучей
Сверкает воздух, снег, деревья
В безумном трепете теней.

Преображенный мир волшебю
Являет чудо из чудес:
Потоки легкого эфира
На землю хлынули с небес.

ЗАПУСТЕНИЕ

Здесь бездорожье, глухомань,
Холмы, луга.
Мост унесло весной.
Река – стена.

Кругом ревет, гудит, стучит
Наш бурный век.
А тут покой.
И тишина ему в ответ.

Волнуют ветры ковыли –
Кусок степи.
А на холме горят цветы
Дурман-травы.

Земля богата и черна,
Стоит пуста.
Когда-то были здесь дома,
Теперь луга.

Хозяева земли ушли.
Их не зови.
В сторонке, видишь, бугорки,
Постой в тиши.

ЛЕСНЫЕ НАПЕВЫ

Дул ветер с юга двое суток.
Летел, устав, издалека.
И, иссушив росу на травах,
Пришли жара и духота.

Под ветром шелестели листья,
Шумели заросли осин.
И я, заслушавшись кукушку,
Стоял под ясенем один.

Вокруг в цветах гудели пчелы.
Жужжали пыльные шмели.
Сочился запах бражный, терпкий
От падшей осенью листвы.

Лес жил в многоголосье звука,
В игре теней, в кипенье дня.
И в череде воспоминаний
Вернулась молодость моя.

БЫЛО ДЕЛО

Дрались в детстве.
Было дело, дрались.
Но за драки те
Давно уж рассчитались.
Присмотрелись.
Потолкались.
Побратались.
Дрались в детстве.
Было дело, дрались.
Но обиды между нами
Не остались.
Помирились.

Подружились.
Посмеялись.
Было дело.
Было дело, дрались!

О РОДИНЕ

Ты гулял в Париже и Пекине,
Серым смогом в Лондоне дышал.
Зыбким утром летнего рассвета
Обнимал тебя Индийский океан.

В древнем и далеком Лиссабоне
Замки ты рассматривал в тиши.
Как прекрасны ранним летом Пиренеи!
Правда, Альпы тоже хороши.

Мексика, Бразилия и Чили –
Ты везде, дружище, побывал,
Видел ты лазурные заливы,
И сирокко тебя жарко обнимал.

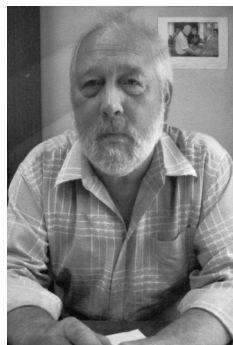
Но звучит струна светло и тонко:
Нам милей родные города,
Ведь на нашей голубой планете
Всех прекрасней русская земля!

ПРОШЕДШИЙ ВЕК

Век прошедший. Век жестокий!
За какие же грехи
Столько муки и позора
Ты вписал в судьбу Руси?
Войны, голод, революции
Разрастались на крови.

Как же вы народ замучили,
Кровожадные вожди.
Вы судили и гноили,
Жизнь ломали, не щадя:
Не протянет ручки к солнцу
Нерожденное дитя.
Век холодный. Век изменчивый
Завершается сейчас.
И, столетья разделяя,
Бьют часы в последний раз.

**Алексей
ЯШИН**

РАСТЕРЯЛИСЬ

К семи часам, согреваясь в быстром шаге от озноба ранневесенней морской промозглости, миновав сопку Старого Полярного, Чертов мост, выставший сотнями своих ступенек глубокий овраг, и – наискосок – весь Новый Полярный, Николка точь-в-точь прибыл к проходным среднего пирса подплава. Его уже ждал Серега, демонстративно вскинувший на уровень глаз руку с часами. Так, для порядка, ибо на его сверхточных, подаренных отцом «командирских», до седьмой склянки, говоря по-флотски, значилась целая минута с заштатными секундами. Но всё же не удержался:

– Не опоздал – хор-рошо! А я уже минут десять как здесь!

Николка, пожимая руку однокласснику, промолчал: Сереге от дома до пирса пять минут ходьбы, а тут три четверти мили топать...

– Ладно, Коль, не хмурься, как проштрафившийся боцман, пошли. Катер ждать не будет, хотя бы отец еще вчера дежурного по пирсу предупредил.

Вошли в настежь раскрытые стальные ворота, в которые за минуту до того вполз тягач с парой торпед на прицепе, укрытом брезентовым полотнищем.

Сидевший слева за воротами на табурете дневальный – явно нестроевой «страшный матрос»*, по всей видимости, готовив-

* То есть старший матрос, эквивалент пехотному ефрейтору. – *флотск.* (Прим. авт.)

шшийся к дембелю со своей одинокой лычкой на погонах, – доселе щурившийся на раннеутреннее солнышко, посмотрел на вошедших, с ленивым флотским шиком процедил:

– Куда, паца... – но, оценив вытянувшихся к концу десятого класса за метр восемьдесят Николку и Серегу, поправился, – каким курсом следуете, ребята?

– По распоряжению капитана первого ранга Ившева на катер РК-49. В дежурке должна быть запись, – не останавливаясь, кратко ответил Серега, сделав ударение на фамилии отца, замкомандира эскадры.

Служивый оценил высокую должность, но утреннюю лень преодолевать и не собирался, махнул рукой, но на всякий случай ответил по-уставному:

– Добро на вход. Пр-родолжайте движение, ребя... товарищи.

Чувствовалось: мореману в ничтожном чине так осточертели за четыре года службы все эти лодки, торпеды, облезлые круглый год сопки, многочисленные черномундирные военные и диковато смотрящиеся на территории подплава редкие штатские, что он со скрежетом скул зевнул и, мечтая о скорых «ста днях», лениво поплелся прикрывать тяжеленные ворота.

«Аркашка», цельнометаллический сварной, даже настил палубы из рифленой стали – чтобы ноги не скользили, окрашенный в уставной шаровый цвет, со счастливым по флотским поверьям номером ($7 \times 7 = 49$), готовился отдать швартовы. Салага-матрос первого года службы уже размотал с тумбы кормовой трос, перебросив его на палубу, направлялся к носовому. Стоявший на причальном трапе молодцеватый подтянутый старшина катера (здесь офицеров, а значит, и звания командира, не полагалось), по-весеннему без бушлата, в одной форменке, как и давешний дневальный, с легким прищуром смотрел на солнце, взошедшее над сопками Екатерининского острова, не забывая беззлобным матерком поучать салагу флотскому мастерству.

Не дожидаясь вопроса обладателя солидных главстаршинских погон, Серега, особо не разнообразя свои слова, отрекомендовался:

– По распоряжению капитана первого ранга...

Но на этом слове моторист катера резво запустил сразу на больших оборотах дизель, заглушив фамилию носителя высокого командирского звания. Старшина ловко, с шиком старослужащего нагнулся с трапа к подошедшим, приложив руку к мичманке:

– Что-что, капитан первого ранга?

Серега, повысив с поправкой на стрекот дизеля голос, повторил.

– Прошу на борт, – с невыразимой любезностью в голосе, дополненной четким жестом руки, пригласил ребят старшина, в два шага сам поднявшись на палубу, освобождая трап.

Лихо козырнув, молодежавый главстаршина направился в штурвальную рубку – пора отчаливать, благо дизель уже разогрелся и перешел на ровные рабочие обороты, а салага, закинув носовой трос на палубу, сам взбежал на нее и принялся затаскивать трап.

Старшина дал по корабельной «сирене» три коротких отвальных гудка, вода за кормой забурлила, катер отвалил от стенки пирса и пошел, набирая узлы, наискосок Екатерининской гавани курсом на восточный, узкий выход из гавани в Кольский залив.

Не торопясь в пассажирский отсек в носовой части катера, Николка с Серегой присели на банку* перед рубкой под красным щитом с пожарными причиндалами. Опять же щурясь на ранневесеннее солнце, по которому так соскучились за полярную зиму.

Катер, чуть сбавив обороты винта, миновал самое узкое место пролива между материковым берегом и Екатерининским островом, называемом пиреймой, то есть шлюпочной переправой с берега на остров, где располагалась на ближней сопке городская метеостанция, а на ее пологом спуске к воде стояли несколько двухэтажных бревенчатых домов. Очень поместительных. Других строений на довольно большом острове не имелось.

...Однако по выходу в Кольский залив стало холодновато; Николка с Серегой, откинув люк, спустились по крутому трапу

* Деревянная скамейка без спинки. – *флотск.* (Прим. авт.).

в пассажирский трюм – отсек с полукружием обитого дерматином большого дивана. На нем они и продремали все полчаса, что катер шел до Североморска.

Вчерашний день, пятница, был по расписанию производственным. Николка с Серегой проходили трудовое обучение по радиотелеграфному делу – «морзисты» на ключе, то есть не выходя за пределы школы – в радиоклассе. А практиковались в школьном же радиоклубе, работая на коллективной радиолобительской коротковолновой станции с позывным *UA1KUZ*. Все это организовал умелый педагог, матерый мичман Алексей Васильевич, совмещая школу с основной службой во флотском радиоцентре Полярного.

Перед началом занятий Алексей Васильевич, в своей мичманской мощи очень напоминавший балтийских боцманов из революционных фильмов, жестом подозвал к учительскому столу Николку и Серегу:

– Вам, двум капитанам, боевое задание. Звонили из Североморска – отпечатали-таки нам полторы тысячи кюэселек*. Почему-то две пачки эти попали в райком комсомола. Так что завтра утренним рейсовым катером из Кислой губы отправляйтесь в Североморск, в райкоме найдете управделами и вот по этой доверенности получите нужное. К обеду вернетесь таким же манером. Всё понятно?

– Так точно, Алексей Васильевич. А если что не поняли, – отпрапортовал Серега, – так сегодня вечером и спросим – у нас с Николаем вахта в радиоклубе с восьми до десяти...

– Не с восьми до десяти, а с двадцати ноль-ноль до двадцати двух ноль-ноль, – привычно поправил мичман и добавил с ухмылкой:

– С восьми до десяти... А еще капитаны!

Вечером на станции, заведя чуть припоздавшего Николку, Серега сообщил:

– На рейсовой посудине пусть всякие штатские теснятся, а мы сам-двое на военном катере с полным трюмным комфортом

* От QSL – на радиолобительском коде означает стилизованную, с позывным радиостанции, карточку радиолобительской специальной почты. Такими карточками обмениваются радиолобители, установившие связь друг с другом (Прим. авт.).

отбудем в Североморск.

И далее кратко пояснил: отец его, узнав о завтрашнем во-
яже в райцентр, что-то припомнил, позвонил в штаб и сообщил
Серге, что завтра в семь ноль-ноль от среднего пирса отходит
катер – забрать из Североморска два десятка курсантов-стар-
шекурсников из *ЛВВУПП* *.

– ...Они там два дня при штабе прокантовались, получая рас-
пределение по эскадрам для походной практики, а двадцать гав-
риков выделили на нашу эскадру.

– Так что, Коль, сэкономим по полтиннику, а завтра точно в
семь ноль-ноль, как говорит наш дорогой Алексей Васильевич,
будь-стань у ворот среднего пирса!

Сквозь чуткую дремоту оба отметили про себя: ага, катер
взял несколько вправо, а минуты через три – порезвее влево.
Значит, обогнул маячный остров Сальный и взял курс на при-
стань Североморска между стоявшими на широком рейде крей-
серами и эсминцами.

Еще через семь-восемь минут ход плавно замедлился: при-
были в нынешнюю (ранее ею был Полярный) столицу Север-
ного флота – в Североморск, которую оба помнили по детским
годам еще как поселок, становище по-местному, еще от новго-
родских времен – Нижняя Ваенга.

У трапа на пристани, козырнув, молодежавый старшина ка-
тера пожелал ребятам успехов в их предприятии:

– Сожалею, что не смогу доставить обратно. Вон курсанты
уже потянулись, а мне велено их доставить в Полярный к по-
ловине девятого. Желаю здравствовать!

Здание райкомов партии и комсомола располагалось непо-
далеку. По раннему времени около него ни души не наблюда-
лось, только на площадке перед входом стояла серая «Волга» с
водителем, читающим книгу, да в полуотворенной створке две-
ри пожилая женщина выметала из-за порога явно вчерашний
мусор от подошв.

– Мы, наверное, первые сегодня? – с наигранной веселостью
приветствовал служительницу Серега.

– Да нет, ребятки, военный, что на машине прибыл, чуток

* Ленинградское высшее военное училище подводного плавания – кузница со-
ветских офицеров-подводников (Прим. авт.).

опередил вас. Чтой-то лицо его знакомое, да не рассмотрела из-за-подсолнца. А партийных и комсомольцев еще нету. По какому делу-то сюда?

Объяснили, показав доверенность.

– А чего вам управдешу-то ждять? Все одно на вынос выдает Васильич, мужик мой и здешний завхоз. Он у себя, вот коридор пройдете, в последней комнате налево к нему и попадете.

Завхоз бегло взглянул на доверенность, сверил ее с записью в потрепанной амбарной книге, велел кому-нибудь расписать-ся, четко указав в скобках фамилию, после чего снял со стеллажа две небольшие пачки в оберточной бумаге, перевязанные шпагатами, пожелал обратного пути, заметив, что после войны и сам служил в Полярном.

Выйдя от завхоза, Серега с Николкой едва не столкнулись с военным, что спускался со второго этажа по боковой лестнице... и тут же остолбенели: это был Гагарин. На сгибе левой руки он держал свернутую шинель с подполковничьими погонами, а в правой – фуражку.

– Здравствуйте, Юрий Алексеевич!

– Здорово, ребята! Уже отоварились, – Гагарин подмигнул, кивнув в направлении пачек. – А я вот в Сафоново к своим сослуживцам приехал, а отсюда позвонили, просили в Североморск заглянуть. Место встречи – райком, а тут еще ни души. Хотя, конечно, люди штатские, поздно просыпаются... Вы откуда?

Узнав, что из Полярного, пожалел, что еще не удалось побывать в этом славном городе. Завидев группу людей со стороны входных дверей, попрощался и вновь направился к лестнице на второй этаж.

...Только пройдя половину пути до пассажирского причала, Николка безматерно выругался и хлопнул себя по лбу:

– Вот идиоты! Ведь кюэсельки на руках для автографа! Надо же так растеряться? Нет, Серега, не быть нам капитанами...

Через час без малого Серега с Николкой выгрузились с рейсового пассажирского катера на пристань Кислой губы, сели в единственный в городе рейсовый автобус и еще через полчаса вручили Алексею Васильевичу пачки с кюэсельками.

– Молодцы, два капитана! На уроки можете не ходить, вас отпросил на весь световой день. Я пошел на педсовет, а вы сяди-

тесь за ключ и работайте вне очереди.

Такая награда – до самого вечера вдвоем хозяйничать на радиостанции! Тем более, ранневесенняя погода гарантировала ровную, без мерцаний, замираний, федингов и прочих несчастий коротковолновика почти по всему Северному полушарию.

Действительно, неся попеременно получасовые вахты, Серега и Николка установили в общей сложности под тридцать связей, в том числе и достаточно экзотических – с радиолюбителями из Австралии, Египта, Малайзии. Естественно, обменялись приветствиями со старым знакомцем Тони Спайком. Известен он был всем коротковолновикам мира тем, что работал в эфире почти круглосуточно. А чем ему еще заниматься, ибо проживал он на своей яхте, дрейфовавшей вдоль берегов Калифорнии, а сойти на эти берега не мог – сразу попадет в долговую тюрьму! Очень активны были и станции из ЮАР и Израиля: прямо-таки умоляли ответить UA1KUZ, но... здесь высокая политика: Центральный радиоклуб в Москве под руководством папанинца Кренкеля категорически запрещал с этими странами связываться...

...Вроде и друзья-приятели, но, работая на станции, все же ревниво посматривали друг на друга. Дело в том, что оба являлись обладателями раритетных связей высшего ранга: у Сереги был сеанс связи с королем Иордании Хусейном, известным радиолюбителем-коротковолновиком, а Николка «поймал» не менее важную в мире персону – сенатора Барри Голдуотера, не сходившего в карикатурах со страниц «Крокодила», а в газетах именуемого не иначе как «бешеный Гарри».

Между Серегой и Николкой постоянно вспыхивал спор: чья связь важнее? Конечно, вроде король солиднее, но на присланной из Иордании кюэсельке непонятная подпись арабской вязью. Король ли автограф ставил? А может, какой визирь третьего ранга...

Зато на Николкиной карточке из США тонким синим фломастером четко читалось: Barry Goldwater – и лихой росчерк в конце фамилии.

А коллективным прозвищем «два капитана» Серега с Николкой были обязаны все тому же Алексею Васильевичу.

До какого-то момента каждого из них по отдельности иногда

именовали капитаном. Николка получил это прозвище в девятом классе вместе с очень престижной в школе должностью начальника радиоузла, совмещенного с кинобудкой, откуда «давали» фильмы на экран в актовом зале.

Вход в радиоузел со стороны коридорной двери включал достаточно крутую лестницу. Директорша Вера Ивановна, навестившая Николку в радиоузле вскоре после его назначения, поднялась по этой лестнице и пошутила: «Ну, Николай, у тебя здесь настоящий корабельный мостик, а ты, значит, есть капитан на мостике!»

Сопровождавшая директора старшая пионервожатая тотчас озвучила прозвище всей школе.

Аналогичным прозвищем Серега был обязан своему дому. Это было первое в городе современное многоэтажное здание, гордо высившееся среди сплошной двухэтажной застройки, да еще и с печным отоплением. Построили его сразу за знаменитым Циркульным домом целевым назначением – для подплава, и заселили семьями сплошь капитанов – от капитанов первого ранга до капитан-лейтенантов по нисходящей...

Мигом дом прозвали капитанским, а ребят оттуда – капитанскими или просто капитанами.

Объединил прозвища Сереги и Николки Алексей Васильевич. Как-то случилось обоим опоздать на четверть часа на ночную вахту в радиоклубе во время больших международных соревнований коротковолновиков, длящихся без перерыва двое суток подряд. Николка с трудом пробивался через занесенный снегом Чертов мост, соединявший Старый и Новый Полярный. – Стройбатовцы только-только начали расчищать занос. А Серега увлекся ремонтом лентопротяжки своей «Кометы» и забыл посмотреть вовремя на часы.

Оба вошли в помещение радиоклуба одновременно. Алексей Васильевич, как опытный педагог знавший прозвища всех своих подопечных, встретил их с часами в руке: «А-а, явились два капитана!..» И далее прочел им краткое, но убедительное наставление о флотской дисциплине.

Коллективное прозвище прилипло, как смола к бетону.

Прошли многие годы. Серега и Николка, уже Сергей Валерьевич и Николай Андреевич, давно потерявшие друг друга

из виду, жившие в разных городах, все же стали номинальными капитанами, ни дня не служа – так жизнь сложилась. Оба в своих институтах прошли военные кафедры: Сергей – военно-морскую, Николай – ракетно-артиллерийскую. После двух летних сборов оба получили третью звездочку, а, защитив кандидатские диссертации, стали и капитанами. Два капитана...

Уже в другом веке и тысячелетии, совсем в другой стране нашли друг друга в интернетовских «Одноклассниках». И, не сговариваясь, встречно послали сообщения, начинавшиеся одинаковыми словами: «А помнишь, как растерялись... два капитана при встрече с Гагариным?».

К 90-летию со дня рождения

О СТЕЧКИНЕ ИГОРЕ ЯКОВЛЕВИЧЕ (15.11.1922 – 28.11.2001)

Есть такой пистолет — «стечкин». Есть «макаров», есть «токарев», а есть и «стечкин». Что в этом пистолете такого особенного?

Это такой большой и мощный пистолет, который стреляет не только одиночными выстрелами, но и очередями, как автомат. И магазин, у него как у автомата, на 20 патронов. Кроме того, у него по сравнению с другими пистолетами довольно большая дальность прицельной стрельбы. Официально считалось, что до 200 метров. Из широко известного оружия я знаю только аналогичную Беретту 93-R. Разница только в том, что отцовский был поставлен на вооружение в 1950 году, а Беретта появилась позднее — где-то в середине 1980-х. Конечно, были еще всякие опытные и малораспространенные образцы, но это уже для специалистов. А так в народе по фамилии известны четыре наших оружейника: Калашников, Макаров, Токарев и Стечкин. Правда, мне, немного досадно, что мало кто знает Шпагина, Федорова, Мосина, Судаева. Ну, может, кто-то еще слышал про Дегтярева или Симонова.

Стечкин Игорь Яковлевич родился 15.11.1922 года в г. Алексине Московской губернии. Его отец — заслуженный врач РСФСР Яков Сергеевич Стечкин, чье имя теперь носит Косогорская бальнеологическая лечебница. В 1935 году семья переехала в поселок Косая Гора под Тулой, где Игорь Яковлевич окончил среднюю школу и в 1941 году поступил в Тульский механический институт. В октябре 1941 года Игорь с семьей

отца эвакуировался в город Базулук Чкаловской области, где работал в депо слесарем. В декабре 1941 года уехал на работу в Ижевск и поступил в Московское высшее техническое училище им. Баумана.

Одновременно работал на мотозаводе в качестве шлифовщика. В 1942 году возвратился на учебу в Тульский механический институт, который окончил в 1948 году, ему было присвоено звание инженера-механика по оружейному производству, и был направлен на работу в ЦКБ-14. В ЦКБ-14 Игорь Яковлевич работал с 1948 по 1971 год инженером-конструктором, старшим инженером-конструктором, ведущим конструктором, а с 1953 года — главным конструктором проекта. В 1971 году он был переведен в ЦКИБ СОО и работал ведущим конструктором.

В 1948 году молодой специалист Игорь Яковлевич получил задание спроектировать 9-мм пистолет, позволяющий вести одиночную и автоматическую стрельбу на дистанции до 200 м, имеющий магазин большой емкости и использующий кобуру в качестве приклада. В 1948–1949 годах проводились работы по проектированию, изготовлению опытных образцов, заводские испытания и доработка. В первой половине 1949 года пистолет проходил полигонные испытания в сравнении с пистолетом

Маузером «Астра» и пистолетом-пулеметом ППС. Пистолет Стечкина был лучше пистолета Маузера «Астра», незначительно уступал пистолету-пулемету ППС и был рекомендован для дальнейшей доработки. Были проведены значительные переработки конструкции пистолета и кобуры, устранены отмеченные при полигонных испытаниях недостатки, изготовлена партия пистолетов для проведения войсковых испытаний в различных климатических условиях.

Испытания прошли успешно, и в 1951 году 9-мм первый автоматический пистолет АПС был принят на вооружение. В дальнейшем много труда было затрачено при освоении его в производстве. В первые 2,5 года Игорь Яковлевич непрерывно находился в командировке на Вятско-Полянском заводе. Пистолет имел ряд специфических особенностей: вес пистолета с кобурой 1,45 кг; темп стрельбы 750 выстрелов в минуту; деревянная кобура, которая использовалась для ношения пистолета и в качестве приклада для повышения устойчивости при ведении автоматического огня; магазин двухрядный на 20 патронов; замедлитель темпа; спусковой механизм для ведения одиночного и автоматического огня; удлиненный ствол; автоматика, основанная на использовании отдачи свободного затвора; наличие самовзводного механизма; надежный предохранитель флажкового типа от случайных выстрелов.

Автоматический пистолет Стечкина оказался наиболее совершенным из всех образцов оружия этого класса. Создание пистолета АПС явилось большим творческим достижением молодого конструктора. Идея совмещения в одном образце пистолета и пистолета-пулемета привела к утяжелению системы, удорожанию в производстве с ограниченным выпуском, в результате чего пистолет АПС в дальнейшем был снят с производства.

В 1954 году Игорь Яковлевич привлекался к работам по созданию пушек ТКБ-501 и ТКБ-499, разрабатываемых по конструктивной схеме пулемета

А-12,7 конструкции М.Н. Афанасьева. В 1955 году Игорем Яковлевичем были созданы два пистолета ТКБ-506 и ТКБ-506А и специальный патрон к ним для бесшумной стрельбы. Вес пистолета ТКБ-506 с патронами 480 г, три ствола, габариты 111×93×20; вес пистолета ТКБ-506А с патронами 460 г, три ствола и габариты 107×75×19.

В 1956 году ЦК КПСС и СМ СССР приняли Решение о развитии работ по созданию управляемого противотанкового вооружения. В 1957 году ЦКБ-14 приступило к выполнению этого Решения. Для выполнения задания было создано тематическое подразделение, возглавляемое Н.Ф. Макаровым и И.Я. Стечкиным. В дальнейшем Игорь Яковлевич принимал участие в разработке комплексов «Овод», 9М-111 и 9М-113 и постановке на серийное производство комплексов 9М-111 и 9М-113. В 1962 году были завершены совместные испытания комплекса «Овод», но на вооружение был принят комплекс «Малютка», имевший некоторые преимущества. В 1970 году был принят на вооружение комплекс 9М-111, а в 1974 году – 9М-113. Игорь Яковлевич внес большой творческий вклад в создание ПТУРС второго поколения.

В 1958 и 1972 годах Игорь Яковлевич проводил проектные работы, и были изготовлены первые опытные образцы 7,62-мм единых пулеметов ТКБ-522 и ТКБ-0120, а в 1971 году были начаты работы по созданию 5,45-мм малогабаритного автомата ТКБ-0116 «Модерн» для вооружения специальных подразделений Советской Армии и КГБ. Принцип работы автоматики ТКБ-0116 был основан на использовании энергии подвижного ствола при коротком ходе, запираение затвора осуществлялось поворотом ствола вокруг продольной оси; вес автомата составлял 2,3 кг. В 1976 году были проведены сравнительные полигонные испытания 5,45-мм автоматов ПП-1 Калашникова, ТКБ-0116 Стечкина и АЕК-958 Кокшарова. Испытания показали, что наиболее полно отвечали требованиям заказчика автоматы ПП-1 и ТКБ-0116. Автомат ПП-1 показал более высокую, чем ТКБ-0116, надежность и живучесть деталей, а автомат ТКБ-0116, в свою очередь, — лучшую, чем ПП-1, кучность боя, и в нем принципиально решен вопрос обеспечения допустимого уровня звука выстрела. Секция НТС Миноборонпрома по

испытаниям приняла решение рекомендовать автомат ПП-1 на доработку и подать для войсковых испытаний; АЕК-958 и ТКБ-0116 доработать и подать на испытания в НИИ-61. Автоматы ТКБ-0116 № 20 и 21 в 1977 году прошли испытания в НИИ-61 и было принято решение, что они по сравнению с ПП-1 Калашникова, который прошел войсковые испытания и рекомендован на вооружение, преимуществ не имеют, дальнейшую их доработку производить нецелесообразно.

В 1978 году были начаты работы по созданию автомата с повышенной эффективностью под 5,45-мм патрон 7Н-6, шифр «Абакан». В ЦКИБ СОО проводились работы с автоматами ТКБ-0111 Коробова, ТКБ-0136 Афанасьева и ТКБ-0146 Стечкина. Кроме того на конкурсной основе автоматы разрабатывались конструкторами Г.Н. Никоновым, В.М. Калашниковым, А.С. Константиновым. Были проведены неоднократные заводские испытания в НИИ-61, на полигоне, в школе «Выстрел» и в войсковой части. По замечаниям этих испытаний непрерывно проводились доработки. В 1987 году на полигоне были проведены сравнительные государственные испытания опытных 5,45-мм автоматов ТКБ-0111 конструктора Г.А. Коробова, ТКБ-0146 конструктора И.Я. Стечкина, АС и АСМ конструктора Г.Н. Никонова. По результатам испытаний автоматы ТКБ-0146, АС и АСМ были рекомендованы для доработки и устранения недостатков, а также рекомендованы на повторные предварительные испытания.

Автомат ТКБ-0146 с автоматикой газоотводного типа был выполнен по лафетной схеме – стреляющий агрегат расположен внутри короба и подпружинен. Запирание канала ствола осуществлялось поворотом затвора вправо. Автоматы имели отъемные коробчатые магазины на 30 и 60 патронов. Конструкция автомата позволяла ведение стрельбы высоким темпом (приблизительно 2000 выстрелов в минуту) или низким темпом (450–550 выстрелов в минуту). Автомат ТКБ-0146 (№ 15, 16) без магазина и принадлежностей весил 3,85 кг. Он показал существенное превосходство по кучности автоматической стрельбы над автоматом АК-74. В 1989 году в НИИ-61 и в/ч 84417 были проведены заключительные сравнительные испытания автомата ТКБ-0146 № 18. Автомат для дальнейшей работы рекомендован не был.

В 1991 году Игорем Яковлевым были начаты работы по созданию пистолета ТКБ-0220 «Грач» взамен 9-мм пистолета ПМ под патрон с большим пробивным действием. В 1993 году были окончены полигонные конкурсные испытания, по которым был выбран патрон для дальнейших работ. Следующие работы с пистолетом ТКБ-0220 были признаны нецелесообразными.

В 1990–1996 годах Игорем Яковлевым с участием конструкторов Б.В. Аврамова и А.В. Бальцера были разработаны револьвер 01Д-01 «Кобальт», пистолеты ОЦ-23 «Дротик», ОЦ-27 «Бердыш», ОЦ-33 «Пернач» для МВД России. Револьвер «Кобальт» изготавлился на заводах в городах Уральске и Златоусте, а пистолеты «Дротик» и «Бердыш» — в ЦКИБ СОО. На базе револьвера «Кобальт» И.Я. Стечкин создал служебный вариант револьвера, выпускаемого в Златоусте.

Игорь Яковлевич Стечкин и Михаил Тимофеевич Калашников — встреча знаменитых конструкторов в Музее оружия

Итогом творческой деятельности Игоря Яковлевича явился револьвер «Ворчун» с бесшумным патроном.

И.Я. Стечкин – высококвалифицированный специалист, талантливый, трудолюбивый и результативный конструктор, который внес ценный вклад в развитие автоматического оружия и имеет 50 авторских свидетельств на изобретения. Свой богатый опыт в конструировании он охотно передавал молодым конструкторам.

За заслуги в создании 9-мм пистолета АПС в 1952 году он удостоен звания лауреата Сталинской премии 2 степени. В дальнейшем его конструкторская деятельность была отмечена награждением в 1962 году медалью «За трудовое отличие», в 1971 году – орденом Трудового Красного Знамени, в 1997 году – орденом Почета, ему присвоено почетное звание «Заслуженный конструктор Российской Федерации».

**Ирина
ПАРХОМЕНКО**

МОЯ РОССИЯ

Последние дни уходящего лета
Я в памяти долго хотел сохранить:
Те дни, озаренные солнечным светом,
Холодно-бодрящим и красным рассветом,
И паутинки летящую нить...

И стай отлетающих сети густые,
Мониста янтарные в ветках берез.
Мой край ненаглядный, Россия, Россия!
Мне в жизни не встретить любимей, красивей,
Тех мест, где родился, учился и рос.

РОДИНОЙ БУДУ ДЫШАТЬ

Нет прекрасней родимых пейзажей,
Хоть всю землю пешком исходи!
Очарован, влюблен так, что даже
Сердца стук замирает в груди.

Тихой речки зеркальная лента,
Березняк по ее берегам...

Буйство красок и магия лета,
Красоты чудодейственный храм.

Хоть сто раз или двести воспеты
Словом, кистью на белых холстах,
Будут снова и снова поэты
Говорить о родимых местах.

Восхищенье свое не скрывая,
Вдохновляясь опять и опять.
Не нужна никакая другая –
Только Родиной буду дышать!

СЕЛО РОДНОЕ

Село родное – милый сердцу край,
Там красота извечная сияет,
Не в городах, а в нем найду я рай,
В нем – ближе к Богу, сердце расцветает,

Люблю там слушать пенье соловья
И любоваться зорькою рассветной,
Раскинулись привольные поля,
И мил мне цветик даже неприметный.

Любимый край... Их много по стране –
В Тамбовщине, Мещере, на Алтае.
Но только ты дороже и родней,
Нет лучшего села, я твердо знаю.

С ГОЛОВОЙ В ЛИСТОПАДОВУ ЖУТЬ

С. Есенину

С головой в листопадову жуть,
Иль в декабрь, где завьюжит глаза...
У иных – укороченный путь,
Но свернуть с него, видно, нельзя.

Бус рябиновых нить разорву,
Чуб соломенный ветром взметен.
Золотую тоску я люблю,
Кленам алым кладу я поклон.

Буйный ветер не снѣги взметет
На лазоревом стылом лугу.
Лебедей белоснежных полет
Поднимает крыла́ми пургу.

Сединой ранней волос белить,
(Шаганэ ты, моя Шаганэ!)
Будет эхо слова разносить...
Жаль, что вы не расслышитесь мне...

ДУШИ ПОЛЕТ

В награду нам ли, в наказание,
Но горько пощутил Господь:
Он душу заключил с крылами
В бескрыло-немощую плоть...

А после, посмотрев на муки,
На маету, на немоту,
Дал музыки святые звуки
И слов волшебных красоту.

И воспарит душа, как птица, –
На краткий миг вернув крыла,
И вот вокруг светлеют лица –
Несчастий истончилась мгла.

И время замирает сонно,
Души полет встречая вновь.
И небо кажется бездонным,
И бесконечною – любовь...

ЗВЕЗДНЫЕ КРУЖЕВА

Тайну, полночь скорей подари,
Подари лунный тающий свет.
Звезд волшебных горят фонари –
Сказка давних забывшихся лет.

Разве также свои кружева
Ночь плела из галактик мотков
И кружилась моя голова
От надежды, пришедшей из снов...

Полно! Было ль? Звезда сорвалась –
Загадала желанье, но – зря.
Видно, душ слишком легкую связь
Так безжалостно режет заря...

Редко в памяти все оживет...
И былое к чему ворошить?
Но бессонница ночь напролет
Тянет звездную долгую нить.

КРУЖЕВО ВЕЧНОСТИ

Узор Вселенной мне не разгадать,
Клубки галактик не дано распутать.
И вновь стою, как витязь на распутье:
Какой мне путь назначен? Как узнать?

Какой Звездой он будет освещен?
Чем освящен: Любовью или Верой?
Чем заплачу? Судьбой своей, наверно,
Порвав струну звучащую времен...

Какой Судьба мне вывяжет узор:
Простой и безыскусный или сложный?
Лишь Ей по силам то, что невозможно.

Для Вечности вся наша мудрость – вздор!
Лишь Ей подвластна тайна мироздания,
Вся наша жизнь – глоток Её дыханья.

ВЕТРОМ В СУДЬБЕ ТВОЕЙ БУДУ

Я ветром стану над лугом:
Встретит меня разнотравье.
Я соберу ароматы,
В память свою уложу.

Я ветром стану над полем:
Мне рожь метелками машет,
Вскипает пеной гречиха,
Овес бубенцами звенит.

Я ветром стану над лесом:
Березки дерну за косы,
Сорву еловые шишки,
Клена ладони пожму.

Я ветром стану над морем:
Поглажу легонько волны,
Я парус надую белый
И прочь прогоню все шторма.

Я ветром стану для птицы:
Приглажу ее оперенье,
Взметну я ее высоко
И крыльев направлю полет.

Ветром в судьбе твоей буду:
Наполню крылья и парус,
Наполню любовью сердце,
Надежду тебе подарю.

Я ЖДУ ТЕБЯ НА БЕРЕГУ

Я жду тебя на берегу.
Струится Млечный Путь.
Тебя забыть я не могу,
Хотя твердишь: «Забудь!».

Далек твой путь на сотни верст,
Вернешься ли назад?
Я жду тебя в сиянье звезд,
Твой вспоминаю взгляд.

Пусть мы на разных берегах,
Я наведу мосты.
Моей Любви неведом страх,
Сильнее нет мечты,

Что возвратишься. Навсегда!
Кольцо сомкнутых рук,
Глаза в глаза: «Ты любишь?» – «Да!» –
Читаю сердца стук.

Сквозь Вечность нежность берегу,
Считаю звезды-дни.
На самом дальнем берегу
Мою Любовь храни.

СЧАСТЬЯ СТРАНИЦА

Спит календарь за стеклом,
душой отдыхаю.
Вновь соловьи за окном,
песне внимаю.

Нет ни печалей, ни бед
В ЭТИ МГНОВЕНЬЯ.

Лето рисует портрет
дней вдохновенья.

Ты говоришь о любви –
в песнях и в прозе.
Счастье ночами горит
лунно и звездно.

Ветер осенний дохнет,
лист закружится.
В памяти лето живет –
счастья страница...

**Борис
РОГАНКОВ**

ПАМЯТЬ

Иногда человек, не будучи громогласно известным, не имея изданных книг и дисков, оставляет о себе добрую память за долгие годы.

«...16 декабря 2001 г. безвременно ушла из жизни Светлана Георгиевна Микушкина... Это была женщина духовно богатая, как и герои той русской классики, которую она преподавала студентам, будучи доцентом кафедры литературы ТГПУ им. Л.Н. Толстого... Замечательный, талантливый человек, красивая женщина, душевная и отзывчивая...» – так начиналась прощальная заметка в «Молодом Коммунаре», которую поместили преподаватели и студенты ТГПУ.

В то же время в «Тульских известиях» напечатали прощальную заметку друга Светланы Микушкиной. А в январе 2002 г. в газете «Тула» представил более подробную статью о жизни и творчестве Светланы Владислав Аникеев. В 2003 г. в своей книге «Звёзды и звёздочки» я поместил воспоминания о своих встречах со Светланой Микушкиной. Затем в том же году в Тульском биографическом словаре появилась статья о ней. Немного позже Центральная городская библиотека провела вечер памяти Чусовой и Микушкиной (преподававших в ТГПУ).

Можно сказать, физическая смерть Светланы Микушкиной не прекратила её духовной жизни. Близкие родственники Светланы Георгиевны и друзья каждый Новый год собирались

на памятную встречу в квартире, где она жила, в её просторном кабинете, уставленном книжными шкафами. Со стороны родственников: мать, отец, брат, племянница Светланы. Со стороны друзей: Надежда Тюленева (под чьим руководством Светлана начинала свою репортёрскую работу в Тульском «МК»); Владислав Аникеев (он, как прирождённый репортёр, не мог пройти мимо уникального человека); Владимир Куликов (в ком общаясь на деловой основе, Светлана обнаружила, работая ещё в «МК», талантливого архитектора, незаурядного человека и с кем в дальнейшем продолжала поддерживать интеллектуальную связь); и я – её давний друг.

Как правило, приглашал нас её отец, Георгий Климентьевич (по профессии – военный врач, по творческому началу – профессиональный драматург). Видимо, ему хотелось увидеть свою ушедшую дочь в отражении её друзей, посмотреть на тех, с кем она охотно общалась, с кем непосредственно вела деловые и доверительные беседы. И действительно, каждый из нас мог вспомнить Светлану с разных сторон. В 2008 году Георгий Климентьевич умер, и организованные встречи за чашкой чая прекратились. Однако добрая память о нашей подруге не иссякла – мы по-прежнему продолжаем памятные встречи, но только неорганизованно, вразнобой. И вот теперь мне кажется, что тогда, в кругу друзей, в непосредственном потоке воспоминаний, я чего-то не досказал.

Однажды Светлана меня спросила, как я отношусь к поэзии Пахомова Виктора Фёдоровича. Я ответил, что совсем недавно мне попалась книжка его стихотворений «Дикое поле», изданная ещё в 1990 году, и я должен отметить широту и смелость суждений автора, его твёрдую и честную позицию (в частности в отношении запустения в деревне), его откровение в застойное, реакционное время и, конечно же, поэтичность его стихотворений. Светлана Георгиевна к тому времени прочла сборник стихотворений Пахомова «Избранное», и наши оценки во многом совпали. После чего она, как член комиссии по присуждению премии им. Л.Н. Толстого, с полным откровением поддержала В.Ф. Пахомова. Но после такого принципиально откровенного выступления выпал из номинации её коллега по педуниверситету (тоже поэт и тоже претендовавший на премию). Но какому

же поэту, тем более если он и неплохой поэт, понравится сравнительная недооценка его таланта?!

С ней резко объясняется расстроенный поэт, её не понимают некоторые сотрудники. И никто из них не хочет уяснить, что не могла она перепрыгнуть через себя, да и не желала отойти от принципа справедливости.

Благодаря прямодушному и отзывчивому характеру Светлане доводилось получать и удовлетворение от добродетельных побед, но вместе с тем испытывать немало волнений, неприятностей и хлопот. Таинственное исчезновение Сонечки Киселёвой – любимицы творческой молодёжи, – её гибель в самый расцвет творческих сил, конец её литературной, издательской и подвижнической деятельности (1996 г.) сильно потрясли впечатлительную натуру Светланы. В самом начале происшествия, когда мы находились в полном неведении, Светлана бросила всё и постоянно донимала следователя и прокурора, опрашивала жильцов... К ней подключились Надежда Тюленева, Николай Завалишин, Олег Сивоокий, Катя Картавцева и некоторые другие представители лучшей тульской интеллигенции. Благодаря такому мощному напору убийство было раскрыто. Но это не вызвало чувства полной победы. Разве только Соня и её брат погибли из-за собственной квартиры?! А сколько сотен тысяч или миллионов мирных граждан было убито по той или иной корыстной причине или вовсе без причин в мирной обстановке мирных городов?! И ведь общество постепенно попривыкло ко всякой вопиющей несправедливости: миллиардеры и полунищие; разрушение памятников культуры и возникновение на их месте супермаркетов и частных замков; массовые пустынные подделки вместо настоящих произведений искусства, «раскручиваемые» СМИ и т.п. Все эти удручающие факты, начиная с распада Державы, сильно волновали Свету, она страдала от того, что её внутренний протест не находит широкого откровенного отклика в нашем обществе, сильно подпорченном тягой к наживе и вопиющим безразличием.

Последнее время Светлана заметно похудела. И когда я осторожно выразил обеспокоенность, она, слегка смутившись, сказала, что некоторые знакомые говорят ей то же, но у неё всё в порядке – перепады полноты и похудания у неё бывали и

раньше. Вот кончит принимать у студентов экзамены и сразу же пойдёт на поправку; к тому же она сейчас усиленно работает над докторской и заодно решила продолжить традицию профессора Милонова и подготовить книгу о писателях Тульского края, а для этого приходится прорабатывать поток книжек и рукописей.

Если учесть, что Светлане надо было ежедневно читать лекции по литературе, готовить материал для очередных «Хомяковских чтений», которые она постоянно проводила в Богучарово, да и на кафедре в последнее время сложилась для её прямодушного характера не вполне благоприятная обстановка, то какие же титанические усилия надо было прилагать, чтобы, преодолевая все невзгоды, продвигать непомерно объёмный творческий груз?!

И она бы непременно завершила свою большую и очень нужную работу, но внезапная смерть унесла замечательного человека, её и наши надежды.

Р.С. Светлана Микушкина воспитывала себя на моральных устоях классической литературы и гуманных отношениях между людьми. И это будет заметно из её статьи, приведенной ниже.

**Светлана
МИКУШКИНА
(1949–2001)**

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР Л. Н. ТОЛСТОГО

Философия пути жизни в рассказе Л.Н. Толстого «Утро помещика»

Философия пути жизни, одухотворяющая творчество Толстого, тесно связана в «Утре помещика» с мотивом дороги. Отметим прежде всего особую роль метафорического образа дороги, ключевого для понимания творческого замысла рассказа. Выбор пути жизни, который сделал Дмитрий Нехлюдов, поселившийся в деревне, чтобы помочь «самому жалкому, бедственному положению мужиков», осознается им как выбор между «торными дорожками», которые «ближе ведут к успеху», и своей, *«совершенно особенной дорогой»*.

В то же время Толстой подчеркивает, что именно молодость и неопытность – существенная причина решительности этого выбора. О преимуществах «торных дорожек», которые «ближе ведут к успеху», не случайно говорит Нехлюдову человек уже поживший и над многим размышлявший – его тетка и лучший друг графиня Белорецкая. Казалось бы, весь ход событий подтверждает ее житейскую правоту.

Метафорический образ дороги получает в рассказе свое дальнейшее развитие в связи с темой разочарований и сомнений, переживаемых героем: «...Неужели вздор были все мои мечты о целях и обязанностях моей жизни? Отчего мне тяжело,

грустно, как будто я недоволен собой; тогда как я воображал, что, *раз найдя эту дорогу*, я постоянно буду испытывать ту полноту нравственно-удовлетворенного чувства, которое испытал в то время, когда мне в первый раз пришли эти мысли?».

«В то время» и «в первый раз» – т. е. год назад. Хронологическое совмещение раздумий Нехлюдова о своей жизни в деревне с завершением ее годового цикла придает мыслям и настроениям героя не мимолетный, а этапный характер, возвращая читателя к заголовку рассказа, заключающему в себе двойной смысл: это и обычное для молодого помещика воскресное утро, когда он, по установленному им самим правилу, навещает беднейшие крестьянские семьи; это и утро исключительное, переломное, в переживаниях которого словно кристаллизуется опыт минувшего и вызывает устремленность в еще неведомое будущее.

Метафорический образ «совершенно особенной дороги» конкретизируется в контексте рассказа в его взаимосвязи с образом реальной дороги в реальном пространстве: это и есть тот круговой путь по горизонтали, который еженедельно проделывает Нехлюдов, покидая воскресным утром свой дом, обходя крестьянские хозяйства и домой же возвращаясь.

Хрототоп дороги, в котором реализуется метафора «жизненный путь», имеет фольклорную основу и сохраняет генетическую связь с устоявшимся комплексом его мотивов: встреча, разлука, столкновение, поиски, обретение и т.д. Своеобразие воплощения этой метафоры в рассказе «Утро помещика» заключается прежде всего в том, что пространственный путь Нехлюдова не требует от него преодоления больших расстояний (помимо самого приезда в свое имение), а также ландшафтных препятствий и опасностей, неизбежных для мифологического героя-путника, и локализован в пределах всего лишь одной русской деревни.

В то же время по напряженности внутренних усилий, которых требует исполнение взятых на себя обязательств, путь толстовского героя обладает таким постоянным и неотъемлемым свойством пути в мифопоэтической модели мира, как его *трудность*.

Повторяемость, регулярность еженедельного кругового пути от одного крестьянского дома к другому придает действи-

ям Нехлюдова неустанный, упорный, самоотверженный характер. «И всё-то вы к сердцу принимаете, *до всего сами доходите*. <...> Ваши годы молодые, так обо всем сокрушаться!», – сочувственно замечает старая няня Маланья Финогеновна.

Способность Нехлюдова к сопереживанию и нравственно-волевому усилию предопределяет развитие хронотопических мотивов поиска и обретения в рассказе «Утро помещика». В отличие от мифологического героя, он не достигает той конкретной цели, к которой стремится: мечта вступает в противоречие с действительностью.

Обращает на себя внимание следующий композиционный прием: Толстой очень подробно описывает идиллические представления Нехлюдова о своей будущей жизни в деревне не в начале, а в конце повествования, т. е. тогда, когда перед читателем уже развернулась детализированная панорама очередного помещичьего утра.

Этот ретроспективный контраст позволяет полнее осознать важнейшее обретение молодого героя: априорный и схематичный, юношески наивный образ будущего, при всей его возвышенности, трогательности и незамутнённости, уступает место самой жизни – куда более сложной, непредсказуемой и неожиданной, но и более многообразной, глубокой и очеловеченной в своей противоречивости.

Таким образом, уже в раннем творчестве Толстого обрела свое художественное воплощение основополагающая для его антропологической концепции мысль о том, что «знание можно найти только «жизнью», т. е. путем нравственно-ориентированной деятельности».

Мотив дороги, требующей усилий для её преодоления, развивается в рассказе «Утро помещика» в органической созвучности *идее движения*, проникающей «в каждую клеточку духовных открытий и исканий писателя», означая для него, в частности, «познание мира другого человека, мира неповторимого, «эгоистического своей отдельной жизнью», а через это познание – прикосновение к родной сущности людей».

В способности Нехлюдова к подобному познанию и прикосновению, преодолевающему границы социальной психологии – живительный источник его внутреннего обновления и

дальнейшего духовного движения. Чем больше он срастается с крестьянским миром, воспринимавшимся им вначале лишь извне, тем больше неповторимых человеческих судеб открывает, тем больше красок и оттенков различает, замечая в поведении людей, в разнообразных житейских ситуациях и драматическое, и комическое, и проникновенно лирическое.

Нехлюдов испытывает чувство первооткрывателя, в котором выразилось творческое начало его личности, своеобразно проявляющееся и в характере развития мотива дороги в последней части рассказа – в его смысловом и художественном единстве с мотивом мечтаний о будущем. Устойчивость этого мотива обусловлена в «Утре помещика» значительностью темы молодости, о чем мы уже говорили выше, и стремлением Толстого с психологической глубиной и достоверностью раскрыть возрастные особенности героя.

Именно молодость и энергия действия, порыв к будущему отличают и барина Нехлюдова, и бойкого, красивого крестьянского парня Илюшку. Выступая главным героем колоритных сцен, рисующихся в воображении Нехлюдова, Илюшка воплощает состояние его собственной души: устремленность в неведомое, еще непережитое; сладостное предвкушение женской любви и счастья, дальних странствий, новых, необычных впечатлений.

Характер этих мечтаний говорит о том, что Нехлюдов – накануне важных перемен в своей жизни, что впереди у него новая дорога. Главный же источник чистой, светлой радости, переживаемой мечтающим Нехлюдовым, видится нам в подсознательном ощущении толстовским героем того, что очень трудный и напряженный год был прожит им не зря, что все это время он шел, не сворачивая, по верному пути, выбор которого был продиктован «высшим чувством», и в этом смысле может быть назван благодатным.

**Валерий
КУЛЕШОВ**

Жизнь отстучит своё,
отзвук останется:
шелест былья на остывшем пороге,
странную строчкой в новом прологе
старая грусть...

Становая – лишь станция
неисточимой железной дороги.

*Кто же скажет, откуда оно –
наваждение это,
внятный голос неясной тревоги моей...
Кто-то скажет о том...
/Из книги «Плоть песни»/*

Нет, не скажет.
С меня
будет взято по полной и спрошено,
потому и спешу,
коль покуда в седле,
доскакать,
доболеть неизбывной тревогой за прошлое,

осложнённой печалью
о завтрашнем дне.
Доболеть,
досказать всё своё – наболевшее,
оправдать своё время,
иным не солгав временам,
и остаться с людьми,
не приняв человека кромешного...
Даст Господь,
вот тогда и страстётся сквозная вина.

В мире, исполненном Словом,
присные имена
откликом, смыслом, основой
были и есть для меня.

Жизнь – чтобы прозвучало
Славою о Творце
Божественное Начало
в каждом земном конце.

*Того, кто идёт в порошу,
ни здесь, ни в грядущем нет...
В.Д. Цыбин*

Туда, где время роится,
иду исполнять завет:
себя потеряв,
раствориться,
вернуться в кипящий свет.

Где видимость, а где виденье
исполненных тобой миров?
Как слабой кистью и пером
согласия былого с тенью

сыскать?.. Отпущена душа:
за ней незримых знаков поиск,
ее влечёт небесный поезд,
надежды тщетные круша.

Разъезд. Господней стражи пост.
Всего мгновенья до развязки...
Высоких чувств играют краски,
строка сияет, дышит холст.

*Мне снится:
взгляд с креста слетел
и душу мне прожжёт...
/Из поэмы «Зов»/*

Сон в руку.
С этим и живу,
и каюсь до сих пор,
переживая наяву
невыставший укор.

Верёвку жизни
не развить:
из жара бросит – в лёд.
И снова – ярый взгляд
ловить,
который совесть шлёт...

*Ловлю в тени слепой избы
хрип бледного коня...
/Из поэмы «Зов»/*

Знать, в дар душевный неустрой,
коль сквозь него пророс
и вызрел здесь ответ простой
на коренной вопрос:

я так хотел своё прожить,
чтоб дал Господь – суметь
всей этой жизнью примирить
рождение и смерть.

*Махнув рукою на себя,
я песнь мою вспугнул...
/Из поэмы «Зов»/*

Всё верно.
Снова жизнь – не жизнь,
а так – худой мешок...
Но коли посох цел – держись,
хватив на посошок.

Глядь, камень своротив с души,
нежданно пропоёшь:
– Рукой напрасно не маши,
вдруг Ангела
вспугнёшь.

Устроена жизнь сурово,
и не отводи глаза,
ведь после тебя – лишь слово,
которое ты сказал.

**Тамара
БЕЛИЦКАЯ**

ПАЛОЧКА КАРАЯНА

Зал был полон. Все с нетерпением ждали появления маэстро. Музыканты уже сидели на своих местах, ослепляя белоснежными манишками. И вот он появился – красивый, стройный, с дирижерской палочкой, когда-то подаренной ему великим Гербертом фон Караяном. Зал взорвался аплодисментами, и все встали. Я тоже встала, хотя это был мой муж Сергей Врядий. Он скромно поклонился и повернулся к оркестру. Мгновенно наступила тишина, и все замерли в ожидании чуда. И вот оно стало возникать, повинаясь воле дирижера, мощно вбрасывая в зал зловещую тему рока симфонии Чайковского. В такие моменты я умела отделять его от себя, от нашего быта, от ссор, от всех мелочей, которые засоряют и унижают нашу жизнь. На сцене он был Богом, творящим красоту и непреходящие ценности.

Первая часть еще звучала, как вдруг Сергей слабо вскрикнул. Музыканты удивленно вскинули на него глаза, продолжая играть. Несколько секунд он еще дирижировал, но движения его рук постепенно замедлялись, тормозя общее звучание. И неожиданно для всех он рухнул, увлекая за собой пульт с партитурой...

Не помня себя от ужаса, я побежала за кулисы. Занавес уже закрыли, и он лежал на сдвинутых стульях, все еще сжимая в руках караяновскую палочку. Подбежав, я мгновенно поняла,

что он мертв: таким чужим и окаменелым было его лицо. Упав на его тело, я громко зарыдала, целуя холодеющие губы. Чьи-то руки меня подняли, чьи-то губы шептали слова утешения, и я провалилась в небытие на целые сутки...

...Прошло несколько месяцев. Я очень горевала по своему мужу, но жизнь текла своим чередом. Я продолжала работать, ходить в театры и на концерты. И однажды я встретила там нашего общего с Сергеем знакомого Игоря Репина, который только что вернулся из длительной гастрольной поездки по городам Европы. Узнав о смерти Сергея, он повел себя как-то странно – не выразил мне ни соболезнования, ни утешения, а как-то таинственно усмехнулся:

– Ну, что ж! За все надо платить!

Я до того растерялась, что не смогла сказать ни слова, заставить его объясниться. Несколько дней я ходила под впечатлением этих странных слов, а потом все-таки решилась позвонить ему:

– Игорь, ты не мог бы встретиться со мной? Я просто схожу с ума от загадочности и неопределенности твоих слов! Что у вас произошло с Сергеем?

– Это не телефонный разговор! Да мне и не очень хочется возвращаться к этой постыдной истории!

– Игорь, я тебя умоляю!

Видимо, сжалившись надо мной, он пригласил меня к себе домой. И вот мы сидим в креслах напротив друг друга, и он начинает свой рассказ...

...Наверное, ты знаешь, что мы с Сергеем были не только друзьями, но и соперниками в борьбе за первенство в учебе. Он был способнее меня, но я брал прилежанием и усердием. И вот однажды наш профессор объявил, что в Германии вскоре состоится Международный конкурс молодых дирижеров, и предложил нам принять в нем участие.

Мы, конечно, согласились, и с этого дня началась упорная, кропотливая работа над программой...

Игорь надолго замолчал, наверное, погружаясь в те далекие воспоминания. Выражение его лица быстро менялось – от восторженного до яростного. Наконец, он вскочил с кресла и начал быстро ходить по комнате, то выкрикивая отдельные слова, то, низводя их до шепота:

– Каждый из нас хотел победить, но честным путем. Но, видимо, Сергей думал иначе!

– Что ты имеешь в виду? – шепотом спросила я, холодея от дурного предчувствия.

И тут он рассказал мне правду о победе Сергея, правду, которая повергла меня в шок и разметала веру в непогрешимость Сергея.

– Накануне решающего выступления мы с ним долго гуляли по улицам Лейпцига, фантазируя, как по ним когда-то прохаживался великий Бах. Потом зашли в мой номер в гостинице, и когда Сергей на минутку остался один... – Ретнев замолчал и какими-то остекленевшими глазами уставился на стену – остался один... – медленно повторил он и вдруг решительно выпалил – то бросил в мой стакан с водой сильное снотворное.

Я вздрогнула и недоверчиво вскинула голову:

– Откуда ты знаешь? Ведь в тот момент тебя не было в комнате.

– Это все было доказано, но позже, и уже не имело никакого значения... Я, конечно, проспал свое утреннее выступление и был снят с конкурса. И первое место досталось Вradiю. Понимаешь? – выкрикнул он. – Досталось ему, но какой ценой?!.. Ценой подлости и предательства!.. – он заметался по комнате, а я сидела, вжавшись в кресло, боясь пошевелиться... – А вечером – снова зазвучал голос Игоря – в торжественной обстановке, в переполненном зале Вradiю вручили диплом Лауреата 1-й премии Международного конкурса молодых дирижеров. И на сцену поднялся очень старый, очень больной, но по-прежнему великий Герберт фон Караян и подарил ему свою палочку с пожеланиями долго и честно служить музыке!

Я была потрясена этой историей, но моя мысль работала четко:

– Это ты... убил его? – спросила я, когда он немного успокоился.

Он покачал головой:

– Нет, я его не убивал, но... – он опять замолчал, видимо раздумывая, рассказывать ли дальше.

– Ну!... – подтолкнула я его.

– Я рассказал эту историю одному человеку, тоже пострадавшему от Сергея, который увел у него невесту, а через не-

сколько месяцев бросил ее, беременную... И она... – было заметно, что ему трудно об этом говорить, – она покончила с собой... – он сурово взглянул на меня. – Но как тот на это про-реагировал, я не знаю! – и снова таинственная усмешка исказила его лицо.

Я ушла от него совершенно разбитая, уничтоженная в своей вере в человека, которого всё ещё любила....

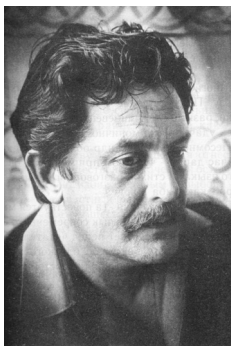
А вскоре следствие установило, что причиной смерти Врандья была дирижерская палочка, несущая на себе смертельную дозу яда. А укол острой булавкой (помните вскрик Сергея?), воткнутой в страницу партитуры, помог быстро завершить это злодейство...

«За все надо платить!» – вспомнила я слова Репина и его таинственную усмешку...

Решительно подойдя к письменному столу, я вынула из ящичка тщательно обернутую в целлофан роковую палочку. Потом посмотрела на портрет Сергея, на котором он был изображен во весь рост с этой палочкой в руках:

– Ты запятнал не только свою, но и ее честь! – громко сказала я. – Долгие годы она служила музыке, добру и красоте, но по чьему-то злему умыслу стала невольной убийцей и потому потеряла право быть наградой победителям. Так пусть же она не достанется никому!

С этими словами я разломил палочку и выбросила в мусорное ведро. Потом сняла со стены портрет Сергея и забросила за шкаф. Все!.. Отныне его не стало не только в моей жизни, но и в моем сердце...

**Александр
ВИШНЕВЕЦКИЙ**

СВЕТЛЫЙ ПУТЬ

Серое и низкое небо с трудом протискивалось в пыльное вагонное окно. А за окном неторопливо тянулся, переваливаясь, подорожный пейзаж: мелкие разъезды с полосатыми шлагбаумами, машины подле них, коровы на привязи почти по обочине дороги и огороды – паханные, со свежими кучами рыжего навоза, и заросшие, с прошлогодним белесым бурьяном.

Деревни, деревеньки... Чуть поболее – с грунтовкой вдоль домов и трубою над закопчёной котельной. Поменьше – без дороги уже, с тропинкой на месте её, извилистой, по буграм. Дома – местами кирпичные, красно-тёмные, а чаще деревянные, без фундаментов, наверное. То угол заваленный, то по самому центру разломанный надвое. Иногда крашенные, с наличниками белыми, но большею частью просто деревянные, посеревшие, потемневшие даже от времени и ветра раздольного.

А уж ветра-то вдоволь, в достатке. Места сплошь равнинные, с буераками мелкими и оврагами. Перелески, посадки... и поля, то вдоль, то поперёк, то кусками угловатыми.

Поезд затормозил, замедлил ход и остановился у небольшого полустанка. Десяток домов, переезд и чёрными буквами, как на плакате, название – «Светлый путь». Вокруг не поля даже – целина нетронутая с кустами редкими и дальним лесом.

И дорога единственная – от дома крайнего к переезду, метров сто может быть, вроде как начинается тут.

Я повернул голову и в окне напротив увидел продолжение дороги – такая же грунтовая и глинистая, она упиралась в недалёкое ухоженное кладбище. Судя по высоким и раскидистым деревьям, здесь лежало не одно поколение местных жителей.

Оградки блестили свежей голубой краской, а через них просвечивались пёстрыми огоньками цветы подле ровных могильных холмиков.

Поезд дёрнул, тронулся с места, и я опять повернул голову на проезжую деревушку. Серо-деревянная, она смотрела на дорогу тёмными закрытыми окнами. Плакат с названием проплыл и остался позади, вагон простучал на стыках переезда, и вдруг яркий красный цвет отчетливо и сочно прорезался в глаза.

На бугорке возле куста шиповника стояла маленькая, лет пяти, девочка в красном пальтишке и весело махала рукой проезжающему поезду. Она что-то кричала, радостно улыбалась, а русые кудряшки метались по ветру, завивались и путались...

«Светлый путь». Грустное название. Куда путь-то, на кладбище или с него? Грустно...

А в глазах красное пальтишко и кудряшки. Что она кричала – «до свидания» или «здравствуйте»? А может быть просто – «ура»?

Дрова от Ворошилова

Улица Московская, дом 60. Старый каменный дом почти в центре Луганска. Дом именно каменный, не кирпичный, – сложен из больших белых камней на обыкновенной глине с соломой. Вокруг все частные дома уже снесли, и этот под снос – вот уже последние тридцать лет. Улицы нет – комплекс туристический полукругом раскинулся, стоянки, загородь, фонари...

А дом старый, в нём ещё бабушка моя родилась аж в 1902 году. Прадед хозяйственный был, зажиточный. И дом клал на совесть, даром что на глине, а век стоит и ещё простоит немало, если не снесут.

Дом из двух половин, каждая сама по себе – дом. Ворота старинчатые, в землю вросли, покосились немного, калитка низом цепляет, а ручка на калитке медная – сверху блестящая, отполированная, а к дереву – зеленая, по краям изъеденная.

Дорожка метра полтора шириною вдоль дома. На окнах ставни деревянные, изнутри и снаружи, а окна сами – цельные

вставные с маленькими форточками. Фрамуги и ставни голубенькие, а дом мелом белёный, что яичко, только понизу, по фундаменту – чёрным крашеный.

За домом дворик, не большой и не маленький. Цветы, говорят, всегда были. Большие оранжевые лилии под абрикосовыми деревьями и кустистая пахучая чайная роза, белая с кремовым. А вдоль забора вишни, и в углу яблонька ранняя – белый налив.

Когда-то весь дом на одного хозяина был. Со временем распродали. Кому половинку, кому и того меньше. Знакомым распродали – квартирантам бывшим, родственникам. После войны особенно – время голодное было. И жили в основном дружно. Тётя Лина только...

Дочку родила, вырастила, и муж... был, конечно, а кто и когда?.. Иногда и срывалась. Припомнит что – лет эдак тридцать назад – и понесла...

А дом непростой – исторический. С советских времен табличка мраморная: «Здесь в 1905–1907 годах скрывался штаб луганской большевистской организации во главе с Климентом Ефремовичем Ворошиловым».

Про него-то и история...

В 1946 году тётя Лина, с холоду ли, с голоду, завелась. Вот мол, сам Ворошилов проживал, прятался то есть, и кормился здесь же, и оружие в тайнике хоронили, а мы теперь мёрзнем никому не нужные...

Марья Кузьминична, прабабка моя, тоже припомнила: собралось человек пять подпольщиков, все с револьверами, обсуждают чего-то, а она по хозяйству – жарит, парит, бутылочку из подвала достала, стаканчики протирает. Революционеры – люди, конечно, серьёзные, но и поесть, и выпить – кто же откажется?

Да, выдал их кто-то, вокруг дома жандармы, а у входа офицер – молодой элегантный, форма с иголочки, уверенный. Бежать уже поздно, отстреливаться – тут всех и положат, что делать? Ворошилов и смекнул: компромат в револьверах только, вот бы их куда...

Куда? Жандармы – учёные, грамотные, это в кино они – бестолочи, а на деле.. Все ходы-выходы знают, все лазейки...

А Мария Кузьминична в молодости ничего была – симпатичная, говорливая, худенькая к тому же. Юбка до пят почти что, свободная.

Климент Ефремович к ней:

– Задирай юбку! Задирай, говорю!..

Револьверы на верёвочку, верёвочку на пояс.

– И не шевелись, стрельнет ещё...

А Кузьминична то побледнеет, то покраснеет.

Дверь пошла открывать, словно пава по лестнице: не идет, а плывет по ступенькам. С офицером по-свойски, по-бабьему то есть:

– Ноги вытирай, ноги... Сапожищи-то напоганили, глина сплошь... Добрые люди галоши носят...

А выдал их точно кто-то. Обыскали сначала – нет ничего, и к тайнику сразу, как в доме своём, не глядя... И в тайнике ничего.

Всё разворошили. Офицер нервничает, а Кузьминична вокруг его вертится, донимает, чего только не плела – извела окончательно. Откозырял, извинился – вот тебе и жандарм...

А как вышли, к стеночке прислонилась, отдышаться не может. Мужики ей под юбку, а ей не до них – воздуху не хватает.

Ворошилов по щекам её и по юбке ниже пояса – покраснелась чтоб, а она только и выговорила: «Слава тебе Господи, не стрельнули...».

– Вот, – подхватила тётя Лина, – письмо написать нужно, лично в руки, помоги, Климент Ефремович...

Но Кузьминична только махнула рукой:

– Не до нас ему, да и письмо не дойдёт, видано ли...

Поговорили – и забыли... С месяц может быть прошло, подъезжает машина, из неё офицер в форме госбезопасности. С улицы всех, словно ветром... Времена ещё те. Так что открывать вышла бабушка моя, Татьяна Тимофеевна. Дед, муж её, в НКВД работал, в сорок третьем на фронте без вести пропал...

– Клишина Лина здесь проживает?

– Здесь, – похолодела бабушка, – в доме напротив... Только на работе она, до шести...

– Ничего, без неё управимся. Выгружай, ребята...

Из кузова полуторки прыгнули несколько солдатиков и быстро и дружно стали выгружать ровненькие колотые берёзовые дрова.

– Привет от наркома Ворошилова, – козырнул офицер...

К вечеру вся улица только и говорила о дровах Ворошилова. Соседи – и ближние, и дальние – заходили во двор, трогали руками поленья и дивились рассказу тёти Лины.

– А как же, помнит, конечно, я же ему не чужая... Глазом моргнуть не успела, вот они, дровишки-то... Продуктов ещё обещаю. Помню, говорит, Клишину...

Соседи ахали и не верили, но дрова-то – вот они, как не поверить.

– Помню говорит, Клишину, – заливалась тётя Лина...

Наконец все разошлись. Тётя Лина подхватила и стала переносить дрова в дом.

Тут уж не выдержала Кузьминична.

– Ты куда это, Лина, дровишки-то? Не тебе чай, одной?

– Как не мне? Я ведь письмо писала? Мне привезли!

– Хрена тебе лысого, – затараторила Кузьминична, – он тебя и на дух не высматривал. У кого под юбкой револьверы прятал? У меня! Напрочь всю исцупал!

– Шо ж в тебе щупать-то, кости что-ли? – съязвила тетя Лина и загребла себе охапку побольше.

– А хотя бы и кости! На твои-то сала не позарился!

Кузьминична дёрнула полено из рук тёти Лины, и охапка рассыпалась.

– Попролам делить!

– Не дам!..

Тётя Лина оттолкнула лёгонькую Кузьминичну и та грохнулась на поленицу.

– Что? – бабушка Татьяна Тимофеевна немедленно выдвинулась на первый план и загородила собою и Кузьминичну, и дрова. – Ты на кого это руку поднимаешь? Забылась? Напомнить, что-ли?

Что там ведала бабушка о тете Лине, никогда я уже не узнаю, но, верно, что-то важное и серьёзное, потому что тётя Лина осеклась и присмирела.

Дрова поделили. Тётя Лина ещё долго косилась на Кузьминичну, а та ходила гордая и с удовольствием рассказывала соседям и знакомым, как сам нарком Ворошилов прятал под юбкой у ней револьверы.

**Олег
ПОНОМАРЕВ**

ВЕТЕРОК

Есть в маминых руках домашнее тепло
И теплый ветерок из детства золотого,
И верный оберег, и опыт дней бывшего...
И мимолетны дни в тревоге и печали,

Когда бы чувства глухо не дичали,
Я б ветер тот берег...
Желанен берег тот домашнего причала,
И схлынут все печали из сердца моего,

И большего не надо, лишь сыном называться,
Лишь в маминых руках желанный ветерок
Из детства золотого спокойствия земного,
И больше ничего, и ничего другого...

20.01.2006

ВОСПОМИНАНИЕ

*Светлой памяти
И.А. Бунина посвящаю*

Суэта столичная. Утро. Воскресенье.
От волны волнения вымокла рубаха.
Домики сутулятся на «траве забвения»...
Я стою на улице Жака Оффенбаха.

Тени домов
 в тайне веков
 живы,
в дальнем окне
 тень на стене
 лжива,
за вздохом вздох,
 за следом след
 к были,
память, как лед,
 так горячо
 стынет.

Дверь. Порог. Прихожая в легенду,
И невесть откуда запах кулича.
Со стены приветливо и слегка надменно
Фотовзгляд Ивана Алексеича.

Легкая дрожь
 сердца и рук
 страстна...
Если бы знать
 сущность и суть
 счастья!

Взгляда простор
 из синевы
 в Лету,
выстрелом мысль —
 память в висок
 метит.

Суэта столичная. Утро. Воскресенье...
Я стою на улице Жака Оффенбаха...

23.01.2006

Два профиля – два взгляда, две судьбы –
Портретик под стеклом в сосновой раме.
Ошибки прошлых лет на память давят:
Ах, если бы назад, ах, если бы...

Игра со временем – не детская забава,
Мы вместе измеряем жизни путь.
Осенний ветер с улицы варшавы
Дает возможность воздуха вдохнуть.

Корчма уютная, домашнее застолье,
Приветлив взгляд, улыбчивые пани.
Все кажется, что где-то жизнь привольней,
Судьба отечества все чаще душу ранит.

Поклон отечеству! Какие наши годы!
Забросим быт. Мгновение – лови!
На всей планете широта свободы
Есть отголосок долготы любви.

31.01.2006

Мне дышится легко...
Пустынный стук шагов
Не бой часов – он глуше, одиноче...
За стенкой мастер слова строчки строчит,
Но все же бой часов восход пророчит...

Пустынный стук шагов...
И пишется легко,
И до рассвета время истекает.
Но утро будет...
В данный миг до утра далеко...

04.01.2006
Переделкино

Под рождество слагаются не строчки,
А мыслей странных суматошных связь
Соединяется в орнамент вязи,
В которой нет бесцветной нити места,
Где весь наряд, как платье у невесты,
Воздушен, чист и непорочен...

Вдруг!
С уснувших крон слетела листьев стайка –
Открытка осени – привет на Рождество,
И заполняется душа свеченьем райским
Или мирским, кто знает... Таинство
Свершается подвластно стуку сердца,
И в полночь скрип, и приоткрыта дверца...
А там, за ней – сияние свечей,
Не сотен – тысяч. Словно Млечный Путь
Спустился мягко в суету мирскую
И осветил толпу, толпу людскую,
И стало легче, стало легче ей...

04.01.2006
Переделкино

По ночам приходят строчки
Тайным шепотом в уста,
И рождается в подстрочье
Красота.

Миг любви и вдохновенья
Не союзник суеты,
В сложном суть прикосновенья
Простоты.
Хрупок мир, который создан
Предрассветною зарей,
Но Святые носят звезды
Над Землей...

05.02.2006

СКАЗКА

Не бывает поздно или рано,
А бывает по судьбе и в срок.
Наши сказки с дураком Иваном –
Горьких дум Отечества урок.

Ни в одной стране на всей планете
Нет легенд про Джека-дурака.
Есть про Кая, Золушку в карете,
Есть про Скорохода в башмаках,

Есть про Дон-Кихота с Санчо-Пансо,
Есть про нильса – вожака гусей,
Но Емеля в состоянии транса
Твердо впереди планеты всей!

Жаль мне тех сказателей бездарных,
Сочинявших сказки на века!
Хоть судьба мучительно горька,
По уму России нету равных,
Нет мудрей Ивана-дурака!

31.01.2006

СКЕРЦО

Смех.
Страх.
Лет прах.

Лед
льнет
к сердцу.

День.
Ночь.
Год – прочь.

Вся
жизнь –
скерцо.

Блик
в лик
свел свет,
стон
в сон
плачет.
Дрожь
в дождь,
с уст ложь

крест
в перст
прячет.

Лист –
вниз,
вой – ввысь,
бой –
стук
в сердце.

День.
Ночь.
Век – прочь.

Вся
жизнь –
скерцо.

31.01.2006

Ты спроси у меня, ты спроси,
В этот вечер морозный и вьюжный:
Почему так надрывно красив
Мир любви и печалей недужных?

Потому что почти наугад
Мы, верша роковые ошибки,
Наступаем судьбе на приклад,
Где курок непростительно хлипкий.

Где за выстрелом – вздоха глоток
Обернется лазурным пейзажем.
Но упрямо спуская курок,
На мишенях мы крестики мажем.

Ты спроси у меня, ты спроси:
Почему от любви до печали
Так стремительно время свистит,
Затяжными минутами жаля?

Потому что судьба – не ружье,
И сама не стреляет в пространство.
Она время твое бережет
С терпеливым подчас постоянством.

Ты спроси у меня, ты спроси:
Сколько лет моим чувствам и болям?
Сотни лет мой корабль летит
По бескрайнему млечному полю.

Не проси у меня, не проси
Обещаний и клятв суматошных.
Если в руки синица летит,
Значит, хлеб на ладони крошим.

Почему ж так красив и высок
Мир любви и печалей недужных?
Потому что судьбы поясок
Никогда не свернется в окружность.

13.02.2006

Городок провинциальный,
Ресторан «Садко».
В этом мире коммунальном
Дышится легко.

Ветер стужей стекла гладит,
Стынут листья-лодочки.
По тарелочкам – салатик
Да графинчик с водочкой.

Прошлых лет седые метки,
Трещина в пороге.
Память – горькая конфетка
На кресте в остроге.

На пути от рая к аду
Столбик верстовой –
Юность, мама молодая,
И отец живой...

13.11.2011

**Валентин
КИРЕЕВ**

НА ТОМ СТОЮ

Пройдя крещение голодом и холодом,
Хлебнув воды в избытке и огня,
Я чувствую, что сердце бьется молодо,
Что старость не касается меня.

Что дурости во мне еще наверчено,
И бес не в ребрах, а во всех местах,
Что милая еще волнует женщина,
Причем не только в мыслях и мечтах.

Еще я не умею долго хмуриться,
Когда мне неудача бьет под дых,
Еще под ношей не спешу сутулиться,
Которой бы хватило на троих.

Пусть годы мчатся птицей-колесницею,
От жизни я пока не устаю.
Расцвечен быт мой дорогими лицами,
И счастлив я – на этом и стою.

БОЖИЙ ДАР

Ну что ж ты, милая, не ехала так долго —
Хозяйничает в рощах листопад,
И в мороси тоскливой и промозглой
Поник наш чудом уцелевший сад.

Уже грачи, прощаясь, открычали,
Висят туманы белой кисеёй,
А мы с тобою до сих пор в начале
Того, что называется судьбой.

Я все никак к разлукам не привыкну,
Мир мрачен в одиночестве моем,
Но я к тебе, как к роднику, приникну,
Когда мы вновь останемся вдвоем.

И буду пить, как жаждущий в пустыне,
Из губ твоих взаимности нектар,
И нас с тобой вовеки не покинет
Любви неповторимой Божий дар.

БОТИНКИ

Мне купили ботинки – не тапочки и не сандалии –
Настоящая кожа, шикарно простроченный шов,
И мальчишки-соседи от зависти просто страдали,
И шагал я по улице, нет, я летел, а не шёл!

В детстве строгом моем было мне,
как и всем, не до шика,
Бахрома на штанах не смущала нисколько меня,
Но теперь вот ботинки сверкали,
все в солнечных бликах,
И казалось, что в жизни не будет счастливее дня.

Я обуви сносил очень много красивой и разной
И, по мерке пошитых, без дыр и заплаток штанов,
Но та пара ботинок останется самой прекрасной
Из полученных мной или купленных позже обнов.

В ДЕРЕВНЮ

Станция районного значения,
Рельсами блестящие пути,
Снова, после года обучения,
Мне в деревню по лесу идти.

До рассвета, как до заговения,
Можно переждать бы до зари,
Но несут в деревню нетерпение
И мои неполных двадцать три.

Колея меж соснами тележная,
В колее наезженной вода,
Я иду походкою поспешною,
Как ходил со станции всегда.

Вот уж и деревня, окна светятся
Из под крытых темной дранкой крыш,
Первым мне, конечно, дед мой встретится –
На селе до зорьки не поспишь!

Будет самовар с дымком, оладушки,
Как у нас бывало с давних пор,
Дедово ворчанье, слезы бабушки
И неспешный долгий разговор.

А потом сойдутся братья с сестрами,
Будут теревить да тормошить,
И девчонка с золотыми косами,
Без которой мне уже не жить...

ЧУДНОЕ ТВОРЕНИЕ

Судьбу не перепишешь набело,
От женщины вовеки не открестишься –
Увидеть стоит – заболит ребро,
И в организм вторжение померещится.

И вспомнятся круженье головы,
И долгая весенняя бессонница,
И яблоко познания, увы,
Еще не раз недобрым словом вспомнится.

Но снова ты тарачишься во мгле
В каком-то непонятном нетерпении,
Стараясь разглядеть, как на метле
Летает это чудное творение.

У НАС В ДЕРЕВНЕ

У нас в деревне даже воздух слаще:
Сложи ладони ковшиком – и пей,
Здесь даже самый мелкий и ледящий –
Талантливей и звонче соловей.

Здесь утро начинается с рассвета,
По солнышку встает – не по часам,
Я вижу это, понимаю это,
Поскольку все прочувствовал и сам...

По всей деревне отбивали косы,
Скотина собиралась у пруда,
И мужики шагали на покосы,
Исполненные важности труда.

Все было и торжественней и проще...
А лишь заката затухал огонь,

Мы собирались, молодые, в роще
И распевали песни под гармонь.

Я и сейчас, когда бывает случай
Мне побывать в моем родном краю,
Беру гармошку, под гармошку лучше
Петь наши песни те, и я пою...

С тех давних пор лет прокатилось много,
Пусть город стал судьбой моей большой,
Друзья мои, вы не судите строго –
Я все же деревенский всей душой.

ДОЖИВЁМ

Вновь между нами завывает вьюга –
Закона равнодушное табу,
А мы с тобой не можем друг без друга
И не умеем изменить судьбу.

Здесь у меня нет даже телефона
И голос твой я слышу лишь во сне,
И с каждым утром убивает зона
Все чистое и светлое во мне.

И я шагаю в кирзачах по кругу,
За годом год – проверка да развод,
А мы с тобой не можем друг без друга
Который год уже, который год.

Пишу письмо, и горечь в каждом слове,
Да жаркой кровью нежность между строк,
Но ты не плачь, ты береги здоровье –
Когда-нибудь окончится мой срок.

Ворвусь к тебе, измученный и шалый,
И сброшу ненавистное тряпье,

И припаду к твоим ногам устало,
Единственное солнышко мое.

Пусть будет выть и бесноваться вьюга,
Пусть снег влетит за мной в дверной проем,
Я выдохну, – я вырвался из круга,
Я верил – мы до встречи доживем.

СЧАСТЬЕ

Какое это счастье – тосковать
По взгляду твоему, походке, речи,
С мечтой одной ложиться и вставать
О новой, может быть, нескорой встрече.

Кто не любил, вовеки не поймет,
Какая это сладостная мука –
Страдает сердце, а душа поет:
Еще чуть-чуть и кончится разлука.

Еще чуть-чуть: неделя, сутки, час...
(Бездушно время катится по кругу)
И, словно вихрем, вдруг бросает нас
В объятия, исстрадавшихся, друг другу.

И что – страданья, что мне бред ночной,
В сравненье с этою неудержимой страстью –
Ведь в этот вечер ты опять со мной,
Моя мечта, любовь моя и счастье!

ЖИВЫЕ СТИХИ

Стихи, они живые, даже дрожь
Охватит вдруг от перевозбужденья,
И ты не просто пишешь, ты живешь
В каком-то непонятном наважденье.

С тобою рядом скрипы, голоса
И времена ненынешние года,
И замирают стрелки на часах,
И за окном меняется погода.

Я и зимой могу бродить в лесу
И слушать одинокую кукушку,
Могу с лукошком выйти на опушку,
И вот – уже в нем ягоды несу

И сладкий ощущаю аромат...
А вдруг шагаю по листве осенней,
Вот выхожу в цветущий майский сад,
А вот в душистом просыпаюсь сене.

И все – стихи! Они звучат везде –
И в голосах спешащих электричек,
И в плещущейся в берегах воде,
И в теньканье резвящихся синичек.

Пусть будет в окна ветерок сквозить,
Морозный или по-апрельски сладкий...
Как счастлив я все это отразить
В моей обычной, в клеточку, тетрадке.

НА РАСПУТЬЕ

Молчать – не в силах, говорить – никак,
Что с нами стало в этой долгой смуте –
Любовь осталась только лишь в стихах,
И та стоит, как рыцарь на распутье,

Куда пойти, где отыскать сердца,
Готовые, не опуская взгляда,
За доброту сражаться до конца
И за любовь погибнуть, если надо.

Не ту «любовь», которой грош цена,
Что покупается и тут же продаётся,
А ту, что внешне часто не видна,
Но что жива, откуда сердце бьется.

А в городах, поселках, хуторах,
Откуда жизнь должна бы брать начало,
В бездушных толпах поселился страх,
Божественная радость измельчала.

Но верю я, что возродится вновь
Способная возвысить, приумножить
Людское счастье вечная любовь
И засиять во всей красе... быть может...

ПОГРУЖАЮСЬ В ГОДЫ...

Погружаюсь в годы, как в болото –
Вот еще один прошел годок,
Тяжелее движется работа,
Опыт, да и тот идет не впрок.

От рожденья время изначально
Двигается, все убыстряя бег,
Вот приметы осени – печально,
Но еще печальней – первый снег.

Замечаю – тронуты морозом
Пряди поредевшие волос,
Вот уже и засыпаю поздно,
Вот – седой щетиною оброс.

Как-то это все не так творится,
Как-то перспективы не ясны...
Может быть, попробовать влюбиться
И дыханье ощутить весны?

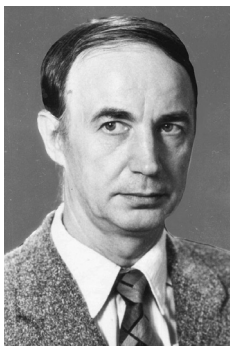
Пусть друзья смеются и судачат –
Бес – в ребро, мол, седина – в виски,
Это, впрочем, ничего не значит,
Если нет спасенья от тоски.

Так и поступил я, и не каюсь,
Жизнь красивой стала наяву:
Я хожу по улицам, влюбляюсь
И не умираю, а живу!

У ОБЕЛИСКА

Поклонились, молча постояли,
Положили скромные цветы,
У обоих на груди медали,
Рукава, по одному, пусты.

Выжили, перетерпели горе –
Каково безруким вековать!
Но приходят к обелиску в поле,
Чтоб вот так, склонившись, помолчать.

**Валерий
САВОСТЬЯНОВ**

ЗАМЕЛО ДЕРЕВНЮ

Замело деревню: избы, риги,
Света нет — лишь светлячок свечи.
Вынимала бабушка ковриги
Круглые, большие из печи.
Протирала тряпочкою влажной,
Ставила на стол их остывать.
И сидел я, внук любимый,
Важный,
Ждущий: ну когда же пировать.
Обрядили бабушку в обновы
Смертные,
Отпел её собор —
И такого вкусного ржаного
Не едал я хлебушка с тех пор...

Замело посёлок —
Лишь церквушки
Светятся высокие кресты.
Пироги румяные и плюшки
Вынимала мама из плиты.
Смазывала маслица кусочком,
Ставила на стол их остывать.

И сидел я дорогим сыночком,
Ждущим: ну когда же пировать.
Обрядили мать.
Душа — как пустынь,
Где спяна куражился вандал.
Пирожков тех с рисом и капустой
Я уже, конечно, не едал...

Замело Заречье и Зарядье:
Город весь — как в праздничной парче.
Вынимает милая олады
Из печи волшебной СВЧ.
И хоть я с утра ещё не евши,
Подожду, пока им остывать,
Посижу я мужем постаревшим,
Вспоминая бабушку и мать.
И жене скажу:
«Небесной манны —
Вкус твоих оладий и блинов!».
Учит жизнь без бабушки, без мамы —
И боюсь я траурных обнов...

РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Служила ты нам самобранкою-скатертью,
За волей и песнею шли мы в поля.
Я пасынком не был — но звал тебя матерью
Скорей по привычке, родная земля.

В то время, когда ещё бегал с рогаткою,
С душой неболящей, наивной, святой,
Не мамой, не бабушкой даже — прабабкою
Была мне и всей пионерии той...

О тёрн, о стерню мои ноги исколоты,
Душа тяжелела и зрела, как плод —

И бабкой, родная, мне стала не скоро ты:
Я помню тот гроб, тот студенческий год.

На детство далёкое, юность туманную
Сквозь слёзы гляжу, постигая судьбу:
Чем нужно платить, чтобы стала ты мамою —
Сокровищем сердца в хрустальном гробу?!..

И с каждой потерей всё ближе, дороже ты.
Никто не оспорит сегодня: ты — мать!..
Когда будут годы последние прожиты,
Родная, скажи, как тебя называть?

КРЕМЛЬ-ОГАТЫРЬ

Пять веков над милою сторонкой
Огненные сполохи зари —
То сошлись померяться силёнкой
Над рекой Упой богатыри.

И один, в насмешке рот ощеря,
Молвил, опираясь на копьё:
«Мальчик, я бессмертнее Кощея,
Ибо Время — имечко моё!..»

Но второй ответил:
«Верю в Чудо:
Не склонится Чудо пред копьём!
Тульский щит я,
Тульская кольчуга,
Тула-мать зовёт меня Кремлём.

Пусть во славу, подвигом добытой,
В главном храме ставится свеча!
Даже по колено в землю вбитый —
И теперь не опущу меча.

Ибо нужно Богу, чтоб не пленной
Над родным нетленным очагом
Хоть одна склонялась во Вселенной
Мать, не осквернённая врагом!..»

ВЕЛИКИЙ МАЙ

Тебе уже за шестьдесят,
И отдохнуть пора бы вроде, —
А ты ещё сажаешь сад,
Ещё копаешь в огороде.
И твой топор ещё плясать
Не устаёт — всё дело ищет,
Узором радуга фасад
Теперь вот нового жилища.
Ведь отчий дом, где вся семья
Не знала голода и жажды,
Делить решили сыновья —
И развалился он однажды.

А внуки — чуть ли не бомжи
По алчной глупости отцовской —
Приходят, просят:
Расскажи
Про время доблести бойцовской,
Про то, как строили одну
Их предки, прадеды и деды
Обетованную страну,
Что стала символом Победы!

Не терпит праздности пчела:
Зовут разбуженные ульи,
Но отложи свои дела —
В глазах вопросы, словно угли.
Гостей веди ты в новый дом
И, привечая их, поведай
О дне обычном, не святом,

Что вслед приходит за Победой.
О дне, где нужно корчевать,
Пахать, лелеять урожай,
А не на лаврах почивать
И требовать, чтоб уважали.

Была Победа!
А теперь
Победы хрупкая надежда
У них, ровесников потерь —
Чернобыля и Беловежья.
И ты сумей,
И ты примерь
К себе их боль, унынье, робость —
Последний, может быть, пример
Величья, канувшего в пропасть.
Ты вместе с ними
Поднимай
Страну, что в гибельном провале,
Великий Дед,
Великий Май —
Солдат, забывший о привале!

ОРДЕН БЛОКАДЫ

*...Части противника вышли на шоссе Москва–Тула.
...Город фактически окружён. Пути подвоза
боеприпасов и продовольствия перерезаны...
3–4–5 декабря 1941 года.
«Тула — город орденоносный».
Тула, 1967, стр. 76–77*

Среди наград геройских
Есть Награда —
Редчайшая!
Для райского Парада!
Её дарует Воля Высших Сфер
Лишь городам — военнопленным ада!

Под номером «один» — у Ленинграда.
Но, город мой, — ты тоже Кавалер!

Не ты ли в окруженье и в осаде
Был в сорок первом?
И, как в Ленинграде,
Стояли насмерть жители твои!
Так истины,
Так внуков наших ради —
Напомни всем о гордой той Награде!
И пой о ней, как наши соловьи!

Пусть критик укорит:
На самом деле
В блокаде был
Не больше ты недели —
И с Ленинградом сравнивать грешно!
Мы сравнивать нисколько не хотели:
Ужасны
Ленинградские потери!
И знать о всех — лишь Господу дано!

Но если так — Он знает и о прочих:
О наших ополченцах,
О рабочих,
Что ныне в Его воинстве святом!
И в списках на Небесные Награды,
Где ленинградцы — с Орденом Блокады, —
И туляки — с тем орденским Крестом!

МОНУМЕНТ

Не в столице, просто в эН-ском
Скромном городе губернском,
Ну, а ныне — областном,
Возле сквера и аптеки,
На пути к библиотеке,

Где гуляю перед сном, —
Он стоит на возвышеньё,
Юных липок в окруженьё,
Вот уже немало лет —
Нашей дружбы монумент.

Я люблю мой город старый,
Он, как мой отец усталый, —
И дары его не раз
В дни борьбы и в дни печали
Всех соседей выручали
И спасали их подчас!
Но теперь соседи сыты —
И дары легко забыты.
Сколько их, спасённых стран! —
А привет лишь от армян.

Где же вы, друзья-братушки?
Благодарность, словно пушки,
Заржавела без войны?
Правда, был, не скрою, братский
Нам поклон чехословацкий —
Но такой уж нет страны.
Лишь армяне не забыли:
Превратили в эпос — были!
И стоит, венец легенд,
Нашей дружбы монумент...

Если было б что в кармане,
Я бы тоже в Ереване
Дружбы памятник воздвиг!
Без него бы Еревана —
Как без Матенадарана,
Без сокровищницы книг —
И представить не могли бы!
И слова с той вечной глыбы
Вдохновляли бы армян:
«Братства Матенадаран!»

МОСТ НАД РАЗДАНОМ

У памяти есть два пути:
Один — идти рекою горной:
В ущельях с яростью упорной
Когтями струй её скрести!

Тогда ничто не ускользнёт.
Но, правда, можно ненароком
Сломать нечаянным порогом
То нежное, что к сердцу льнёт...

А есть другой, достойный птиц:
Из плена скал, из тьмы ущелий —
Во власть заоблачных течений
Подняться, чтоб не знать границ.

Но с высоты: и дом — не дом,
И боль — не боль. И может статься —
Чем дорожить, за что хвататься
В миг скорби — различишь с трудом...

И я — путь струй, что напролом,
И путь паренья, птицам данный, —
Соединю! И над Разданом
Рекою стану и орлом!

Ах, этот мост! Мне повезло:
Он красотой своей пленяет
И берега соединяет
Того, что есть, и что прошло.

Смотри ж — читай судьбы скрижаль:
Сколь осязаемо-подробных
Трагедий и камней подводных
Там, в прошлом, ты не избежал!

Но, благодарный, изумись
И оставайся благодарным,
Что был парящий над Разданом
Тот мост — и ты, смотрящий вниз:

Запоминающий навек
Стремительный полёт орлиный
И яростный, рычащее-львиный,
Тревожный голос горных рек!..

В СТАРОЙ КРЕПОСТИ

В старой крепости, кою в иные века
Среди прочих и русские наши войска
Осаждали не раз, взяв однажды, — так вот, —
Расположен сегодня коньячный завод.

И, возможно, в изысканный вкус коньяка
Добавляют изюминку эти века, —
И ответ — на вопросы о качестве — прост:
Его выдержка двести и более звёзд!..

Когда русское сердце пронзает тоска,
Ах, армянский коньяк, мне хватает глотка,
Чтоб вернуться в тот розовый город и год —
Из долины Раздана смотреть на завод.

Боже мой, как люблю я того паренька,
Что не знает, как русские наши войска
Взяли мощную крепость, персидский оплот,
Где теперь знаменитый коньячный завод!

Был он прост, не начитан, не пил ни глотка,
Но, я знаю, он чувствовал сердцем века! —
И стоял: слушал гида, смотрел на завод —
Обожал этот город и этот народ...

АРАГАЦ*

Я спросил у Арагаца:
«У тебя был старший брат —
Что ж не ждёшь ты в гости братца?
Или встретиться не рад?».

Он ответил, что когда-то
Так и было. И не раз!
И обнять родного брата
Братья шли через Аракс.**

А сегодня — путь не близок,
И нельзя, как раньше, вброд.
А в турецких этих визах
И сам чёрт не разберёт!

И порой объятий брата
Ждут армяне много лет —
И, как он для Арарата,
Шлют лишь с облаком привет...

И качая многоглавой
Сокрушённой сединой,
Закипал он — то ли лавой,
То ль лавиной — надо мной!..

ЖЕЛАНИЕ

Нет, я не Байрон, я другой...
М.Ю. Лермонтов

Нет, я не Пушкин, я иной.
Вся жизнь, похоже, за спиной —

* Арагац — самая высокая гора (с несколькими вершинами) в современной Армении.

** Аракс — пограничная с Турцией река в современной Армении.

И вряд ли что она к судьбе
Ещё прибавит.
Но я хотел бы до конца
Свой путь поэта и отца
Пройти в надежде и борьбе —
Как подобает.

Хотел бы внуков увидеть.
И однотомник свой издать.
А перед смертью — не дрожать:
Хотя б разочек,
Поскольку стайер много лет,
Вновь марафон преодолеть.
И даже славных написать
Немало строчек.

Но чтобы в новых тех строках
Мне не витать бы в облаках —
И чтоб достало чем дышать
Серьёзной думе,
Ещё хотелось бы, друзья,
Увидеть дальние края —
И даже, может, побывать,
Как Он, в Арзруме.

Хочу понять, как там живёт
Один любимый мой народ, —
Поскольку это для меня
Совсем не мелочь, —
И помнит ли: по чьей вине
Арзрум теперь — в чужой стране...
Как жалко, что не Пушкин я
И не Паскевич!..*

* Паскевич Иван Фёдорович — выдающийся русский полководец, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий на Кавказе (1827–1829).

ЗАВЕТНОЕ СЛОВО О МИРЕ

Я хотел бы построить жилище
На Разданском крутом берегу,
Потому что душа моя ищет
Слово то, что найти не могу.

Всё мне кажется: тайной владея,
Мне поможет Раздана струя,
Благосклонная к русской идее:
Лечь, коль надо, «за други своя».

И тогда сочиню я, быть может,
Здесь заветное Слово моё —
И его никогда не стреножат
Ни хула, ни стрела, ни ружьё.

Будет Слово, как правда нагая,
Как Раздана живые ключи, —
И его глубину постигая,
Станут люди — как солнца лучи!

«Все мы братьями были когда-то:
Забывайте резню и погром —
И чужое, что силою взято,
Возвращайте друг другу добром!

Я для вас, благородных и кротких,
Презирающих слово «война»,
Здесь, в горах, наберу самородки,
Самоцветы достану со дна...»

Но о чём ты, наивное Слово?
Слову — миг лишь, а мести — века!
Ереванское небо — сурово,
И на запад плывут облака.

Меч — ржавеет, а Слово — не ржаво:
Будет Завтра ему по плечу!..
А пока что острее кинжала
Я другие слова натачу.

Они, страшные, светятся гордо,
Они, тяжкие, тянут во тьму!
Их любому захватчику в горло
Я сегодня бесстрашно воткну.

И следы я поганные смою,
Чтоб никто не пришёл по следам.
Так учил меня, ранней весною
Валуны разбивая, Раздан!..

За победною кружкою водки
Я молчу, я кручину лечу:
Не хочу я искать самородки,
Самоцветы дарить не хочу...

ОДНОГЛАЗЫЕ ЗВЕРИ

Это было очень давно, когда я был обыкновенным маленьким мальчишкой, а точнее ребёнком. Мне года четыре, и, скорее всего, это было где-то в конце военного 1943 года. Всё, что было со мной со дня рождения и до этого момента, я абсолютно по малости лет не помню. Это первая веха в моей памяти о детстве.

Я живу с мамой и сестрой Женей в небольшом домике на улице Дульной в Зареченском районе Тулы. Сестра на 8 лет старше меня. Наш папа год назад погиб на фронте, в августе 1942 года под Сталинградом. Я его совсем не помню. Мама работала на Оружейном заводе в три смены, и часто мы с сестрой оставались по ночам одни. В одну из таких ночей, в конце поздней осени или начале зимы, лежал я на маленькой печной лежанке. На улице уже давно темно, наступает ночь, в доме горит самодельная коптишка, сделанная мамиными руками из консервной банки и верёвочного фитиля. В банку налито масло «алинафт». Горящий неровным колеблющимся пламенем маленький фитилёк бросает от всех предметов огромные движущиеся тени. Печка холодная, уже остыла.

Печка довольно большая, мама называла её – «русская», но сколько на бросай в неё угля или дров – тепла отдавала очень мало. А с топливом в то военное время было очень туго.

Лежу я на печке, а за стеной что-то гудит, поёт на разные голоса. Это ветер или снежная метель. Ведь на дворе наступит зима. Иногда порывы ветра такие сильные, что становится страшно.

– Кто это так воет за стеной? – спросил я сестру Женю.

– Это воют дикие звери, – ответила она.

– Они что, пришли из леса?

– А откуда же им быть? Сейчас в лесу темно, холодно, страшно. Вот они и прибегают каждую ночь в город.

Сестре я верил на слово. Ведь я был маленький.

Лёжа с закрытыми глазами, я представил такую картину: во-круг дома расположились звери – волки, медведи, лисы, зайчики. И кто там ещё...

– А волки не трогают зайчиков?

– Нет. От нашего дома до леса семь километров, если идти по железной дороге. Звери, пока бегут в город, так устают, что прибежав к нам, сразу заваливаются спать. Спят очень крепко и все вместе, в перемешку. Ведь завтра утром им опять бежать в лес...

– Сестра сочиняет мне чудесную сказку. Ей уже 12 лет и это ей под силу. Но для меня это не сказка, я всему верю, о чём она говорит.

– А если я сейчас встану и выйду на улицу, они меня съедят?

– Да, с таким мальчиком они расправятся очень быстро. От тебя и косточек не останется. Лучше не выходи.

– А как же мама иногда приходит ночью с работы? Почему они её не трогают?

– Наша мама работает на большом Оружейном заводе и ей, когда она идёт домой, выдают ружьё. А звери очень боятся ружья.

– А куда они деваются, когда мама подходит к дому?

– Они отползают в тень, прячутся. Их совсем в тени не видно, только, как маленькие огоньки, искорками светятся их глаза.

– А как же они отползают в тень, если они крепко спят и не могут проснуться?

– Все звери спят с одним открытым глазом. Один глаз спит, другой открыт. Какой спит – выспавшись, просыпается и открывается, другой глаз – закрывается и спит. Так они по очереди сменяют друг друга.

И я представляю себе: вот мама ночью подходит к дому, скидывает наперевес ружьё. На пороге дома лежит волк с открытым одним глазом. Этот глаз будит волка, и волк потихо-

нечку отползает в тень. Мама открывает дверь и входит в дом. А второй глаз у волка продолжает спать. Когда мама закрывает за собой дверь, волк опять заползает на порог и, подложив под голову лапу, засыпает.

И тут я пробую спать с одним открытым глазом. Но в доме темно, так что глаз хоть и открыт, но ничего не видит, и я закрываю оба глаза.

Сон-дрёма накатывается на меня. Сквозь дрёму я слышу, как мама пришла с работы. Но сон окончательно сморил меня, и я крепко засыпаю...

КАК Я В ПЛЕН НЕМЦА ВЗЯЛ

А вот второй эпизод из раннего детства. На дворе ясная, тёплая весна ещё военного 1944 года. Я уже большой. Мне 5 лет.

В то время в Туле было очень много пленных немецких солдат. Немцы были очень довольны тем, что попали в плен. Для них война была закончена, а они остались живы. Они хорошо понимали, что война фашистами проиграна.

Заречье. На улице Максима Горького пленные ремонтировали булыжную дорогу от Белых ворот до трамвайной линии. Они ломami выковыривали булыжник, складывали его горками, ровняли землю и насыпали толстый слой речного песка. Затем наступала самая интересная работа: горы старого булыжника носилками переносились на ремонтируемые участки, и каждый отдельный камень деревянными молотками вбивался в песок. В результате дорога становилась ровной и готовой к эксплуатации.

Бригаду ремонтников охранял красноармеец с винтовкой, в которой не было ни одного патрона. Красноармеец делал вид что охраняет, а на самом деле он знал, что никто из немцев не сделает попытку к побегу, в осуществлении которого не было никакого смысла.

В полдень объявлялся обеденный перерыв, и красноармеец с винтовкой уходил в свою воинскую часть обедать, а немцы разбредались по близлежащим улицам и стучались в окна и двери, прося милостыню.

Заречье в то время было застроено деревянными домами. Каждый дом выглядел по-своему. В основном это были ветхие дома рабочих, но среди них нет-нет да выделялись красивые высокие дома с отделкой резьбой по дереву. Но таких было мало.

Наш домик был одним из тех домов квартала, которые как бы служили границей Тулы на западе города. Название нашей улицы – Дульная. Наш дом считался расположенным «во дворе» и выходил фасадными окнами на небольшое поле, за полем располагались три железнодорожные линии. За ними шли приупские поля, а вдалеке виднелись деревеньки Ленинского района.

Наш дом был зарегистрирован под номером 28-а.

К центру Заречья от нашей улицы шли названия улиц: Курковая, Ствольная, Пороховая, Штыковая и так далее. Пересекали эти улицы с востока на запад от реки Упы улицы: Литейная, Арсенальная, М. Горького и Заставная.

Дульная состояла из трёх кварталов. Наш квартал был первым и находился между Литейной и Арсенальной.

Кроме улицы Горького, мощёной булыжником, все остальные мощёными не были. Весною и осенью, особенно весной во время таяния снега и обильных дождей, не каждая машина могла рискнуть проехать по ним, вероятность застрять была очень высокой.

В описываемое мною время, примерно в начале мая, установилась солнечная, тёплая погода. Крайние огороды освободились от талой и дождевой воды. За глухой северной стеной нашего дома был небольшой огорожок. Покупая на зареченском рынке – «Хопре» картошку мама отбирала клубни с «глазками» и резала их на 2–3 кусочка для посадки.

В полдень этого дня мама была на работе, сестра Женя в школе, а я был один в доме. Вдруг я услышал стук в окно. За окном стоял пленный немец. Недавно мама купила мне игрушечный железный пистолет. Пистолет лежал на подоконнике. Я схватил пистолет и направил его на немца. Немцу было примерно лет тридцать. На голове у него была характерная матерчатая фуражка с широким длинным козырьком, служившая головным убором немецких пехотинцев тех лет.

– Хенде-хох! – крикнул я немцу.

Увидев направленный на него пистолет, немец улыбнулся и поднял руки вверх. При улыбке у немца обнажилась верхняя челюсть, и я увидел, что в ней не хватает нескольких зубов.

Меня охватила какая-то жалость к немцу. И тогда я сделал то, за что через несколько часов получил хорошую порцию ремня от мамы.

Взяв на кухне тарелку, заполнил её полностью приготовленным мамой к посадке картофелем. В столе я нашёл горбушку хлеба, оставленную на ужин с приказанием мне не трогать её. Хлеб мы получали по карточкам. Как сейчас помню, нашей семье, состоявшей из одного взрослого (мамы) и двух детей (я и сестра) – было положено выкупать 1 кг и 50 гр. хлеба, и то, если в этот день на его покупку имелись деньги, а карточки не были утеряны. Если по какой-то причине карточки терялись, и не дай бог, в начале месяца, то семья на целый месяц оставалась без хлеба. Количества хлеба, который мы получали, всегда не хватало. Лишняя чёрствая корочка хлеба в то время проходила за вкусный пряник.

Тарелку с кусками сырого картофеля и положенной сверху горбушкой хлеба я вынес на крыльцо, открыл дверь на улицу и высыпал немцу в подол немецкой военной гимнастёрки, края которой он приподнял двумя руками.

– Гут! – сказал немец, ещё раз улыбнулся, развернулся и зашагал со двора.

Закрыв уличную дверь, я вошёл в дом и уселся у окна. Напротив дома проходила довольно глубокая канава, по которой во время паводков вся лишняя вода Заречья стекала, бурля, мимо нашего дома в речку Упу. На этот раз канава уже высохла, и немец уселся на её край, набрал разного мусора, сложил костёр, поджёг его и чуть позже, в золе, начал запекать мою картошку. Когда она запеклась, он по одной доставал её из золы, чистил и, горяченькую, ел с моим отданным ему хлебушком.

Ел он так аппетитно, что мне тоже захотелось. Но есть в доме уже было нечего.

Вскоре пришла из школы сестра. Я с восторгом рассказал ей о немце, которого я взял в плен.

– Да тебя никак нельзя оставлять одного дома. Что мы скажем маме? Она так теперь расстроится!

К вечеру с работы пришла уставшая и голодная мама.

Узнав о моём «подвиге» (взятие в плен немца), она молча взяла кожаный широкий ремень и в сердцах несколько раз хлестанула меня, приговаривая:

– Два года назад они убили твоего отца, а ты им отдал последнее, что у нас было, – потом она обняла меня, прижала к себе и заплакала.

Иногда при встрече с учениками школ города они меня спрашивают:

– А вы, Владимир Петрович, воевали в ту войну? – и я им рассказываю вот эту историю, как я в пятилетнем возрасте «взял немца в плен».

Александр
ПЕЧНИКОВ

ПАМЯТНИК

Ведь не смогу я написать так, в таких словах и безупречной стилистике, как надо бы и хотелось, однако ж пишу, чтоб сказать хоть как-то, как умею.

Не ручаясь за полную достоверность в деталях, притом и одного, и второго рассказа в равной мере, слишком уж события первого похожи тоже на сон, уверенно все же донесу основную идею, стержень, так сказать, и того, и другого. Будучи далёким от искусства скульптуры, окончательное толкование того, что же я все-таки увидел, оставляю знатокам и специалистам, на себя возложив лишь роль хроникёра-протоколиста.

Мой хороший приятель, Иван Притчина, о котором, хоть он и достаточно известен не только среди художников, скажу чуть позднее несколько слов, как-то вдруг неожиданно, когда я в прошлый раз к нему заглянул в мастерскую, пригласил меня на выставку современной скульптуры. Что пригласил, в том нет ничего удивительного, но чтобы такого профана и болвана сразу – на современную, без подготовки, так сказать, в этом был, на мой взгляд, какой-то элемент шоковой терапии. Впрочем, покоряясь судьбе, я обещал прийти и обозначить свое присутствие.

Притчина, разносторонне одаренный малый, кажется, принимал участие в той экспозиции, но всегда, когда я бывал у него, он оставлял ощущение, будто все его художество является чем-то побочным или вспомогательным, это уже его слово, к чему-

то еще, что неудивительно, если взглянуть на те книжки и всякие вещи, захламляющие рабочую комнату, да и делал он что скульптуру, что живопись как-то не так, вроде бы отвлекаясь, я сам был свидетелем того, всегда на другое и всякий раз получая совершенно здоровские вещи.

Как было обещано, я пришел к открытию, заранее, правда, идя, признаюсь в этом грехе, с уверенностью, что все равно ничего не пойму. После церемонии мы были допущены, так сказать, до осмотра. Между скульптур ходили заинтересованные люди, беседуя и даже споря друг с другом. Не буду никого утомлять подробным отчетом о том, что там видел, всё равно я не смогу дельно описать увиденное, остановлюсь только поверхностно на двух вещах.

Была там одна скульптура, небольшая, висящая на стропях как раз на уровне глаз. Краем уха я услышал, что это инсталляция. Это была причудливой формы и мастерски сделанная половина парящей в воздухе птицы; вторая же ее половина была абсолютно идентичной и зеркальной, потому что первая отражалась в прикрепленном к ней зеркале, отчего идеально симметричная птица была почти со всех сторон, за исключением самого зеркала, закрывавшего тогда всё, видна с нескольких точек, в то время как с прочих — как бы в преувеличенной перспективе. Вторая скульптура чрезвычайно меня поразила, оттеснив назад все остальное, бывшее вокруг. Она была смонтирована на стене, почти в самом углу, видимо, для того, чтобы сразу, одним только своим расположением посеять в душе смятение и диссонанс.

Это был цилиндрический объект, изогнутый в двух местах примерно под прямым углом, на всем своем протяжении покрытый похожими на кружевную паутинку витиеватыми потоками рыжей ржавчины, оправляющей собою островки белой краски, и поверх всего этого, как река, по спирали его охватывала неровная полоса какой-то белой, пузырящейся и крошащейся массы. Конец этого изогнутого цилиндра был оформлен очень оригинально и, так сказать, органично. Он хранил следы надреза, еще блестевшего металлом, ниже которого не было и намек на аккуратный отпил, наоборот, как лепестки диковинного цветка, раскрывшегося во взрывном танце весны, остроугольные образования обрамляли зияющей чернотой провал,

показывающий, что цилиндр пустотелый, с толстыми стенками, выстланными изнутри толстым слоем все той же ноздреватой, хрупкой на первый взгляд, как снежная корка, белой массы.

Этот извивающийся в агонии иссякнувший рог изобилия был настолько глубокомыслен и наполнен таким сильным чувством, что я надолго задержался возле этого произведения. Куратор выставки, заметив, подошел ко мне, завязал разговор, и обескуражил меня тем, что сообщил, что это вовсе никакая не скульптура, просто дирекция зала решила по-другому провести коммуникации, чтобы спрятать трубы, но ремонт, увы, не был завершен к открытию, однако же, тысяча извинений, не стоит обращать внимание на столь прискорбное безобразие. После этого эпизода остаток выставки я кое-как, почти во сне, выстоял, все события пропуская мимо, не обратив, впрочем, тем самым, на себя ничьих взглядов.

Той же ночью мне приснился необычный и удивительный сон, будто я еще не покидал выставки, где оказался вдруг, после всех уже пройденных экспонатов, другой, новый зал, в который меня и пригласили зайти. Стены помещения с бесшумным грохотом, такое бывает во сне, отвалились, и я очутился на открытом пустом пространстве. Не припомню, чтобы там был хоть какой-нибудь экскурсовод, однако кто-то был всё-таки, ведь рассказывали об истории скульптуры, и получилась длинная лекция, где-то в середине которой возник странный диалог, будто лектора прервали вопросом, и завязалась короткая и какая-то особенно страстная, дискуссия хотя, кажется, говорили они об очень отвлеченных вещах и даже вроде бы совсем не по теме, отчего-то были упомянуты алхимики, квантовая механика и трансценденция. И вот тогда я, услышав, запомнил, слово в слово это врезалось мне в память, совершенно не понимаю почему, монолог одного из спорщиков, хотя всё, бывшее еще за мгновение до и уже через мгновение после этих слов, тут же вылетало из головы, сколько я ни старался зафиксировать услышанное, но оно проскальзывало мимо, слипаясь в какую-то вязкую кашу. Я так особо остановился на этом в силу совершеннейшей необъяснимости для меня подобного факта и еще для того, чтобы отметить ту особую логику сна, которой абсолютно был я подчинён. Вот это высказывание, совершенно, мне кажется, оторванное, уверен

что не специально, а скорее, по собственному моему непониманию, ото всего: «Неужели Вы будете возражать против того, что физические законы зримого, а равно и незримого, простора нашей могучей провинции изменились, более – ещё изменяются и будут изменяться; кто же это Вам сказал, будто все те открытые измышленные порядки, обращённые в постулаты, коим требуется подчиняться материи и людям, застыли в непререкаемости, если давно был открыт и математически доказан закон, гласящий, что нет ничего абсолютного и навеки утверждённого, и затем, как бы в шутку над пропитанной логикою физикой, сам себя подвергает сомнению». Пусть какие-нибудь аналитики трактуют и разбирают это как им угодно, а я продолжу, и так слишком задержавшись на мизерном эпизоде.

Потом, наконец, после той лекции, мое внимание обратили на статую, ради которой и позвали. Пояснили – это памятник всей нашей нынешней цивилизации. Он был сделан, вернее, собран вроде инсталляции – из разных предметов и то ли манекена, то ли восковой куклы.

Внизу, в виде массивного постамента или пьедестала, устойчиво возвышается ржавая, слегка дырявая перевернутая бочка из-под нефти, на ней – как бы толстый настил из каких-то книг, на нем – разноногий табурет: одна ножка – из хромированной трубки, другая – наспех приколоченная доска, остальные две – так и не понял из чего сделанные. На табурете стоит мальчуган в штанишках с подтяжками, даже не стоит почти, а с него взлетает, так сильно он тянется ввысь вслед за гвоздем, что держит в левой руке. Стоит он на самом краешке табурета, вытянувшись и подавшись вперед и вверх, и даже чуть согнув ногу в колене, так что стоит он на одном только носке. На шее у него отчего-то я заметил небольшой амулет с неизвестной рунической надписью, но это могло просто мне показаться. В правой руке у мальчугана микроскоп, который он отвел далеко назад, видимо желая со все силы примерить его на роль молотка. А гвоздь же – несколько странной формы, с острием необычным – четырехгранным, как у заточенного топором карандаша, но постепенно сужающимся на манер иглы, оставаясь круглым в сечении. Гвоздь этот он неизвестно куда хочет вбить – и ни в стену, и ни в потолок, а напротив, куда-то по диагонали в небо. Вот в таком

движении этот герой-эквилибрист и был запечатлен. Еще на пальце правой руки у него я заметил непритязательное по виду простенькое кольцо. Только эту лишь деталь насквозь пронизанной символами, как мне это дали почувствовать, скульптуры мне объяснили: мол, означает она не только ускоритель элементарных частиц.

Ну, собственно, и все. На том я проснулся.

Но удивительно во всем этом сне было вот что: не само даже сновидение; сразу после него я пробудился с каким-то небывалым до той поры ощущением, которое длилось мгновение и исчезло, и забылось почти полностью, однако то, что от него осталось, говорило мне, что я ощутил сразу померкнувшее, как зарница, прозрение, будто открылось мне какое-то недоступное, недостижимое знание, вызвавшее удивительное воодушевление о подъеме, в течение дня потом еще отзывавшийся эхом.

Хотя предупреждал заранее о своём бессилии хоть как-то дельно осветить сие, однако ж всерьез надеюсь, что из той моей писанины кто-нибудь что-то поймет, ведь поведал всё, как смог.

ПИСЬМО О ПОЭЗИИ

Поэзия, как особый способ передачи мироощущения, универсальна и, одновременно, всегда индивидуальна, неся как бы в сжатом виде всякий раз больше, чем просто то, что говорят мелодию играющие строфы.

Богатство коннотаций, метафор, аллегорий и аллюзий в лирических стихах и элегиях, создающее в сжатом пространстве стихотворного текста почти в любом случае как бы несколько параллельных миров, либо лапидарная строгость и экстраординарная точность иных тематических – всё это достояние поэта и читателя в равной мере, как со-участников одного благого действия – движения витиеватой (или простой, всё же – неважно); а цельное восприятие и понимание любого стихотворения все-таки скользит по грани между этими созидаемыми одновременно мирами, не принадлежа полностью ни одному из них, и это не всегда разделительная черта между объективным и субъективным, глубоко личным и социаль-

ным, чёрным и белым, тёмным и светлым, но также предположение, будто есть, должно быть, кроме такого манихейского дуализма, что-то третье (четвертое, пятое, как многократное эхо), и ещё, и ещё одно прочтение вроде бы прочтенного и усвоенного текста, надо лишь хоть раз ещё повторить стихотворение (да и любой литературный текст), но под чуть другим углом, и увидеть другой интонации, в ином настроении; ведь хорошую поэзию отличает такое свойство, что её нельзя пере-сказать, то есть «перевести» на язык, поймать в сети прозы без колоссальных потерь, коли уж даже простая попытка замены в строфе тщательно выверенного и после долгих страданий нашедшего единственно верное свое место слова каким-то другим (или всякая подобная процедура) может привести к тому, что рухнет вся гармония и разрушится образный строй (не говорю здесь о прерывании ритма и мелодического звучания, хотя диссонанс, как порою даже более сильное средство, имеет место быть и даже где-то необходим, речь именно о нарушении смысловой организации), и выходит – каждое слово на своём месте – как замковый камень в арочной кладке, более того, мне кажется, что при всяком разборе и анализе поэзии бессмысленным занятием будет «растаскивание» по кусочкам, поиск неких составных частей, элементарных частиц, поскольку сильное и грамотное произведение от таких попыток застраховано тем, что, будучи неделимым и единым пространством, в котором все его измерения и элементы плотно сплавлены многократными взаимными связями в крепкий монолит, оно представляет собою живой организм.

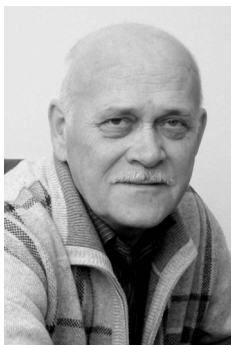
О такой крепости и «неизбежности» того, а не иного порядка слов, всей структуры стихотворения, говорит разница в способах выучивания и воспроизведения поэзии и прозы. Прозаический текст заучить наизусть зачастую сложнее, чем поэтический, поскольку такие вещи, как рифма, ритм, стихотворный размер, помимо создания атмосферы восприятия и впечатления (эмоционального настроя) творят еще и такую систему закономерностей и взаимных отсылок и намеков, ведущих наше внимание на протяжении всего потока строк, спрессованных в строфы, которая при желании позволяет восстановить, как бы заново, как бы в соавторстве с самим текстом сочинить забы-

тую строчку в том её единственно возможном верном виде, как в тексте творца, поскольку этому способствуют такие друг на друга ссылающиеся ориентиры, как ритм, рифма и количество ударных слогов в строке.

Неоднозначность и нестабильность смыслового наполнения поэзии говорит в первую очередь о «еретическом» аспекте творчества, проявляющемся в большей или меньшей степени у всякого поэта, побуждающем постоянно нарушать стереотипы и схемы, пусть самую малость, но всё же, ради создания чего-то нового, и таящем в то же время одну серьёзную опасность – опасность «перегнуть палку», увлечься «еретизмом» настолько, чтобы оказаться посреди хаоса, не подлежащего восстановлению. Но если еретик – тот, кто неортодоксально, по-своему трактует и толкует книгу мира, находящегося перед ним и в внутри него, то это – поэт.

Поэзия рождается не только из умения находить рифму, ритм и согласовывать длины слов, то есть от комбинаторского навыка и опыта работы с языком, ведь она связана с языком неразрывно, хотя эта связь скорее техническая; но, всякое стихотворение, которое в своей цельности и силе воздействия сравнимо с организмом, где всё – на определённом месте и всё – активно взаимосвязано, появляется также из желания и способности видеть, что не то же самое, что смотреть, а значит сопереживать, воплотиться, почти как маг-перевёртыш, в любое явление, то есть стать не простым наблюдателем-хронистом, а со-участником, где-то на уровне духовного резонанса, происходящего и ощущаемого. Такой «прокол сути», глубокое и глубинное, интуитивное, нежели чисто аналитическое проникновение и растворение в объекте, отличает работу поэта от работы ученого, не лишая в то же время её объективности и порою даже аномальной точности, ведь за каждой строчкою поэта – тяжёлый знания груз.

В какой степени всё вышесказанное применимо (да и справедливо ли вообще) к каждому прочтённому после этого монолога стихотворению, пусть читатель решает сам, но я уверен, что в любом случае от соприкосновения с поэзией во всех её формах и проявлениях он получит нечто благое и полезное, и не просто опыт знакомства со стихосложением.

**Олег
КАШИРИН**

В НАЧАЛЕ СЛАВНЫХ ДЕЛ

Краткий очерк

Почти что более чем за сто лет до XVIII века в писцовых книгах второй половины XVI века есть упоминание о посадских кузнецах – предшественниках казённых кузнецов-оружейников. Именно их правительство постепенно привлекало к работе на казну. В 1595 году за рекой Упой была устроена кузнецкая слобода. Работали там самопальные мастера, которые стали ядром, из которого в дальнейшем развилось тульское оружейное сословие.

15 февраля 1712 года последовал именной указ Петра I, объявленный из сената: «...для лучшего в том оружейном деле способу при той оружейной слободе, изыскав удобное место, устроить заводы, на которых можно ружья, фузеи, пистолеты сверлить и оттирать, палаши и ножи точить водою...». Таким образом, 300 лет назад, создавая казённые вододействующие заводы, Пётр I основал русскую государственную оборонную промышленность. Впрочем, об этом чуть позже.

Именно это событие мы отмечаем сейчас, в 2012 году.

В семнадцатом веке совершенствовалось мастерство самопальных мастеров, которым пришлось постоянно отстаивать свои привилегии. С переменным успехом, но всё-таки они их добивались. Во второй половине века окончательно сложилась

организованная корпорация ремесленников-оружейников, обязанных работать на казну и наделённых некоторыми льготами. Оружейники сообразовали особую кузнецкую слободу. Они составили особое сословие с особыми правами и привилегиями.

Начало XVIII века ознаменовано активной деятельностью Петра Великого во внутренней и, особенно, во внешней политике. Это отразилось непосредственно на состоянии ружейного производства в Туле. Постоянно росли казённые заказы. Появилась тенденция создания оружейной мануфактуры.

Здесь выделялся известный Никита Демидов, который ещё в 1696 году построил железоделательные заводы на Упе, а в 1701 году с разрешения Петра I их расширил. Предприимчивый Никита тем самым смог расширить своё производство оружия. Частная мануфактура была создана.

Война с Швецией повысила спрос на оружие. Тула обеспечивала им армию. Поэтому ход боевых действий интересовал туляков. С гордостью и любопытством смотрело население, как летом 1709 г. вели через Тулу шведов, пленённых под Полтавою. В память об этой победе оружейники поднесли Петру I трёхфунтовую (76 мм) пушку, ствол которой был инкрустирован золотом и серебром.

Дальнейшие события заставили государя укреплять казённую мануфактуру, особенно ту, что работала на оборону страны. Он взял инициативу из рук хитроумного Демидова, пытавшегося подмять ружейное производство под себя. Вот тогда-то и появился знаменитый указ Петра I!

В 1712–1713 гг. были возведены заводские строения и установлено оборудование. 10 января 1714 года завод уже начал работу.

Восемнадцатый век был бурным веком в русской истории. Только правителей во главе государства было шесть. Запутанные дворцовые интриги и перевороты, яркие зарубежные военные компании навсегда остались яркими эпизодами в истории России. Они у всех в памяти.

А в судьбах тульских оружейников после Петра I наиболее существенную роль сыграла Екатерина II. Особое внимание наряду с другими «фабричными» людьми её привлекли и тульские оружейники. Хотя их настроения в связи с пугачёв-

ским бунтом так и остались для историков невыясненными. Ясно одно – у власти не было особой уверенности в оружейниках. Тем более, что именно в это время для них наступили трудные времена. Это заставило оружейную канцелярию дать дополнительный заказ на около десяти тысяч единиц оружия, дабы отвлечь от беспокойных событий внутри страны. Были приняты и другие организационные меры для сохранения спокойствия. Екатерина II в известном письме князю Волконскому писала: «Пожалуй держите ухо востро, о тульских обращениях слух есть, будто там между оружейными мастерами не спокойно. Я нынче там заказала 90 тысяч ружей для арсенала; вот им работа года на четыре – шуметь не станут». Эти действия оказались достаточно дальновидными. Каких либо волнений среди оружейников не произошло. Они были заинтересованы в казённой работе. Правительство устранило повод для недовольства.

После посещения Екатериной II 13–14 декабря 1775 г. Тулы были реорганизованы управление заводом и само оружейное сословие. Тем не менее следует отметить, что она была удовлетворена состоянием работ на заводе и обещала оружейникам постоянный государственный заказ. Екатерина II ясно понимала государственное значение оружейного дела.

31 мая 1778 г. была учреждена под её личным руководством особая комиссия «для рассмотрения на месте состояния тульского оружейного завода во всех его потребностях и благоизобретения средств к лучшему его устройению», которая начала свою работу 6 июля 1776 г. Комиссия по наказу императрицы должна была составить проект преобразования завода «на пользу государства, распространение оружейного дела и удовлетворение в оном упражняющихся». Наказ ставил комиссии две задачи: во-первых, улучшить самое производство оружия, во-вторых, наметить меры к тому, чтобы оружейники «по службе, работе и состоянию своему пользовались приличными выгодами и каковому бы ущербу или же тягости... не были подвержены». Он давал основную директиву – реорганизовать старое оружейное сословие таким образом, чтобы приблизить его к «городовым обывателям», к положению цеховых ремесленников, сохранив, однако, бывшие привилегии как компенсацию обязательной работы на казну.

Начало царствования Павла I сулило оружейникам большие перемены. 27 декабря 1796 г. последовал указ о передаче завода и оружейников в ведение Военной коллегии, что с производственной стороны вполне целесообразно восстанавливало старую петровскую традицию. Впрочем, это не ослабило борьбы казённых людей за свои права.

Начало девятнадцатого века. На императорский престол вступает Александр I. В Европе диктатор Наполеон Бонапарт ведёт многочисленные войны, направленные на их подчинение. Россия помогает борьбе против агрессора.

Было ясно, что Наполеон готовит поход против России. В этих условиях возник значительный дополнительный спрос на оружие. В мае 1812 года патриотически настроенные оружейники, сознавая долг перед Родиной, единодушно постановили делать оружие в свободное от основных заводских работ время.

Несмотря на это, правительство запоздало с мерами по снабжению армии. Только после вторжения в июне 1812 г. в Россию Наполеона в июле последовал царский указ о выделке ежемесячно оружейниками семи тысяч ружей и шести тысяч – «вольными фабрикантами» в собственных мастерских. «Соизмеряя отечественным нуждам и усиливая рвение своё, трудились они и день и ночь, и все праздничные и табельные дни, определённые для свободы и отдохновения, употребляли на одно только дело оружия, торжествуя их в трудах, отечеству посвящаемых. Такова есть жертва оружейников!» Так отзывался об оружейниках современник.

Требования на оружие поступали отовсюду. Завод отпускал его для воинских частей, формировавшихся в Туле, Калуге и других городах, для московского и тульского ополчения. Значение Тулы как центра оружейного производства было огромно, и естественно, что с продвижением Наполеона к Москве правительство было сильно озабочено судьбой и завода, и оружейников.

Французские войска методично продолжали двигаться на восток. Стремительно разворачивалась массовая партизанская война. Царское правительство взяло в свои руки народный патриотический порыв.

18 июля 1812 г. был издан указ о создании ополчения в 16 губерниях, в том числе и Тульской. Население собралось до

четырёх миллионов рублей на его формирование. Ополчение заняло побережье Оки для защиты губернии от вторжения наполеоновских войск.

В Бородинской битве принимали участие и туляки. Их воинское старание было отмечено боевыми наградами.

Опасаясь за судьбу оружейного завода Александр I считая, что «Тула с знаменитым и столь для армии необходимым своим заводом в опасности», ещё в августе издал указ об эвакуации оружейников в Ижевск. Это грозило потерей главного центра производства вооружения. Личное вмешательство М.И. Кутузова её предотвратило. Армия была обеспечена оружием.

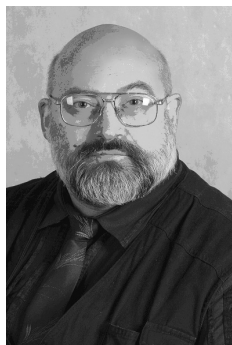
После того, как русские войска оставили Москву, Кутузов отводил Туле значительную роль в подготовке контрнаступления. В губернии было собрано восемь тысяч рекрутов. Он лично следил за поступлением оружия с завода. Всего за 1812–1814 гг. было сделано до 600 тысяч ружей.

В декабре Наполеон был разгромлен, и население Тулы вместе со всей Россией праздновало победу.

Потом были компания войны с Турцией, Крымская война. Двадцатый век начался с позорной войны с Японией; изнурительная первая мировая бойня, Гражданская война... Но это уже темы других рассказов.

Жизнь продолжалась, и всё это время безопасность Отчизны защищало тульское оружие!

Александр
ХАДАРЦЕВ

А я приехал из Ганновера,
Вот только что по трапу слез.
Покинув современные номера –
Уйти хочу в российский лес!

Пусть без котлет и без хмелистости,
И без охоты на опят,
А просто быть в зеленолистости,
Бежать куда глаза глядят!

Хилять за Хилем так не хочется!
Но время вспять – не повернуть!
Туманом мечен в завтра путь,
Но сердце пусть не обесточится!

Реальны – нынешние дни,
Где мы, по счастью, не одни!

Плюя на беспорядков риски,
Неся бесстрашие внутри,
Россия закупает виски,
Штурмует полки «дыюти фри».
Её стихией революций
Не испугать, не удивить!
Её хребет не может гнуться,
Она в хмелю привыкла жить!

ГАННОВЕРСКИЕ ЗАМЕТКИ

Дорога через Мюнхен на Ганновер
Проложена в заоблачных высотах.
Везет нас «бомбардье», а не кроссовер,
Моторами хрипя на низких нотах.

Нырять по воздушности провалов,
Отряхивая тучи с легких крыльев,
Он приземлился грубо и устало,
Как будто бы закрылки не открыли.

Уже потом – к Ганноверу дорога,
Похожая на нашенские тракты.
На вмятинах судьбы трясло немного,
Хоть был шофёр без знаков катаракты.

Уютный город. Сонм велосипедов.
Ухоженные улицы. Бульвары.
Трамвайчики для бабушек и дедов,
Ну и для тех, которые не стары.

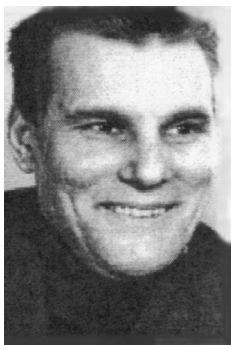
Гостиница на три звезды, но «плаза».
Повсюду магазины, галереи,
Шипят колбаски, их съедаешь сразу,
Затраченные «евро» не жалея.

Подумаешь, два «евро» за колбаску,
Не восемьдесят рубликов за штуку!
Ведь правда, не похожая на сказку,
Горька, но так похожа на науку!

Там хорошо, где мы не побывали!
Где побывали – там не так чудесно!
И все-таки ненашенские дали
Узнать и просто видеть – интересно!

Мужчина пожилой. Одет прилично.
Подходит к мусорному ящику...и, вдруг,
В нём начинает рыться безразлично,
Как будто все повымерли вокруг.
Быть может, он вопрос решает личный,
Спасательный ища по жизни круг?
Возня в отбросах пусть неэстетична,
Пускай похожа чем-то на недуг,
Она – не портит аппетит отличный.

Ганновер, как Москва, богатым друг,
Ему с «бомжом» возиться – непривычно!
И, коли свет для личности потух,
То это, хоть жестоко, но обычно.
При этом – нет полиции, дубинок,
Презрительных от самомнения рож,
Да и зевак обычных – не найдешь.
Европа – это всеобъёмный рынок,
Где все – товар: старьё и молодёжь!
Как и в России, люмпенов полно,
Но инвалидам – всё разрешено.
На транспорте и на большой дороге
На пандусы разменяны пороги.
То, что печатью было скреплено,
Не как у нас – исполнено в итоге!

**Владимир
САПРОНОВ**

ЧТО С ТОБОЙ СЛУЧИЛОСЬ В «АНГЛЕТЕРЕ»?

«До свиданья, друг мой, до свиданья...» —
Эти строки на исходе дней
Написал ты, словно оправданье,
Всем, причастным к гибели твоей.

Сколько версий, домыслов, догадок
Хлынуло из самых разных уст!
Тех, кто на сенсации так падок,
Захлестнуло половодьем чувств...

Ах, Есенин! Сердце верить радо:
Не самоубийца ты! И всё ж,
Вера верой, но нужна и правда,
Ибо полуправда — та же ложь.

Что с тобой случилось в «Англетере»?
Знаю лишь одно наверняка:
Мать-Россия о такой потере
Не забудет и через века.

ПРАЗДНИК СВЕТА

На безоблачном празднике света,
Где сияют для всех небеса,
Мне понравилась женщина эта –
И походка её, и глаза;

И высокие груди, и бёдра
В узком платье чуть выше колен,
И улыбка, как вешнее ведро,
Озарившее сумрачный плен.

Сколько лет ей – гадать не годится,
Молодые ей веют ветра.
Ну а мне уже, как говорится,
О душе бы подумать пора.

Но живое всё тянется к свету,
И предела прекрасному нет.
Лишь взглянул я на женщину эту –
И душа просияла в ответ.

ЛЮБОВЬ ОТ ВЕКА НЕ ОТСТАЛА

Любовь от века не отстала –
Любовь уродливою стала.

Теперь не любят, не влюбляются,
Теперь любовью – занимаются,

Как занимаются торговлей
Иль на мормышку рыбной ловлей.

Купюр шурушанье, блеск монет –
И ничего святого нет.

Как будто плюнул-дунул бес –
И секс бездушный в души влез.

Такого секса без разбора
Содом не ведал и Гоморра.

Его, мол, не было в Союзе,
Вот мы им вас теперь и грузим.

И лезут в души к нам упорно
И звёзды поп, и звёзды порно

Не важно, что они умеют,
А важно то, как их имеют.

Каким же нас накрыло мраком,
Коль блуд зовём гражданским браком?

Разврат, прибегнув к суесловью,
Зовём свободною любовью?

Иль смысл у этих слов один –
«Прелюбодей» и «гражданин»?

Иль равнозначны для народа
Любовь и похоти свобода?

Народ безмолвствует давно,
Неоспоримо лишь одно:

Где торжествует сатана,
Там в бездну падает страна.

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

Весенний волнующий вечер.
Над сонной рекой – соловьи.

Озябшие хрупкие плечи
И жаркие губы твои...

Ах, как нам мечталось!
Любилось!
Как верилось
В лучшие дни!

Прошло,
Пронеслось,
Прокатилось
И скрылось
В далёкой дали...

Упавшее с возу не ищут.
Так что ж я заплакать готов,
Когда вдруг услышу,
Как свищут
Праправнуки
Тех
Соловьёв?

Снова ветер свистит, не смолкая.
Снова я против ветра иду.
Говорят, что есть книга такая,
Где написано всё на роду.

И что книгу ту ветер всевышний,
Как слепой, ворошит наугад:
Раз взмахнёт – ты и дряхлый, и нищий,
Два – ты снова здоров и богат.

И сменяется радость тоскою.
И случаен во всём человек...
Только кто же поверит в такое
В наш разумный космический век?

Я поверил бы той небылице,
Как один из последних невежд, –
Распахни только, ветер, страницы
Золотых моих, прежних надежд!

Знаком и мне солёный привкус пота,
Я этим не кичусь и не ропщу.
Всю жизнь свою я, сколько мог, работал
Да и теперь покоя не ищу.

Ещё мне надоест покой могильный.
И я смиренно Господа прошу:
– Пошли мне напоследок труд посильный
И подожди, пока не завершу.

**Людмила
ФИРСОВА**

СКАЖИ, ЧТО Я ОДНА ТАКАЯ

Приснись октябрьским листопадом
И без жеманности и лжи
Скажи, что очень счастлив рядом...
И душу в теле удержи.

Дыханием сними усталость,
Любовью окрыли меня,
Забьётся в тихом сердце радость,
В желанный сон, как в рай, маня.

Скажи, что я одна такая
И как рябина на ветру...
Пусть Осень я, но молодая,
Скажи, иначе я умру.

ЗВЕЗДОПАДА БЕЛАЯ ПЕСНЯ

Полнолунная ночь. Тишина и покой.
И всё выше блестящие лунные пяльцы.
Попадаю в таинственный плен огневой,
Кружат голову звёздные белые танцы.

Замирая, смотрю в убегающий путь,
В глубину мироздания на тайну, немея.
Даже ветер затих и не может вздохнуть,
Помешать звездопаду сегодня не смея.

Затаилась и птица смешная в кустах
И на дождь удивительный смотрит... кометный.
Воздух хмелем, фиалкой ночью пропах,
Растворяет тепло месяц Спасов приметный...

Ярким кругом воздушные строчки вдали
Невозможной, желанной и светлою вестью.
Выси тянут рассветные сны до Земли,
Вышивают прощальную белую песню.

ВЕРТИТ И ГОНИТ ПО ЖИЗНИ

Триста ночей грусть и триста дней стынь...
Счастье со мною беседует молча,
Яблоки, сливы и ломтики дынь –
Всё на столе. Предлагаю. Не хочет.

Вертит и гонит по жизни... Как пух,
В выси легко поднимает, вдруг в лужу
Бросит, пытая ничтожный мой дух,
Память и мысли, как шторы, утюжит.

Тучей повиснет, дрожит надо мной,
Вместе идём по тропинке знакомой...
Всё повторяется в сказке земной,
Все мы невидимой нитью ведомы.

ГАСИТ ИСКРЫ СОЛНЦЕ

Быстро, словно детство, лето сарафанное.
Гасит искры солнце, в поле хлебный шум,
Собирает звёзды в речку ночь прохладная.
Посвежевший ветер яблоки стряхнул,

Их кладу в корзину. Осы выются вредные,
Свили на заборе круглое гнездо...
В банках мёд пчелиный... с розового клевера,
Шампиньонов белых целое ведро.

Спасы миновали. И пора капустная,
Сто одёжек тёплых на её плечах.
Вспыхнула зарница, Марьюшка искусная
Зажигает в осени золотой очаг.

ВСТРЕЧАЯ ГОСТЬЮ

Тепло воруют ветер и туман,
Погреться в доме хочет Осень,
Стучит в окно тихонько по утрам,
И дождь размеренно день косит.

В духовке поднимается пирог,
Играет яблоком котёнок
И вызывает нежность и восторг...
В кровати спит ребёнок.

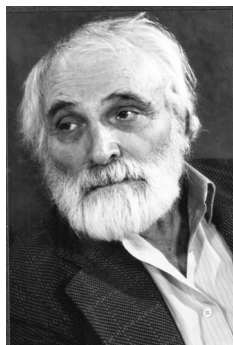
Я в гости жду сегодня не печаль,
Всё – домыслы про непогоду.
Готов пирог, горяч душистый чай
И наливаю в чашку мёду...

Не думаю, что был потерян шанс,
Что кто-то сбил меня с дороги.
Кто написал судьбу мне, тот и спас,
Стелил и пух, и свет под ноги.

Хоть счастье мне давалось нелегко
И через боль, и понемножку,
Но и ценнее малостью оно,
Как свежий воздух, свет в окошко.

Проснулась дочь от стука: «Кто пришёл?»
Воды горсть в стёкла дождик бросил.
Котёнок шустрый бежит за мной,
Встречая гостью... Это – Осень.

Александр
НОВГОРОДСКИЙ

Я ВЕРНУЛСЯ ДОМОЙ

В реках море излук.
Как и в доле иной.
После долгих разлук
Я вернулся домой.

Бесконечный простор
(Грез стопарусный флот),
Что в преддверии гор
Птицы вольный полёт!

Здесь я сам в небесах...
Что на счастье квиток,
Тут родни голоса,
Как весенний поток.

В прошлом нежити рвы.
У беседки – орех,
Где под шелест листвы
Зрели шутки и смех.

Вдаль бывшего манит
Дней погожих паром.

Что ж мне горло теснит
Не ко времени ком!

Мир, покой налицо,
Здесь ли плакать предлог?
Солнце ластит крыльцо,
Спит котенок у ног.

Из чудес чудеса!
Всё как есть по уму.
Что мне застит глаза?
Не пойму, не пойму...

Здравствуй, жизни река,
Здравствуй, батюшка Дон!
Зри же, память-клюка,
Сбылся сказочный сон!

Мне слёзы не унять
От отрады такой.
Время двинулась вспять,
Я вернулся домой.

ВОСТОЧНАЯ СКАЗКА

Явью то было,
А может, во сне,
Дед мой пророком
Пригрезился мне.
Сыростью волглой
Тянуло от гор.
Слово за словом –
Пошел разговор:
«Дело – нам бремя,
А время – напалм.
Сам я – в горе,
Ан душой подустал.

Так объясни мне,
Старейшим – отец,
Где тем туннелям
Чугунным конец?
Не надоело ль
В потемках кружить?
В волю пожил ты,
А стоило ль жить?
Воин бывалый,
Скажи, аксакал:
С кривдой ты знался
Иль правду познал?
Приступом брал
Не один перевал.
С чем примирился?
За что воевал?»

...

И отвечал мне
С улыбкой старик:
«В важных речах
Не срывайся на крик.
Зло и добро
Положи на весы.
Да не закручивай
Шибко усы.
Бойся не своры –
Собака – не волк.
Ввяжешься в драку,
Не плюй в потолок.
Коли рубаху
Случайно прожег,
Помни: страшнее
Пожара – подвох!
Если в горах
Приключился обвал,
Не унывай,
Что в поход опоздал.

И мне осталось добавить
Ещё:
Если живой,
То и всё – хорошо...»
Правде вредит
Светотени игра.
Ночь позади.
Я один у костра.
Тут и ночному
Конец куражу,
В бреднях зари
Пред зеркалом
Сижу.
Мало-по-малу
Затих разговор...
Сыростью волгло
Тянуло от гор.

НА ВОЛНЕ

Не родня Москве Кавказ.
Волга – дружка Тереку?
Тщетно рвётся мой баркас
Ко крутому берегу.

Сколько же у этих скал
Лодок порасколото!
Тот, кто славу тут искал,
Оказался в омутах.

Здесь уже не первый раз
Волны злобой пенятся.
А на гребне мой баркас,
Не на что надеяться...

Буре грозной мгла – кунак.
В шторм умалишённый
Тут на дне уснул казак,
Пулею сраженный.

Крест орлиный в вышине
Утром спозаранку.
Тишина, как на войне.
На волне – кубанка.

Порох важен про запас.
Только помнить стоит,
Что загадочный Кавказ
Дело – непростое.

И рванет. Не ровен час,
Прямиком в два берега
Рассмеется пламя враз
От Оки до Терека.

Зуб за зуб. За око – глаз.
Узел стянут туго.
Злым туманам не до нас.
Поднебесье глухо.

Кто-то верит в статус-кво.
В воздухе сталистом
Плачет чайка над Москвой.
На Кавказе – мгlisto.

ЧУДО

Бродит по полю Ивашка.
В поле – лебеда.
Хоть за пивом, хоть за бражкой –
Парень хоть куда!

Брындахлыст и бедолага.
Сам себе во страх.
Не один такой Иваха
В брошенных полях.

Он с небес не ждёт удачи
(Горе – не беда).
О таких ракиты плачут
Ночью у пруда.

Я ж мечтаю о просторном –
(Небе в голубях).
Что же в зеркале с Иваном
Путаю себя?

Боком нам выходит воля.
Обновим стакан.
Знать, такая наша доля,
Братушка Иван...

От деньков осеннее волглых
В радость ли, во злость.
На земле побыть недолго
Братьям привелось...

И к чему такое снится?
Что не дом – бедлам.
Узнаю родные лица
С горем пополам...

Мчится счастье большаками,
Не воротит к нам.
Машет чудо рукавами,
Зазывает храм.

Я бы с храмом подружился.
Где тот самый храм?
Летось батюшка упился
В назиданье нам.

A black and white portrait of a middle-aged man with short, dark hair, wearing a dark suit jacket, a white shirt, and a dark tie. He is looking directly at the camera with a neutral expression. The background is a plain, light color.

О, море! Твои безумствующие вечно волны
 Так тайны, и величья, и гроз, и жизни полны,
 Как и твои таинственно манящие, яростно грозящие,
 творящие неистово глубины,
 Где и царь-рыба, осетры, и те пловцы искусные,
 среди бед спасатели, – дельфины,
 И другие клады как двигатели творчеств мира всех,
 Как поле ржи в сверкающей росе
 При солнце яростно прекрасном
 И среди глубин своих безжалостно опасном,
 Как блага все в безмерье, с самым же благом
 жестоко и бесконечно споря.
 О, море, безумствующее мудро море!

О, мир, вечный мир,
Создание разума и безумия как творчества
с противотворчеством вражды!
Мудрые, мощные бразды
У разума и безумия вражды,
У эпоса великого вселенского и
у всеохватных, мятежных безмятежно лир,
опасных по воле кривды и бездушья,
зорких в прорицанье и прозренья,
бессмертных властно лир.
О, мир!

ДОМ ЕСТЕСТВ И ПРОТИВОЕСТЕСТВ

Естество есть творчество как двигатель
и сущность бытия,

Будь это мир не-«Я» или мир «Я»;
Как творчество оно есть
жизни и природы высший смысл
и сила их, и ремесло.

Противоестество есть творчеств крах
и личностей, и мира зло.

Естество –

где человек есть деятель и созидатель;

Противоестество –

где он сил созидания и справедливости
убийца, истязатель.

Тем самым и собственного «Я» губитель и
предатель.

Тогда и кресла –

президентские, премьерские – не трон,
не мощь державы, зла трон, –

Таков естеств непререкаемый закон.

В творчестве и личностей, и кресел,
и корон величье.

У власти, что бесстыжа до беззакония,
до преступления, до крови, право птичье;

И личности, и кресла, и короны,
Что в крови по локоть, – вне закона.

Рейхсфюрер, мощь противоестеств –

мощь крокодила;

Зла сила при всем могуществе своем –

бессилье.

Ибо быть у силы зла нет прав –

Таков естеств незыблемый устав.

ДЕРЕВЕНСКИЙ КОЛОКОЛ

На длинном столбе безотказно,
От гибели на волоске,
Избам жестоко приказывая,
Сам с цепью на языке,
Висел он, забыв колокольню,
Где прежде так важно вещал,
Быть может, не так, как тот, вольный,
Что гордо на Вече зывал,
Но его в тридцать пятом любезном,
А может, в кромешном седьмом
Сбросили с гиком, помпезно,
Решив – колокольню на слом.
И вот, водружен и повешен,
Как новь в деревенской судьбе,
Надменно безгрешен и грешен,
Стал он вещать на столбе.

Голосом розгоподобным,
Который от века клянут,
Нутром непреклонно холодным
Звал к главному зычно – на труд.

Пред ним у амбаров оселых,
Понёвы надев, сапоги,
Поджарые бабы умело
Впрягали саврасок в плуги.
И косы косцов проплывали,
Качаясь на тощих плечах.
Телеги снопов громыхали,
Как будто цепи на токах.
И выла, ярясь, молотилка
В соломенной риге в пыли.
Ни шатко ни валко, не пылко,
Но дни не бесплодно текли.
Но осенью, осенью желтой,
А пуще – свирепой зимой,

Закутавшись в шубы потолще,
В тулупы почти с головой,
Тащился сеятель в город
Дорогою узкой в снегах,
Поскольку не тетка ведь – голод,
За хлебом тащился в санях.
А тот, что, как вол, молотил он,
Тот, что растил он в поту,
В закром державы свозил он,
Глотая и там маяту.

Один огородишко кущий,
Пособник презренных начал,
Изгнанник крутых революций,
Кряхтя кое-как выручал.
Андрей, наш сосед, ядовито
Цедил, горбя мощную статью:
«Мы что, мы в чести, не забыты,
По избам кругом благодать
Сидит, на цепи только вроде,
Как вольные души у нас.
Ведь мы – вроде тормоз в народе,
А мощь, мощь – рабочий класс.

Котище мой, Трифон рыжий,
На днях, бестолковый, исчез.
Не хочет трудиться бесстыжий,
Махнул от налогов в лес.
Там волюшки, волюшки вволю,
В темном дремучем лесу,
А тут он отведал до колик
Ежовской свободы красу.
Но только по сути, на деле,
Другой – воротила Нишкни:
Кавказец в суконной шинели
Из всех вырезает ремни.
Всех держит в ручище железной,
Исчадь двулкое тьмы,

Хитро так держит, любезно,
Как будто бы глупые мы.
А мы во всю глотку славим
Его, как Иисуса Христа.
Наверно, на пользу державе
Дух рабства и ханжества.

Но только не верю, не верю я что-то:
Ему ль мира ось повернуть?
Зодчие переворота
Такой ли задумали путь?»

И, стиснув стакан пятернёю,
Мрачнея, Андрей замолкал.
Вздыхала река под горою,
Закат за горой догорал.

РОДНИК

Звнящий ключ под старою сосною
И без морщинки чистой Рессы гладь, –
Всё скрылось вдруг за далью путевой,
Чтобы красивей и роднее стать.

Разлуке вопреки, стихиею вскормленный,
Живет тот ключ, сверкая и творя,
Не требуя ни платы, ни поклона,
Как совесть строгая, как рощи и моря.

Не все, что в жизни, – истой жизни лоно:
Высокое творящее есть жизнь.
Мир движется по этому закону,
Круша пасть зла, срывая козни лжи.

Так и родник: в его живых глубинах
Смертям и злу вовек, как лжи, не быть.

Поит он нивы в чистых водах синих,
Умеет зной и выюгу победить.

Сквозь скалы, горы, сквозь распады,
И жаждою, и торжеством дыша,
Пробьется, сокрушая все преграды,
Его могучая, свободная душа.

Он – как прозрение в трудах ученого,
и зодчего, и в лире,

Опора их, их сила и исток;
Он – как движение в мирах, в глубинах их и шири;
Он – сущности бессмертия залог.
Он – двигатель всех душ и всех веков!
Не в этом ли величье родников?

**Екатерина
КАЮРОВА**

В ЭТОМ ГОРОДЕ...

В этом городе тоски
С твоим именем,
Отпустила я с руки
Птицу синюю,
Словно в детстве, потеряв
Пряник лакомый...
И с другим у алтаря
Сердце плакало.

Мост через двенадцать лет
(вот уж знаково!) –
И опять в реке рассвет
Алый, маковый...
Поросла тропинка встреч
Вся осокою,
Ты не смог любовь сберечь,
Лети, сокол мой,

Птицей вольною, речной,
В высь высокою...
Я ж синицею ручной
В клетке цокаю....

Где сгорели два столба –
Мост не выстроить,
Между нами, как судьба,
Речка быстрая...

...
Улетела в свой далёк
Птица синяя,
А со мною голубок
С твоим именем...

НОЧНОЕ КУПАНИЕ

В небо выплыла луна
Незаметно,
В реку глянулась до дна
Её светлость...
Пробежалась по волнам
По зеркальным,
И на берег вышла к нам
Светлой тайной...

Шли крутым мы бережком
В предрассвети,
Взявшись за руки «кружком»,
Словно дети,
По песчаной бахrome –
Ноги босы,
Всю одежду на траве
Напрочь сбросив.

Опьянил нас донник-цвет...
Мы послушно
Окунулись в лунный свет
До макушек...
По течению с тобой
Не поплыли,
А поплыли поперёк
Нашей были,

Против волн и вопреки
Нашим судьбам,
К тому берегу реки,
Где не судят...
Укрывал туман в ночи
Нас до пяток,
Мы любили и почти
Были святы...

САРАФАНЧИК СИТЦЕВЫЙ

Лугом бегу нескошенным,
Белый букет собрав,
Падаю, будто в прошлое,
В радость цветущих трав!

Пахнет душистой кашкою,
И синеве веков
Машет июнь ромашкою,
Крыльями мотыльков.

Руки в цветах раскинула –
Вот бы сейчас взлететь!..
Взмыть над седой лозиною,
Песню соловушкой спеть

И, пролетев над макушкой,
В речке проплыть волной,
По-хо-хо-тать лягушкой,
Принцовой стать женой...

Взять и опять влюбиться бы
В твой кучерявый чуб,
Влезть в сарафанчик ситцевый,
Что был тебе так люб,

Пить с твоих губ, хороший мой,
Зелья хмельного мёд,
Но сарафан изношенный
Крылышки к сердцу жмёт...

А ТАК БЫ ХОТЕЛОСЬ, ЧТОБ – БРЕД...

Мне кажется, я здесь уже была,
Узорчатые отпирала двери.
Жар-птицей осень над рекой плыла
И осыпала золотые перья...

Горел костёр у замка. И впотьмах
Плясали огоньков весёлых бесы,
Играл тенями вечер, словно маг,
И путал маски принца и повесы...

Повелевал под маской короля
Глухой холоп. Он раздавал личины
И, ересь несусветную меля,
Бесправья обосновывал причины...

Смеялись тихо женщины, вином
Воспламеняя крашенные губы...
Все говорили жестами
И сном окутывал туман реальность дуба.

И лишь одна далёкая звезда
Смотрела сквозь туман на дно колодца,
И мысль текла, как свежая вода,
Что эту тьму растопит лучик солнца

И будет всё, как прежде... Утра свет
Порвёт оковы замкнутого круга,
Король взойдёт на трон,
И правды звон
Услышит оглушенная округа!

ИДУ ТУДА, ГДЕ ОЗЕРО СИРЕНЕЙ

Иду туда, где озеро сиреней
И в родниках целебная вода,
Здесь, на холме, цвела моя деревня,
А ныне – лишь полынь да лебеда.

Вот камень белый, старый мой знакомый,
Мы столько тайн переживали с ним,
Лизнул ладонь шершавым языком и
Будто прошептал мне: посидим...

Ты слышишь, тишина звенит, а жалко,
Не брызжет о подойник молоко,
Никто лугов цветные полушалки
Не поднимает к небу высоко.

Деревня-баба! Всё была в работе:
Во поле летом, а зимой – ткала,
Пряла, собирала клюкву на болоте –
И под плетнём горбатым померла...

На старой карте только в виде точек
Кормилиц деревушек имена,
Их сколько на Руси – не скажешь точно...

*Памяти А.М. Земцова – поэта,
члена Союза писателей России*

Шёл романтик по Земле не спешна,
Поднимал себя до вечных идей,
Где в тиши поёт душа камыша,
Отражаясь в озёрной воде...
Он судьбой обижен не был ничуть,
Хоть грешил порой (в том каялся сам),

Устилал он добродетелью путь,
И с восторгом он бродил по лесам.

Всё коренья и траву собирал,
Духом леса ароматился стих.
Волгоградец, полюбил тульский край,
Прославлял природу в виршах своих.

Надо жить – считал, – как нюхать цветы,
Верить в песни синих вод и берёз...
С поэтической своей высоты
Не спускался, словно вахту там нёс...

Не коварен был, не зол и лобаст,
Добр, улыбчив, с виду лишь «лыком шит»...
Но бывало, что руки не подаст
Да и подлость ни за что не простит....

Он в оракулы не лез никогда
Ни к хорошим, ни к плохим.
Он – Поэт !
Невзначай его погасла звезда,
Но в стихах горит негаснувший свет!

23.08.2010

**Екатерина
САГАЛАЕВА**

КАК МАМА

Мама умерла, когда мне было семнадцать. Накануне мы планировали купить сапоги...

Прошло пять лет. Я защищаю диплом в университете. Сдала. Меня зовут в аудиторию. Звали долго – я плакала в туалете. У меня был всего один вопрос: как я об этом скажу маме?

Десять лет с тех пор, как... Мне снится сон: глубокое, ночное небо, и я знаю, что где-то там – моя мама. Просыпаюсь от своих слов: я не хочу жить, я хочу к маме.

Опять слезы. Смотрю на сына: а как же он? А вдруг ему будет тяжелее, чем мне?

Мама была сильной. Еще девчонкой она упала с горы, на коньках. Дальше – ночь, которую могла не пережить, врачи Москвы, врачи Германии и... умирание... постепенное...

Мама стала блистательным преподавателем игры на фортепиано, вышла замуж за прекрасного человека, родила двоих детей. В периоды прогрессирования последствий падения она брала в руку палочку и каждый раз училась ходить заново. Врачи не верили, что сможет пойти, мысли о рождении детей могли показаться злой насмешкой, но мама все сделала наоборот. Я с восхищением думала, сколько в ней солнечности, любви к людям, любви к жизни, и о том, что мне, маленькой, наивной девочке, закрытой от проблем мамиными советами, заботой и любовью, не удастся в жизненных сложностях быть стойким оловянным солдатиком.

Четырнадцать долгих лет... Живу. Закрываю советами, заботой и любовью своего сына.

Мама, теперь я – сильная! Как ты!

07.07.2010

ДО СТАРОСТИ

Когда в двадцать лет у меня появились первые мимические морщинки, была внутренняя паника. Что дальше? Как буду выглядеть в старости, особенно в глазах тех, кто знает меня молодой и красивой? Неважно, что и они станут другими, главное, какая я. А может, хорошо, когда люди «уходят» нестарыми и остаются в памяти в своей прекрасной поре?

Спустя годы, я поднималась по широкой лестнице в Риме – архитектурному проекту Микеланджело, у основания которой расположились два мраморных льва, а завершали подъем величественные статуи. Из жилых кварталов ступеньки вели на Капитолийский холм. Пройдя вдоль римской монументальности мимо дворца Сенаторов и дворца Консерваторов, я попала к руинам форума. Грандиозно!

Соприкосновение природы, культуры и религии! Особенно если вы уже переместились в Ватикан. В галерее географических карт приходится поломать голову над тем, как люди, жившие веками раньше, создали точнейшие карты Италии, представленные «видами сверху». Может, у них были крылья?

После того, как перед глазами проплыло множество картин, скульптур, ваз и других сокровищ, я удивлялась галерее гобеленов. При движении слева направо с одного из гобеленов на меня смотрел Иисус, он полностью был обращен ко мне. Пройдя дальше, я оглянулась. Иисус опять смотрел на меня и был полностью обращен в мою сторону. Какие секреты знали в шестнадцатом веке по «оживлению» нитей?

Венеция, Флоренция, Равенна. На каждом шагу мое сознание издавало «ах», казалось, что лучше уже быть не может. И с каждым следующим шагом оказывалось, что может – еще лучше. Вдоль магазинчиков и кафе на узких улицах были припаркованы велосипеды: машины здесь просто не помещались.

Навстречу ехали все те же велосипеды, управляемые дедушками в кашемировых пальто и бабушками в туфлях на каблуках. Когда я сидела на лавке в полумраке маленькой пустой церкви и слушала органную музыку, Биатриче с портрета напротив намекала мне, что это я жила во времена Данте и ходила по мощеным улицам, подметая их подолом синего платья. Это я жила в замке на горе и имела возможность слушать шлепанье весел в унисон скольжению гондолы.

Гуляя по площади Сан Марко, моя душа стала совершенно девчачьей. Солнце светило так, что воздух казался золотым, а сотни голубей махали крыльями, пока я не стала счастливо улыбаться всему миру и не забыла обо всем на свете, кроме того, что очень хочу жить!

Я уже не вспоминаю, что такое морщинки – сегодня меня притягивает Париж. Элегантные бабушки наслаждаются прогулками по Люксембургскому саду, на лицах – приятные мысли, сверху – аккуратные стрижечки с нескрываемой сединой. Я попробовала изысканный луковый суп, нереальные морепродукты с волшебным соусом и обязательное во время обеденной трапезы красное сухое вино, и это никак не связано с тем, что после не было, просто не было никаких моральных сил прервать свидание с Эйфелевой башней. Здесь красота не кричит, но восприятие млеет от каждого завиточка на крыше, от каждой веточки на балконе, от столиков вдоль дороги, от художественных витрин. Здесь вселяется гармония, и не хочется разглашать накопленные впечатления. Все «ах» остались в Италии, а там, где меня принимали за француженку, осталась часть моей души, хотя точнее будет сказать, что моя душа возвратилась с частью Парижа. Он – вечный, его на всех хватит.

Гуляю по родному городу, с аккуратненькой стрижечкой, на лице – не годы, а приятные мысли. Пересмотрела фильм «Амели» – подседа на французский шарм. Италия, Франция, шедевры, утонченность, непостижимость ...

Человек – многогранник. Я доживу до старости... из любопытства!

29.11.2010

***Николай
БОЕВ***

ОХОТА НА УТОК

Как удалось уйти с работы –
Молчат азартные мужи.
Сегодня первый день охоты –
Пустые стынут гаражи.
Над озером туман клубится,
Зарёю лёгкой озарён,
Последний раз здесь птицам спится,
Последний тает птичий сон.
Единственное небольшое
Зажато озеро в кулак
Полротою готовых к бою
Да с подкреплением собак.
Старшого чёткая команда –
Приказ натасканному псу,
Прыжок в камыш... и канонада
Окрест сбивает всю росу.
Здесь не спастись,
Не отсидеться
Ни в камышах,
И ни в воде.
В азарте чьё-то бьётся сердце,
А чьё-то перешло предел.

Растут трофеи.
Все довольны –
И вслух,
И молча, про себя.
Лишь озеро взбивает волны,
Всё до своих глубин скорбя.
Крылом кровавым солнце в волнах
Пыталось скрыться от стыда.
Казалось,
Что сейчас невольно
Оно исчезнет навсегда.

1960

Обошла счастливо косность
Частокол моей избы –
Надо мной Высокий Космос
Осиял пути судьбы.

Из земли сквозь шубу дёрна
Встал, шагнул за отчий край, –
Рассеваю щедро зёрна,
Но не жну я урожай.

Посторонние заботы –
Где утешить, где помочь,
Да тягучие работы
Беспросветно – день и ночь.

Ах ты, русская беспечность,
Я – твой сын!..
Бегут года..
Опалила брови вечность
Или дальняя звезда?

17–18 ноября 2000 г.

СОН

Памяти А.Г. Лаврика.

Во сне я очутился на планете
Безжизненной и голой. Тишина
Давила тяжело на перепонки.
Однообразность серого пейзажа
Настойчиво мне застила глаза.
Мучительно и трудно я ступал
И чувствовал, что путь мой безнадежен
На встречу хоть с какой-нибудь букашкой,
Не говоря уже о птичьем пенье
Или паренье гордого орла.
Вокруг лежала мёртвая пустыня.
Зловещая, холодная – не та.
Что на земле мы нарекли пустыней –
У нас пустыня всё-таки живая!
А в этой ужасающей тиши
Не видно солнца, звёзд, нет горизонта!
Не видел я ни камня, ни былинки
И ни песка – сплошная серость пыли
Ленивая под оттиском шагов...
Я шёл и шёл, но путь был бесконечен, –
А мне хотелось так его конца!
Увидеть нашу добрую планету,
Прижать к груди и нежно целовать!

НА ДАЧЕ

Накопилась за лето усталость,
Ах ты, дачной гарантии соль,
Где всего-то достаточно шалость:
Лук, моркошка, картошка, фасоль.

Где-то пьют ресторанные люди,
Коньяком запивают икру

И тасуют рекламные блюда
Те, что нам не пришились ко двору.

Доберусь на садовый участок,
Поласкаю руками гряды,
Я ведь тоже по-модному – частник,
В ногу с веком по жизни бреду.

Искупаюсь в воде родниковой,
Все грехи растворятся в воде,
Прогульнусь по опушке сосновой,
Забывая о сне и еде.

«Новым русским» не снилось такое:
В ночь войдёшь и звезда за звездой
Устремляются: «Здравствуй, наш Боев, –
Мы живём во Вселенной одной!».

Единенье людей и природы –
Наивысшая в мире стезя.
На земле все едины народы,
Друг без друга никак нам нельзя...

НА ЗАКАТЕ

Почему июньский пруд угрюмый?
Под ветлой сижу на берегу.
Вечереет. Никакого шума.
Солнышко скатилось по бугру.

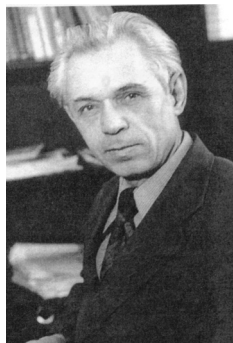
Что заботы? Что мне день грядущий
С вечными осколками часов?
Минет всё, и за звездой падучей,
Остывая, бег замедлит кровь.

Нынче год, как брат мой похоронен
Вдалеке от родины своей.

Жизнелюб, гуляка, бывший воин,
Он ушёл от всех земных страстей.

Ну так что ж, нам всем даны пределы,
Жизнь всегда висит на волоске.
Росы берег накрывают белым,
И сползла росинка по щеке...

**Михаил
КРЫШКО**

ЖИЗНЬ

Она вокруг и в нас.
Но если
Она бурлит, а сам ты пуст,
Зачем тебе сирени куст
И ветра грозовые песни?
Зачем тебе любимой губы,
Рассвет и соловьиный май,
И рядом,
Словно невзначай,
Берёзок дымчатые купы?
Природа любит равновесье.
И, может быть,
Ей всё равно,
Кому родиться суждено,
Но над тобой горит созвездье,
Что кровью дедов зажжено.

ПРОТИВОБОРСТВО

От самого рождения
Два начала –
Звериное и человеческое – в нас,
Кого на общей глине замесила
Природа-мать
В благословенный час.

Тысячелетия шли –
Она ваяла
И каждому наращивала мозг,
И каждого
Хоть чем-то отличала,
Чтоб повториться никогда
Не смог.

Да будет так:
Живи, планетой шестуй.
И если жаждешь звездной высоты,
Твори добро, люби...
И совершенствуй
Свой разум и характера черты.

И свет и тьма
Схлестнулись в человеке,
Противоборство не стихает в нём.
Что победит,
В каком – по счёту – веке,
Лишь Провиденью ведомо о том.

Я славлю свет на рубеже крутом!

К ПОЭМЕ А. БЛОКА «ДВЕНАДЦАТЬ»

...И покаялись ночью убийцы,
Осознав тягость крови и слёз.
И тогда впереди появился
И повёл их сквозь вьюгу Христос.

Может быть, оставалась до чуда
Среди мрака и снега верста,
Но в кожанке явился Иуда,
И вторично он предал Христа...

СИМВОЛ

Встань, человече, покуда не прах,
Что тебя гложет— стыд или страх?
Сколько ты предал в своей судьбе?
Сколько распял ты в самом себе?

Знаю, у каждого что-то в пушку,
Сам оттого я изведаль тоску.
В каждом свой Форос за грешной душой,
Чтобы укрыться от правды мирской.

Встань, человече, в свой полный рост,
Чтоб ноги вместе, а руки врозь,
Тень твоя, житель подлунных мест,
Тебе напомнит голгофский крест.

РОДИНА

Что ей готовится окрест?
Распятие? Не ново —
Предать и возвести на крест,
И пригвоздить сурово.

Но верится: за грех такой
В тот миг
Планета треснет,
Мир содрогнётся под Луной,
А Родина – воскреснет!

МОЦАРТ И САЛЬЕРИ

В непреходящем, дивном свете с неба,
Под музыку, что искони нова,
Мы постигаем синий шорох снега,
И запах трав, и вещие слова.
О Моцарте, о той большой потере
Мир и теперь под Реквием скорбит.
Но ходит по земле ещё Сальери,
Не тот,
Чей прах истлел по крайней мере,
А тот, кто черной завистью налит.

**Владимир
РОДИОНОВ**

БОГОМ МЕЧЕНЫ ГОДА

Р.Н. Керну

С Богом не было разлуки,
Веру скорбно берегли.
Храм души от злой порухи
Сохраняли, как могли.

Жили – ёжились... невзгоды,
Лихолетья пронеслись.
Как ни горько, эти годы
Пролегли сквозь нашу жизнь.

Невод – в память. Сеть – пустая.
Боль усохла – не кляни.
Ведь надежды – умирая,
Завещанию сродни.

Помним: вера оросила,
Светлой правдой подняла
Всю насытую Россию
На великие дела.

Хоть разбросаны по полкам –
Богом мечены года.
Мы ж, опавшие иголки,
Разлетелись кто – куда.

СЛУЧАЙНОЕ НЕ ВДРУГ

Верчусь юлой вокруг
Надежд своих. Печалится
Даль прошлого. Не вдруг
Случайное случается.

Интрига. Суета
У званого забора.
И гонит нас судьба
В объятья зла и вора.

Стараюсь наперёд,
Крестясь остановиться,
Но там, где можно вброд:
Не проще ль удавиться?

Там рыжий безбород,
Наглец и самозванец,
С глазами, что на взвод,
В курок утопит палец.

Как горьки рубежи
Схоласта и изгоя,
Когда, сгорев во лжи,
Не ведаешь покоя.

Пред истиной в долгу
Скажу, как понимаю:
Зов жизни сквозь пургу
Волков сбивает в стаю.

Случайное не вдруг...

Я равен сам себе.
Весь мир в истцы востребуй:
Мерилами в судьбе
Любой – земля и небо.

Душою рвёшься ввысь,
А плоть жива утробой.
Попробуй подивись
Собою, как особой!

Кентавр иль скотобог?!
Не ведая предела,
Столетия длится торг
Между душой и телом.

И каждый вовлечён
С рожденья в круг порочный,
Медовым калачом
Соблазна озабочен.

А всемогущий змей,
Над яблоком колдуя,
Ткёт тысячи сетей
Всем нам, как обалдуям.

Не можно одолеть
Разбоя искушенья,
Если и жизнь, и смерть –
Субстанции движенья.

Чего вокруг и рядом кружим,
Прикрыв зевотою зады?
Коли царям народ не нужен,
Со всеми справятся жидаы.

Зажмут в углах по одиночке,
Чего им ладиться с толпой?
Как просто: в душу по заточке,
И – здравицу – за упокой.

Большой народ неоднороден.
Его призывом не сплотить,
Устав от кровавых боен,
Ему бы вволюшку пожить.

Но не дано. И смотрит хмуро
На всё, что вытворяет двор,
Его широкая натура
С недоумением. В упор.

Дурён народ, ослепший в горе.
Порвёт медведь гнилую цепь.
А в судьях будет – ветер в поле,
Да окоёмов зримых крепь.

Ну, как петух ни кукарекай,
Какие яйца ни неси:
Всё меньше ныне человека
На горькой матушке-Руси.

Всё чаще явная пройдоха
Вещает (знаю: не зазря)
О том, что всё бывшее плохо.
И славит батюшку царя.

Но, раб почуял человеком
Себя с созвездий Октября.
Сей эпизод двадцатым веком
Запечатлён, увы, не зря.

Рассвет и полымя свободы.
Народ – хозяин. Не брехня.
Я этим прожитые годы
Гордился, сам себя градя,

Под стать событиям и датам
И благодарности людской,
За подвиг Русского солдата,
За СССР – как таковой.

И хоть плевать не перестали
Все говнюки наперебой,
Но всё же был Иосиф Сталин
В двадцатом веке головой.

***Елена
КИСЕЛЁВА***

ПРОЩАЙ, БЕЗУМНАЯ СТОЛИЦА

Прощай, безумная столица,
Метро, проспекты и мосты,
И москвичей чужие лица –
Спешу домой – туда, где ты...

Пройдусь по тихим переулкам,
Где каждый дворик дорог мне
И полумрак подъездов гулких,
И ясный свет в твоём окне...

Мне городок мой всюду снится,
С ним – все надежды и мечты,
Пушай простит меня столица,
Хочу домой, туда, где ты...

ИНАЧЕ НЕ МОГУ

Пусть я не солнце, всё не обогрею,
В своей душе тепло я сберегу,
Чтоб этот мир стал чуточку добрее,
Иначе жить я просто не смогу!

Чужую боль сквозь сердце пропускаю
И принимаю радость, как свою.
Порой бывает – руки опускаю,
И от себя, похоже, устаю...

Я не коплю обиды – забываю,
Хоть за добро нередко платят злом,
И вновь горю по жизни, понимая,
Что всё с лихвой окупится потом...

Пусть я не солнце, всё не обогрею,
И всё ж в душе тепло я берегу,
Чтоб сделать мир хоть чуточку добрее.
Иначе не хочу! И не могу!

МЫ В РАЗЛУКЕ ЦЕЛУЮ ВЕЧНОСТЬ

Это чей-то каприз или наша беспечность –
Мы в разлуке с тобой уже целую вечность,
Каждый сам по себе, вдалеке друг от друга...
А в ночи за окном всё беснуется выюга...

Что ж, назад не вернуть наши юные годы,
Обжегшись молоком, оба дуем на воду,
Мы циничнее стали, мудрей, осторожней,
Только, знай, и теперь ещё счастье возможно...

Просто сердцем живи, не ссылаясь на разум,
И бери у судьбы – всё сейчас и всё сразу,
Вопреки пересудам, пустому злословью...
Не смущайся, мой друг, наслаждайся любовью...

Это чей-то каприз или наша беспечность –
Мы в разлуке с тобой уже целую вечность,
Может быть, испытанье нам послано свыше?!
Всё, довольно! Я жду тебя, милый мой, слышишь?!

НА ТОМ ФОТОСНИМКЕ

Мы вместе, мы рядом – стоим у причала,
Пусть волны вздымаются – только держись! –
Нам кажется, нет ни конца, ни начала
Бурлящему морю с названием жизнь...

Порывами ветра срывает одежды,
Но нас не страшат перемены в судьбе,
И мир весь у ног наших снова, как прежде,
И всё нам подвластно – и мне, и тебе...

Тела так близки и касаются руки,
Решимость в распахнутых настежь глазах,
Здесь нет и не может быть места разлуке,
И лучшего выдумать просто нельзя...

Умчатся мечты и развеются в дымке,
От прежней любви не оставив следа...
И только мы двое на том фотоснимке
Безумно счастливыми будем всегда...

ВСЕ МОИ ДУМЫ О ТЕБЕ

Все мои думы о тебе,
Все мои речи...
Что значу я в твоей судьбе
И наша встреча?!

Таким неважным стало вдруг
Всё то, что было...
Мне без тебя, мой милый друг,
Ничто не мило...

Я глажу волосы твои,
Целую плечи...

И будто создан для двоих
Январский вечер...

Зимовье, домик небольшой,
Огонь в камине,
И нам с тобою хорошо
В таёжном сплине...

На лес косматый и седой
Ночь тихо ляжет,
И станет месяц молодой
Нам верным стражем...

Наутро снова разведут
Пути-дороги,
И дни в разлуке побредут,
Полны тревоги...

Все мои думы о тебе,
Все мои речи...
Что значу я в твоей судьбе
И наша встреча?!

**Сергей
КУЛИКОВ**

Дождь, конечно, сердце не остудит,
Но и не поможет он в беде.
Ну, а мы – вполне земные люди,
Стало быть, возможности не те.

Да вот только выстроишь ли счастье
По расположению планет?
Не решить проблему в одночасье,
Если недоступен абонент.

Не решить? Но суть в одной лишь фразе,
В вечной фразе «Я тебя люблю».
Может, выход есть в обратной связи?
Впрочем, шансы здесь равны нулю.

Стерла ты мой номер телефона.
Но легко ль от прошлого уйти?
Впрочем, все как будто бы резонно:
В жизни нет обратного пути.

У любви – ни адреса, ни кода,
Но бывает всякое в судьбе:
Номер набери – какой угодно, –
Обязательно отвечу я тебе.

Что там позади, не столь и важно,
Да и настоящее – пустяк.
Ведь куда важнее, что однажды,
Всё как будто сложится не так.

Ни хвалы тебе и ни укора –
Странная такая тишина.
В складках нераздвинутые шторы,
Да и нету, в общем-то, окна.

Все уйдет без видимой причины,
Утонув в бессмысленных ночах.
Станут небеса неразличимы,
Что уж говорить о мелочах.

Впрочем, будет не до разговора –
Полное смирение в груди.
То, что обойдется без укора,
Это даже к лучшему, поди.

А хвала?.. Смешнее нет пропажи,
Вот уж что воистину пустяк!
Только очень грустно, что однажды
Все как будто сложится не так.

Чувства словно вырвались из плена,
И вознесся колосом росток.
Родина – лишь точка во вселенной,
Но какой космический простор!

Тише бег ручья у обелиска,
Выше небо на закате дня.
Родина – всего лишь только искра
В переливах Вечного огня.

Снова горы, в ночь вершины скаля,
Гонят ветер, душу холода.
Родина – всего лишь только капля
В шуме скоротечного дождя.

И не надо быть евангелистом,
Чтоб знать подноготную страстей.
Родина – всего лишь только листик
В изумрудном омуте ветвей.

Слышится сарказм: «Всего лишь только?»,
Но я попрошу умерить в зле.
Знайте: станет меньше без листочка
Кислорода на седой Земле.

Вновь смешок: «Без этого листочка
Шар наш ухнет в “черную дыру”?»
Катастрофы не случится точно,
Только я без воздуха умру.

РЯБИНА

За дело ветер взялся сразу –
Не вечно листьев торжество.
Легко вогнал рябину в краску –
Стать обнаженной каково?

А ведь была такая пава!
И вот – с отрезанной косой.
Столь живописные забавы
Достойны кисти Пикассо.

И ветер, нет, совсем не сдуру,
Гнул тонкий стан туда-сюда.
И обнаженная натура
Зарделась уж не от стыда.

Один сочтет ту связь за смелость,
Другой – за дьявольскую сеть.
Но так рябина раскраснелась,
Что любо-дорого смотреть.

Из сети вырваться не поздно,
Но так засохнешь от тоски!
А ведь пылающие гроздья
Как гениальные мазки.

Что ей моральные устои –
Спешит навеселиться всласть!
И впечатление такое:
Заря по веткам растеклась.

Но, если говорить по сути,
Какое уж веселье тут?
И снегири в голодном бунте
Багрянец с веток изведут.

Но, словно в память о забаве,
На снежном полотне – смотри! –
Сияют в ледяной оправе
Живые искорки зари.

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ

Луч – перо золотое планеты, –
С блеском вынырнув из облаков,
Спозаранку выводит сонеты
На широких страницах лугов.

Сделав сноски на тонких листочках –
Благо всюду шумят тополя, –
Воспевает он жизнь каждой строчкой,
Восхищаясь планетой Земля.

За автографом зря не толпитесь –
Луч в лугах от зари до зари.
Нет, нисколько он не летописец,
Он – поэт, что там ни говори!

Но о том он не ведает даже,
Как не ведают и пастухи.
Строфы – из васильков и ромашек.
Вот такие цветные стихи!

Луч как будто идет от простого,
Но поистине слог золотой.
Водит мордой по строчкам корова,
Наслаждаясь поэзией той.

Расписать ширь травой луговою –
Эта заповедь свыше дана.
Чтоб влюбленным уйти с головою
В васильковые эти тома.

Чтоб смог каждый по росам побегать,
Ну, а ягод – уж точно с ведро!
Чтобы щедро блистать и не ведать,
То, что ты – золотое перо.

ВОЗВРАЩАЙСЯ!

Птичий хор все голосистей к лету –
Трель любви мне на душу легла.
Открываю золотую клетку,
Выпускаю певчего щегла.
Впрочем, это присказка такая
Иль непреднамеренный прокол.
Ну и пусть, что клеть не золотая,
Но ведь правда – певчим был щегол!
Выпорхнул он и на пике счастья
Поспешил упиться синевой.

Только ты, приятель, возвращайся –
Трудно птицам лютою зимой.
И когда, пронзив крылатый гомон,
Чистый звук в безоблачности смолк,
Дом как будто перестал быть домом –
Дверь да стены, пол да потолок.
Только в мире нет таких традиций,
Где б крылу очерчен был предел.
Потому, наверно, возвратиться
К холодам щегол не захотел.
И, окна промерзшего касаясь,
Засыпал я только лишь к утру.
Мне по-настоящему казалось:
Он не мог пробиться сквозь пургу.
В стужу приоткрытая фрамуга,
Как надежды призрачной просвет.
Ближе заблудившегося друга
У меня ведь не было и нет.
Грезил я: заснеженные дали
В дом доставят целый вихрь страстей.
Ведь в тот час, как руки замерзали,
Становилось на душе теплей.
И не надо шерстяного пледа –
Звук наполнит сердце чистотой!
Только вот незолотая клетка
Остается до сих пор пустой.
Может, птица просто заплутала
Или крылья стерлись о сугроб?
Может, дело в качестве металла?
Только я не спец по части проб.
Фонари мерцающей разметкой
Путь укажут страннику домой.
Жду щегла я не с открытой клеткой,
Жду его с распахнутой душой.
Он сейчас, наверно, там, где чайка
Прикоснулась к жаркому лучу.
Все равно, дружище, возвращайся,
А попросишь – с богом отпущу.

Ночь снегами бьется у порога,
Все надежды светлые круша.
Что-то мне не по себе немного –
Я боюсь, закроется душа.
Ледяной порыв жестокой стужи –
И уже не распахнуть дверей.
Я попридержу руками душу –
Прилетай, пожалуйста, скорей!

**Владимир
ТИМОХИН**

А. ЛИПЕНЦОВУ

Я успокоился: всё будет хорошо! –
За окнами французские предместья,
Искрится снег. Давай с тобою вместе
Звонок друзьям (заказанный крюшон...)

До взлёта сделаем. (– Пардон, месье, бокал,
Часа через четыре вы – в столице...)
Нам этот городок потом приснится
На рождество. Сплошные флеш роял

Сегодня целый день. Зима,
Морозит, минус восемнадцать
(На лыжах вряд ли сможем покататься),
Зато: камин, глинтвейн, моя инна!

...а жизнь куда-то уходит
(ей с нами не интересно).
Под вечер – с заваркой чайник,
торшер и любимое кресло,

альбом фотографий старых –
(пожухлые, жёлтые лица)
картон... что-то летнее... детство...
Опять валерьянка – не спится...

ФИРСАНОВУ

1

Я – в Риме... Колизей...
На площади Венеции
экскурсии, зонты
и не хватает терции
в дуэте голосов
двух уличных шарманщиков...
Домашнее вино
Chianti – пара ящиков
в отеле. Я не вру:
здесь март и одиночество
преследуют меня.
Весною очень хочется
домой, в Расею...
Тульская провинция
течёт рекой
под сводами Уффици...
Я – в Риме...

2

Небо бесконечно синее.
Облаков парусина, инея
иглы. Руки, как реки,

замёрзли и в рукавах
застыли. Букву «ах»,
потом «бы» изреки –
(азбука жизни) – на ладони дыши!

Жи и Ши через И пиши!
Не спрашивай: почему? зачем?

Зима неожиданно быстро
пришла и задержалась на триста
дней. Зимой так много тем,

следов и отсутствие звуков
движений. Это наука –
жить под одним одеялом,

пить только крепкий чай.
Отчаянно не скучаем –
жаль, варенья осталось мало.

Темнеет довольно рано.
Закат, как открытая рана.
Морозит. Чуть брезжит

в доме напротив свет.
Ты не против (я – нет)
немного вдвоём пожить?

Мне снилось то, чего не снилось много
лет: мне снилось море.
И я иду вдоль кромки, по дороге
лета. И не надо спорить

ни с кем. А мне всего двенадцать...
Ещё всё только впереди,
ещё не надо притворяться
и нет друзей, врагов... Среди

заросшего двора, под виноградом –
тень и солнечные пятна,
и я стою вдвоём со старшим братом...
Ещё вчера (невероятно)

всё это было: летний городок,
кофейни, пыльные каштаны
на набережной. Легкий ветерок
уносит в детство. И немного странно:

я – здесь, я – там, я – между,
в середине? – Так быстро
пролетают облака, надежды
над головой. В душе – покой и чисто,

нет сожалений, нет добра, нет зла,
нет радости, нет горя...
Закат сгорел, и звёздная зола
мерцает, отражаясь в море...

НИКОПОЛЬ

В городе – август. На распродажах – Лето.
Арбузы собрали узбеков на пыльных рынках.
Немного похолодало. Не верю в приметы,
но, Осень, как всегда, легка на поминках.

В город возвращаются люди, собираются в стаи птицы.
Летят, и на лице оседают тонкие паутинки.
Надо бы оглянуться – придётся остановиться.
Сентябрь надевает плащ и на резине ботинки.

Звуки стихают, точнее – становятся глуше.
В окнах свет зажигается рано и, по стёклам стекая,
остается на мостовой в виде лужи,
которая скоро замёрзнет и неизвестно когда растает.

Я возвращаюсь домой вдоль океана,
вдоль параллелей, мимо Куэнки и Лимы –

мимо. На четыре часа заезжаю в Гавану
с приветом к Санта Доминго от Святой Серафимы.

Я возвращаюсь домой. На крыле самолёта
Северный полюс, на другом – Южный полюс и Чили
с курицей подают во время полёта –
мне красное, а соседу белое море в бокалы налили.

Я возвращаюсь домой. Меня там забыли,
да и я, признаться, не помню зима или лето
в тех местах, где дорожные были
никого не волнуют, так же как и цена на билеты,

как и курсы валют, как и то, что будет на завтрак
завтра, на рейсе в три ночи, не помню куда и откуда,
как соотношение индексов DOW DJONS
и японского NASDAQ...

Я возвращаюсь домой с надеждой на чудо,
что дома всё хорошо...

КИТО — КАРАКАС—РИМ

Заявление о выдаче заграничного паспорта:
дата рождения, фамилия, имя, отчество.
Я последний (на получение трансферта)
стою в очереди одиночества.

Шаг влево, прыжок на месте, справа стена –
без вариантов, убежать от себя невозможно.
Дальше: аэропорт, недоказанная вина,
взлётная полоса, таможня,

огни незнакомого города. Сзади
неопределённость, квартирка в мансарде,

стихи в разлинованной косыми чертами дождя тетради
(или снега), как это обычно бывает в марте...

Время остановилось, за́мерло
и не идёт вперёд.
Просто на улице замертво
вьюга легла на лёд.

Осень. Часы на зимнее
время перевели.
Утром меня по зимнику
в одном белье повели.

Сзади – две трети пройдено,
а впереди – чуть-чуть
до Белого моря. Родина,
прошу: меня не забудь...

Я вышел из дома чтобы купить пива –
время пошлó. На улице лето,
троллейбусы ходят лениво
по городу фиолетовому –

это всё из-за тучи:
«К вечеру будет гроза...»
(Булгаков М.А.). Туфли от Гуччи.
На подоконнике, в магазине, азалии –

красота. Я никуда не спешу –
отпуск. Лёгкий запой.
Из квартиры напротив Стешу,
соседку, встретил. «Ой,

у вас борода!» – она говорит.
Дождь начался. Как из ведра
льёт... Рифма «горит»,
не подходит – глагольная ерунда.

В квартире нараспашку окна,
книги. Телефон отключен
(или отключён?). Дети пока на
даче – приедут, откроют ключом

двери. Скажут: «Привет!
Мы так по тебе скучали...».
И что-то защежит в груди. Нет –
это пройдёт, случайно,

нечаянно я – между нами,
говорить никому не надо...
Особенно моей маме...

ОТЦУ

«...У Чёрного моря, в далёком Мисхоре,
где солнце нещадное жжёт,
Одна и грустна, среди пальм-кипарисов
плакучая ива растёт...»

А. Тимохин, Крым, 1975

Старое Тбилиси
(или старый?) – город в долине.
«Вам обязательно нужно посетить Кутаиси
и Гори, там мать говорила о Сталине:

– Он почти уже стал священником...» –
это нам (женщина в чёрном, на цветочном рынке).
В гостинице маленькое помещение.
Всё остальное – как на картинке:

балкон с балясинами, ветхий дом,
чёрное, южное небо. Ожидания не обманули.
Сомнение только в одном:
вечером – хванчкара или кинзмараули?

До России – недалеко
и в тоже время дорога на перевале
отсутствует, но спокойно, легко
дышится. Движемся по спирали

сначала вверх, потом вниз –
голова кружится, но этого мы захотели сами...
«Вам обязательно нужно совершить круиз:
Борджоми, Мцхета, сациви и Бастурмани –

это нам (Важа – наш гид) –
через три года Батуми – мировая столица:
выставки, показ мод, отсюда прекрасный вид
на Москву и оставшуюся границу.

Мы – самодостаточная страна,
и это абсолютно точно...»
Нам грустно. Искусство политиков – их вина,
возможно, что они не нарочно.

Старый Тбилиси,
Кобулет, Сигнахи, Кварелли и Гардабана...
Хотели в Сухуми, но нам отказали в визе...
(и это после Колумбии и Пакистана!)

Грузия, май 2012

**Елена
БАРТКЕВИЧ**

РАЗРЯД

Вспоминаю: августом лучистым
Полыхнул напротив синий взгляд –
Как под небом ясным в поле чистом,
Я попала в грозовой разряд.

Знанием о неодолимой Силе
Был исполнен миг ярчайший тот –
Словно ток сквозь тело пропустили
Напряженьем в десять тысяч вольт.

Сокровенно ль то иль откровенно? –
Но – разряд, Его лишь встречу вновь.
С той поры в моих кочует венах
Наэлектризованная кровь...

БЕССОННИЦА

Наливалась луна спелым соком
в оконном углу.
Голубые квадраты
лежали на тёмном полу...

...Как усиленно сердце
отбойным стучит молотком!
То бессонница вскрыла замки
и прокралась в мой дом.
Третий час. Не могу отыскать
себе места нигде.
Я верчусь, словно уж,
раскалённый на сковороде.
Отчего? Не заботят меня
никакие дела:
Вместе с будущим прошлое
я в эту ночь отсекала.
То химера и это.
Что было – растаяло сном.
А чему суждено –
что заботиться ныне о том?
И реальны – лишь ночь
да бессонницы лунный мотив.
И твой образ, что крепнет в душе,
не вмещаюсь почти...

НЕЗРИМО

Третий год я горю в огне,
Пусть незримо – но наяву.
Третий год по ночам во сне
Я бессильно Тебя зову.

Исчезаешь – и дни пусты.
Виновата ли в том сама? –
Много способов знаешь Ты,
Чтоб надёжно свести с ума.

Чтобы день за днём – горячей,
Чтоб душе и чувствам – экстрим.
Чтобы сердце в груди моей
Билось, как пулемёт «Максим».

Сделать всё, чтобы крепла связь,
Чтоб к другим интерес иссяк,
Чтоб к Тебе только мысль влеклась –
Ты умеешь, Ты знаешь – как....

Мне б, как губка, Тебя впитать,
Долгий (сколько угодно!) срок –
Ненасытным взглядом ласкать,
Обнимать с головы до ног.

В небесах пурпурных паря,
Восковою тая свечой,
Я горю в костре сентября.
Мне не жарко, мне горячо...

ВЕРНОСТЬ

*Милые мои, верные мои, и – ПОКА ЕЩЁ –
неверные мне... Так сказал Он.*

Я, захлебнувшись волной, безнадёжно тону.
Нет ни глотка кислорода – и камнем ко дну.
Только вода – и ни страха, ни боли от ран.
Что тут поделаешь? Ты – человек-океан.

Искры блестящие, пепел кругом и зола.
Разум и тело, и сердце сгорели дотла.
Вот и попробуй, рискни, безнаказанно тронь –
Пламенный, ты Faïerman, Человеко-огонь.

Не шевельнуться, и глупо кричать: «Пожалей!» –
Плотно увязла, как в вязкой тягучей смоле.
Мне ни один не попался, кто выбраться смог.
Я не пытаюсь. Зачем? Ты – зыбучий песок.

Глазу она не видна – тяготения нить.
Некому, нечем и не с кем измены творить.
Я утонула, сгорела, пропав без следа.
Что мне ещё-то терять? Я верна тебе, да.

НАПАЛМ

Жесточайший мороз и ветер –
в лицо кастетом.
То – коварный лёд,
а то – по колено снег.
Величайшее счастье – знать:
есть *ты* в мире этом.
Мне же в мире *т в о ё м* –
увы – не бывать вовек...

Оболочка – во льдах.
В глубинах же – всё иначе.
Там, рассыпавшись в пепел,
оплот мой последний пал.
Надо мной насмеялся злобно
крылатый мальчик,
И давно вместо стрел
в колчане его – нападм...

TET-A-TET

Мысли и нервы в клубок сплетены.
Сорваны башни, мосты сожжены.

Пропасть – внизу, ничего – позади.
Пойманной птицею – трепет в груди.

Не оторвать обречённый свой взор:
Он примагничен, приклеен в упор.

Взмокший, покрытый испариной лоб...
Жидкое пламя глотаю взахлёб.

Выстрел насквозь... нет – ожог от кнута!
Молния в сердце – твоя красота!

То ли горю, то ль тону – что со мной?
Огненный шторм захлестнул с головой.

Вопль мой немой – вперехлест, через край:
– Не отпускай меня! Не отпускай!

ПОЛЁТ

Рисует стрелка чёрная за кругом новый круг.
Далёк он, мой улыбчивый, мой беспощадный друг.

Он коллекционирует разбитые сердца.
Круг – линия, лишённая начала и конца.

Но разве в этой горечи повинен кто-нибудь,
Коль выстилаем сами же ему сердцами путь?..

Раскинувшись за окнами, апрель вступил в права.
И в голове всё крутятся никчёмные слова.

Ночь. Пустота. Бессонница. Дождливая стена.
Подумаешь, ещё одну свела с ума весна...

Беспечная, как песенки ребяческой куплет,
Восторженная бабочка, летящая на свет –
Волшебный, опьяняющий, он мира центром стал.
А там, в глубинах пламени – нетлеющий кристалл.

Влекуще-упоителен сей гибельный момент:
Сгоришь ли? Разобьёшься ли? – и перспективы нет.

Но счастьем невесомости всю душу он зальёт.
Наполнен райской музыкой тот, весь в огне, полёт.

И каждый сам решает здесь. Не лучше ли сгореть
В слепящем ярком пламени – чем вовсе не взлететь?

Взглянуть с высот,
как будто бы нажав на кнопку ZOOM,
На них – на мудрых, правильных,
оставшихся внизу...

ГОРОД СЕМИ ВЕТРОВ

Скоро наступит май,
И налетят ветра.
Будут упрямо дуть
С вечера до утра.

Видимо, захотят
Выдуть в один из дней
Сей неотвязный бред
Из головы моей...

Мозга неслышный взрыв.
Жизни внезапный крен.
Скорый мой шах – и мат.
Мой добровольный плен.

Сердца шального гул,
Тщетных усилий рать –
Как всё отдать тому,
Кто не захочет брать?

Кто кандалы замкнул,
И зашвырнул ключи.
Время зажал в руке –
Радуйся иль кричи.

Можно ль куда уйти
Хоть на кратчайший срок,
Если на Нём сошлись
Петли любых дорог?

Скоро придут ветра,
К небу вздымая пыль.
Волосы вороша,
Словно степной ковыль.

Холод пустых надежд
И несказанных слов.
Просто – такой он, мой
Город Семи Ветров...

**Вячеслав
МИХАЙЛОВ**

ЗАПАДНЫЕ ЕВРОПЕЙЦЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ВОСТОКЕ

В самом начале 1990-х годов, когда Советский Союз угрожающе заскрипел и закачался, Андрей Савин, молодой кандидат наук, родившийся в Гулистане, проживающий и работающий в Ташкенте, выбрал на референдуме жизнь в Союзе. Так решило и большинство граждан. Но года не прошло, как решительная противная сторона обрушила-таки громадную страну и вытряхнула Савина в маленькую – Узбекистан. На шестой части земной суши одновременно занялись самоопределением пятнадцать государств. Широченное одеяло общей экономики было разодрано на куски; наспех принялись латать их да перекраивать, кто как умел. Зябнуть скоро стали «и мал, и велик». Многократно урезали расходы из госбюджета на институт комплексных аграрных исследований, в котором Савин трудился завлабом; заключить даже сугубо практичный договор стало почти невозможно. Зарплата в итоге скукожилась, на жизнь не хватало. Люди потянулись из института: кто на производство, кто в чиновники, кто в торговлю. И Узбекистан всё больше отдалялся, обособлялся от России, узбекский язык вытеснял постепенно русский из деловых отношений, а узбекского Андрей не знал, если не считать распространённого в быту лексикона; большинство местных славян не знало. Так устроена была прошлая жизнь, что обо-

дился без узбекского, окружающие узбеки говорили по-русски и это казалось естественным, незыблемым. Язык ещё можно было осилить, но с растущим отчуждением от России оставалось лишь смириться либо собираться в дальний путь. Узбеки – коллеги, соседи обычно сочувствовали, старались поддержать. Но что они могли поправить? Да и своих забот полно. В семейном кругу, институте частенько заходили разговоры о растущем оттоке славян и других некоренных жителей из Узбекистана на ПМЖ (постоянное место жительства) в Россию, иные страны. Немало знакомых уехало. Настроения это не добавляло. В общем, тревоги, опасения, отчасти преувеличенные, росли, затеняли раз за разом то тёплое и светлое, что привязывало к узбекской земле; чаще приходили думки о переезде: и в России дела не лучше, но надёжнее – там корни, родичи, возможностей побольше найти работу приличную, по специальности. Но куда конкретно перебираться, ехать на разведку или нет, кто сначала двинется, кто потом или сразу всем гуртом, когда продавать квартиру – вопросы эти нелёгкие страшили, отодвигали окончательные решения.

Неожиданно Савину выпала денежная работа, и не один раз. Появилась передышка; можно было без лишней суеты подготовиться к отъезду. К тому же впервые близко пообщался, поработал с западными европейцами. Осталось несколько любопытных воспоминаний.

Правительство Узбекистана обратилось во Всемирный банк с просьбой предоставить кредит на льготных условиях для поддержки агропромышленных предприятий, расположенных под Бухарой, Андижаном, Термезом. Рассмотрение кредитной заявки, принятие решения о выдаче займа, его размере занимали много времени. Приходилось терпеть процедуру – дешёвый кредит того стоил.

По обыкновению, банк решил вначале прояснить для себя, на что конкретно лучше потратить деньги. Заручившись согласием властей, нанял для этого дела на месяц западную консалтинговую фирму. Отобрана была известная французская контора, и в Ташкент прибыли четверо её консультантов-французов плюс один англичанин с женой-тайкой. У французских на

тот момент не оказалось свободного эколога и они второпях, не выбирая особо, пригласили специалиста из ливерпульского университета да ещё и согласились на его условие взять в попутчицы жену. Из местных в команду включили Савина и инженера-гидротехника Рустамова из того же Института комплексных аграрных исследований – всё стараниями директора. Он подвязывал своих людей к делам банка в стране и мог рассчитывать на часть их заработка. Против дележа никаких возражений не было: месяц работы на банк оценивался раз в двадцать больше, чем в институте.

С экологом французы промахнулись и заподозрили это ещё при встрече в вестибюле гостиницы: после долгого перелёта рослый ливерпулец едва плёлся с ноутбуком на плече, а вслед за ним его миниатюрная жёнушка катила внушительный чемодан и тащила дорожную сумку. Он оказался не только непоходным совсем человеком, но и мнительным, капризным субъектом. К тому же не стеснялся ничуть, что его молчаливая «вторая половинка» – скорее прислуга. «Так типерь у Европа ни редка, – ухмыльнулся однажды Жан-Шарль Пийон, шеф французов, поймав не первый недоумённый взгляд Андрея на этой супружеской паре, – найти паслучни жена отдалеко... от Тайлэнд часта». Савин насмешливо спросил: «И у тебя, Жан, такая?» «Нет, нет, – засмеялся негромко француз, – Мишель можит на мне бросать тарелка, сараза – Федя от Киев ругать свой жинка так». Французы давно кочевали по свету, хорошо владели английским, а несколько лет назад, когда вдруг появилась работа на постсоветских просторах, отзанимались ещё и русским по ускоренному курсу. До этой командировки они уже побывали в Молдавии и Украине, успели там попрактиковаться в русском, нахвататься обиходных словечек, выражений. И здесь между делом пытались говорить по-русски, веселя всех вокруг произношением, невероятными словесными комбинациями, разгружая переводчиков.

В поездках – то тут, то там – французы открывали для себя новое, и Савин – «узбек» тоже кое-что узнал впервые, не подав конечно виду. Так случилось при посещении бухарского винзавода. Винным знатоком у гостей оказался экономист Поль Офрэ. На дегустации, оценив уже несколько вин, он взял очередной фужер с тёмно-гранатовым десертным «Алеатико»,

опытным движением опять закрутил вино, вдохнул аромат, пригубил и, погоняв легонько во рту, проглотил.

– Пикантный привкус цитрона, – похвалил Поль и спросил: «А сколько добавлено сахара?»

Представитель завода Юсуп сказал: «Ни грамма».

Его не поняли – решил Офрэ – или вопрос не точно перевели. Снова переспросил. Ответ был тот же. Виноделы в толк не могли взять, чего иностранцу не ясно.

– It is impossible!* – воскликнул Поль и перешёл на кривой «русский», – не бить можит эти вино бес сакар.

– Не верит он, что ли, не пойму, – шепнул переводчику Юсуп, – скажи ему, осталось немного этого винограда – «Алеатико». Если хочет, принесём.

Поль довольно закивал головой, выслушав переводчика. Быстро передали блюдо с несколькими тёмно-синими гроздьями винограда. Француз закинул в рот тройку виноградин, с усердием прожевал их. Потом взял целую гроздь, оглядел её внимательно, покачал головой и признался, что много раз пробовал этот сорт на родине, на юге Испании, в Португалии, Австралии, но такой сладкий не встречал. Он рассказал, что во Франции делают похожее вино, и непременно с добавлением сахара.

– Может, это из-за почв? – предположил Поль.

– Да нет, – засмеялся Юсуп, – Николай Палыч, биохимик заводской, говорит: от солёной поливной воды, сахаристость она повышает. Вода солоноватая в тех местах. И дыни там слаще, и фрукты.

Не раз ещё потом Поль, кушая виноград, поминал неприлично сладкий «Алеатико».

После завершения намеченных дел вся команда собралась в ресторане на прощальном ужине. Ближе к его окончанию захмелевший хорошо Жан-Шарль ни с того ни с сего вполголоса сказал Андрею: «Странни ви русски... Мой дидушка (как нежни эти звук – дидушка) родиться франсуски Альжир... Он стать социалист, вместе араби воевать длия свобода Альжир от Франси...». Пийон примолк, обронив «sorry**», и подобрав подходя-

* Это невозможно! (англ.)

** Извини (англ.)

щие слова, продолжил: «Потом ди Голь дать свобода Альжир, но дидушка ни мог жить Альжир, араби ни хотеть он, ни хотеть его друзия – ни забить прошли обиди... Дидушка ехать Франси, мало жить после... Узбеки хотеть жить вместе ви, но Русия сама уходить... всё оставлять?! Странни...».

Из Нукуса, каракалпакской столицы, Савин возвращался в Ташкент вместе с голландцем Мартином Слюмером и его переводчиком. Командировка была в рамках проекта помощи Приаралья. Финансировался он из казны Европейского Союза, а заключался в поиске и оценке вариантов создания новых рабочих мест для рыбаков, рыбопереработчиков, крестьян, охотников и прочих, оставшихся не у дел из-за усыхания Аральского моря, Приаралья. Многие из этих десятков тысяч людей уже мигрировали при помощи властей и самостоятельно. Процесс начался еще при Советском Союзе. Но немало осталось. Крушение Союза их положение осложнило.

Регистрация в безлюдном нукусском аэропорту и посадка прошли довольно быстро. Разговаривали между собой мало – усталость поднакапливалась после путешествий по пустынным углам; километров на двести отъезжали от Нукуса, и больше по бездорожью. К тому же очередная поездка в зону Приаралья навевала обычно грусть, особенно, если приходилось заезжать на пустынное морщинистое дно высушенного моря. Завалившиеся набок, проржавевшие и раскуроченные рыболовецкие суда впечатляли. Издали они походили на истерзанных бурей и выброшенных на берег кашалотов. Невольно набегало чувство вины за беспощадное насилие над природой, печальную участь местного люда. И не ослаблялось это чувство пониманием того, что вода Амударьи и Сырдарьи, отнятая у Арала, дала жизнь новым кишлакам, поселкам, городам, наполнила рукотворные озёра-водохранилища, а несколько миллионов среднеазиатских жителей, включая не одну сотню тысяч каракалпаков, обрели работу, новый мир под родным небом.

Летели на Як-40. На входе в последний раз проверили и отметили билеты. Пассажиры расселись по своим креслам. Все

места в салоне на тридцать шесть человек были заняты. Зашумели двигатели, и вскоре самолёт тронулся; за окном вдали проплыли редкие придорожные деревья, здание аэропорта. Вдруг Як притормозил, остановился. Несколько минут ничего не происходило. Савин с Марином переглянулись: «Что встали – до взлётно-посадочной полосы ещё далеко?» В салон вышел пилот, быстро прошагал в хвост и скрылся в багажном отсеке, захлопнув за собой дверь. Самолёт шевельнулся – кажется, опустился хвостовой трап. Отдаленно слышались звуки перемещаемых или чемоданов, или сумок, топтание ног, редкие глухие голоса. Продолжалось так минуты три. Потом всё стихло, пилот вернулся к себе в кабину, и самолёт опять покатил. Когда лётчик прикрывал дверь в багажный отсек, бдительные Савин с голландцем дружно обернулись и увидели, что этот закуток Яка просто забит людьми, разными тюками, ящиками. Мартин растерянно и испуганно посмотрел на Андрея.

– «Левый» груз, «челноки», похоже, – не сразу выдавил Савин, струхнувший не меньше голландца. Андрей и без того побаивался летать, старался обходиться наземным транспортом насколько возможно.

– Челноки?

– Мелкие торговцы это, Мартин, – пояснил переводчик Камиль, тоже наблюдавший за выходом пилота. – Без удобств летят, в тесноте – зато полцены платят. Обычное дело теперь. Только много напихали что-то. Оборзели летуны...

– Нужно заявить протест, – дрожащим голосом предложил Мартин, – мы не можем так лететь. Это лёгкий самолет. А если лишний вес взяли? Весов здесь нет. Вы представляете?!... Странно – все молчат!

– Следующий рейс завтра. И не факт, что билеты будут, – невозмутимо заметил Камиль. – Не идиоты же они, знают свой резерв... Поздно уже задний ход давать.

Мартин умоляюще глядел на Савина. Андрей поднялся, прошёл к кабине пилотов и постучал с надеждой добыть решающий повод остаться, не лететь. Выглянула стюардесса, показался в дверях кто-то ещё из членов экипажа. Через минуту Савин был на своём месте: «Сказал им, что летит представитель важной делегации Евросоюза, беспокоится насчёт перегрузки.

Говорят, согласован дополнительный груз – в пределах допустимого, не волнуйтесь... Уверенно говорят».

Голландец тоскливо дослушал и отвернулся обречённо к иллюминатору.

Самолет взлетел, стал набирать высоту. Савину казалось, что подъём Яку даётся нелегко, явно с натугой. Большой вес, избыточный, – крутилось в голове. Пытался сбить тревогу успокоительными рассуждениями, но сердце их полностью игнорировало – лупило вовсю. Не зря металось. При едва уловимой перемене скорости зад Яка вдруг заметно просел, а носовая часть приподнялась, да так, что салон хором охнул. Лётчики что-то предприняли, и с крайним напряжением, которое выдавала сильная вибрация, положение выправилось. Скоро ситуация повторилась. Пассажиры переполошились. Недавно хладнокровный Камиль вдавился глубоко в кресло, нервно стискивал подлокотники. А в глазах Мартина и Савина с равной экспрессией отплясывал страх: опасения и дурные предчувствия оправдываются; это лишь начало; сомнений нет – самое ужасное близко. По громкоговорителю стюардесса сообщила о сильном встречном ветре и порекомендовала не расстегивать ремни безопасности до полного набора высоты. Голос экипажа отчасти приглушил волнение в салоне. Ни Андрей, ни Мартин ему, однако, не поверили. «Врёт, стерва», – прошипел гневно Савин.

После третьей зловещей полуприсядки Яка в салоне возник знакомый пилот. Неспешным, прогулочным шагом он направился к багажному отсеку. Савин едва не набросился на бессовестного «сокола». Одно удержало: тот рулил хоть и шатким, надрывно ревушим, но всё же летящим Яком. В момент пилот вывел за собой в салон «челноков» – всего тринадцать человек. По преимуществу это были каракалпаки – на вид скорее крестьяне, собравшиеся в город за покупками, чем торговцы. Они расселись в проходе на небольших сумках, прихваченных с собой; сосредоточились в передней части салона. Лётчик, вожак следивший за их передвижением, одобрительно кивнул и исчез в своей кабине.

Встрепенулс вдруг голландец: «Нельзя ли попросить спиртного покрепче?» – простучал он зубами.

– Здесь воду давно не подают, – буркнул сипло Андрей, – а ты – спиртное.

– Мужики! – обрадовано нырнул к себе в сумку Камиль, – забыл, ишак. Я ж в Нукусе пузырь виски взял – дешевле, чем в Ташкенте.

Он вытащил бутылку ёмкостью 0,7 л. Про стаканы никто не вспомнил. В минуту бутылка разлилась в три глотки.

Савин закрыл глаза. Ждать пришлось недолго: дрожь затухала, стал различим пульс, отступала паника. И Як перестал приседать: то ли передислокация «левого» груза помогла, то ли забрались на нужную высоту и летели уже с постоянной скоростью. Андрей повеселел: «кажется, пронесло». Скосился на Мартина. Порозовевший голландец с интересом разглядывал своих новых безбилетных соседей.

– Живём, Мартин, – улыбнулся Андрей.

– Что вам жизнь! – неожиданно резко откликнулся тот, – на чужую плевать, своей не дорожите. Глупый риск... И с природой так же. Угробили море, выбросили людей вон...

Андрей разозлился:

– А тебе дома не говорили, что ехать работать сюда – глупый риск?

Голландец осёкся, замолчал. Но подогретому Савину хотелось потолковать, отвлечься от полёта – лететь ещё минут сорок.

– Значит, говорили. Но ты здесь. Так что мы с тобой ближе, чем ты думаешь. А море... Ты зол – и оценка злая, неверная. Сам знаешь отлично: Арал – большая трагедия, тяжёлый выбор.

– Дурной выбор.

– Ничего подобного, – вынужденный! И вполне в западном стиле... Чем лучше, скажи, была вырубка лесов в Европе? Почти все извели. Разве что во времени процесс растянулся, а Арал иссох на глазах одного поколения... Росли числом европейцы, добывали древесину, расчищали землю под пашню, деревни, города. Нужней им была земля без лесов, выгодней. И секли их, не глядя, что кормили они кого-то, были чьим-то домом, природой живой... Горевали, наверно, по зелёнке, как не горевать. Но жить-то надо, и желательно получше. Секли да резали, резали да секли... И у Арала воду забрали туда, где она нужнее оказалась, где выгоды от неё больше – «де жа вю», не иначе, и «се ля ви».

– То давно было. Теперь мы леса возвращаем местами, живность там разводим, парки новые разбиваем.

– Так время пройдёт, и Арала восстановление начнётся.

Спор разошёлся, отскакивал в новые темы и продолжался, пока наконец Камиль не толкнул Савина в плечо: «Садимся». Через несколько мгновений Як уже мягко коснулся бетонного полотна, заревели с удвоенной силой тормозящие моторы.

Англичанин Майкл Лоутон работал консультантом-экономистом в длительном проекте по поддержке рыночных реформ в сельском хозяйстве Средней Азии. Деньги выделил опять же Европейский Союз, а сводился проект к выработке рекомендаций. Лоутон поначалу исправно пропагандировал европейско-американский опыт, отрабатывая хорошую зарплату, как и большинство зарубежных спецов. Но, вникая потихоньку в аграрные дела региона, стал корректировать свою позицию – не без помощи местных кадров, понятно. В конце концов и вовсе выступил против поддерживаемой проектом «фермеризации» – дробления действующих крупных сельхозпредприятий на мелкие. Цифрами доказывал, что она обернётся ростом производственных затрат, что не перекроется удорожание производства эффектом от усиления конкуренции. В итоге поплатился: европейские начальники уволили отступника до подготовки финального отчета.

По истечении одного из промежуточных этапов проекта ташкентские участники организовали небольшой стол и пригласили Майкла с переводчиком. Когда водка уже поработала, сблизила и выровняла, агроном Назир Эргашев задал Лоутону заготовленный наверняка заранее вопрос: «Майкл, а вы там у себя собираетесь так на работе: посидеть, поговорить по душам?». Зная прямогу англичанина, Назир предвидел, что тот ответит и приготовился прокомментировать. Майкл всё понял и подыграл: «Нет, по существу, – у каждого свои дела, проблемы». Удовлетворённый Назир воскликнул: «Как же вы там живёте?!».

«Поэтому я там и не живу», – улыбнулся озорно Лоутон.

**Александр
ЛАНЦОВ**

БЕРЕЗКИ

Здесь стояли березки,
Здесь прохлада была.
Их спилили на доски
Или нет, на дрова.

Кровожадно стучали
по сучкам топоры,
А березки рыдали
Соком из-под коры.

Их потомки, их дочки
Через год по весне
Распустили листочки
На опиленном пне.

Наливаются силой
Материнской любви,
Будут так же красивы.
А потом будут... пни.

ДО И ПОСЛЕ ТЕБЯ

До и после тебя
Мне, как денег, тебя не хватало,
До и после тебя
Я в других находил только ложь.

Как страницы поэм
Осень ветрами листья листала,
В пустоцветье сирени
Хлестал с беспощадностью дождь.

До и после тебя
Стало все безразличным, никчемным.
До и после тебя
О других не могу говорить.

Я не верил, не знал,
Что соседствует белое с черным
И что черные пятна в себе
Нелегко обелить.

Деревенька у речного моста,
Тонкий профиль, золото волос.
Выбросить из памяти не просто,
Что у нас с тобою не сбылось.

Холодом река под вечер дышит,
Этот холод вечер зачерпнул.
Почему же тот, кто судьбы пишет
Наши просто так перечеркнул.

Вновь березы пьяные от мая,
Нам ветвями машут, как рукой,
Только ты другая, не такая,
Да и я, наверно, не такой.

Ты довези нас до станции «Детство»,
Сколько, скажи, за билет заплачу,
Чтобы в колодез опять поглядеться,
Снова вернуть всё и вспомнить хочу.

Но понапрасну я мерил перроны,
Ждал, догонял и опять отставал.
Часто встречал, провожал эшелоны.
Этот, выходит, меня миновал.

Видно, билетов туда не осталось,
Проданы все или отданы так.
Сколько угодно – до станции «Старость»,
К станции «Детство» – идет порожняк.

Отоснились золотые сны,
Мы живем не чувством, а расчетом,
Только иногда нахлынет что-то
Из прожитой в юности весны.

Защемит, занует, позовет
Босиком промчатся вновь по лужам,
Позабыть, что стал отцом и мужем.
Позовет, поманит и... пройдет.

А в деревне, где когда-то жил,
Также соловьи поют ночами,
И играют девушки очами
Но не те, с которыми дружил

Те давным-давно уже не те,
Им в любви другие объяснились,
Их черты забылись, отоснились,
Растворились в праздной суете.

Отзвенела молодость,
Улетела птицею,
Не растопишь холодность
Вспыхнувшей зарницею.

Мы ушли из юности,
Не минуем старости.
Стало больше мудрости,
Стало меньше радости.

К юности безоблачной
Все мосты разрушены.
Как давно мы полночью
Соловья не слушали!

В прошлом ночи лунные
И цветы весенние,
И другие, юные,
Влюблены в Есенина.

Нас цветы черемухи,
Как тогда, не радуют.
Ближе листья желтые,
Что под ноги падают.

Отцвело, осыпалось,
Что прошло – не сбудется,
То, что раньше грезилось,
Нами не забудется.

Об ушедшей юности,
Улетевшей птицею
Говорю я дочери
Летнею зарницею.

О РОССИИ

Из оврагов выплеснулись тени,
В сумерках взметнулись к небесам.
Кто-то ищет славы, кто-то – денег,
Я чего ищу – не знаю сам.

Мне б погреть ладони в русской печке,
Мне б вдохнуть июльскую зарю,
Подглядеть, как бабы на крылечке
Вспоминают молодость свою.

Лишь в России брошенные хаты,
Церкви без икон и без крестов,
Лишь в России бедностью богаты
Королевы в платьице простом.

1993 г.

Галина
ВИНОКУРОВА

К 300-ЛЕТИЮ ОРУЖЕЙНОГО ЗАВОДА

Непобедим дух созиданья
Творцов земли родной;
Претворены в жизнь ожиданья
Людей, спасавших жизнь, покой...

Покой, чтобы земля рожала,
Чтоб небо радовало синевой,
Чтоб сталь булатного кинжала
Взор восхищала красотой...

Ковали триста лет оружие,
Держали город на замке,
Очаг хранили жёны, суженные,
По жизни шли рука в руке...

След в памяти людей оставили,
Застыли в бронзе на века...
Левша и кузнецы бал правили,
Блоха подкована наверняка.

По Петрову приказу возник
Город славы, героев, оружия;
И стоит на земле, как гранит,
Крепость-памятник,
Окаймлённый чугунным кружевом.

Заводских корпусов не счесть –
Знает в городе каждый прохожий;
Тульский Левша бережёт честь –
Нет для него ничего дороже.

Нет дороже результата труда,
Нет дел ненужных и малых;
Каждый приходит трудиться сюда,
Встать в первых рядах, не в отсталых.

Проходит время в поворотах судьбы,
Годы труда итожит...
Главное знать –

в этом труде я и ты...

Вместе мы честь преумножим.

Дмитрий
РАКИТИН

НЕБЕСНОЕ ОКОШКО

Посвящается моей внучке Даше

Вчера мне исполнилось три месяца. И вижу, чувствую, какой меня окружают необыкновенной любовью и мама, и папа, а уж бабушки особенно, прямо как дети. Я только начинаю привыкать к этому земному миру, но сколько в нем странного и непонятного для меня.

Вот вчера, например, увидела я друзей своих из того мира, где я раньше жила. Летают они надо мной, к полку поднимутся и так поют, и весело смеются, я руки к ним тяну и тоже смеюсь. А бабушка за мной наблюдает и говорит: «Это ангелы с ней играют». «Ну, какие, — пытаюсь сказать ей, — ангелы, это же мои друзья пришли ко мне в гости». Не понимают меня совсем. А друзья уже прощаются со мной, а мне грустно, что так не долго побыли со мной, но я знаю — они скоро опять придут ко мне в гости.

А вечером укладывалась я спать, мама меня убаюкивала, я же глазами водила по сторонам, спать совсем не хотелось. И вдруг увидела иконку, а на ней матушка моя небесная внимательно и строго смотрит на меня. Я так удивилась!

— Как ты тут живешь-поживаешь? — спрашивает меня матушка. — Хорошо ли? Меня не позабыла ли?

— Да как же забыть свою матушку, — отвечаю, — я тебя никогда не забуду! Но только я не пойму, — интересуюсь я у ма-

тушки, – ты и там была с нами, и здесь, на земле, тоже нас не бросаешь?

– Ничего, – улыбается мне матушка, – скоро поймешь. А со мной встретишься всегда, когда захочешь: посмотри на иконку, подумай обо мне, и я обязательно приду. Поняла? Ну, баюшки давай, а то вон у мамы твоей глаза слипаются от усталости.

И песенку запела мне такую нежную про небо, звезды, солнце, песенку такую ласковую, что я перестала смеяться, глазки у меня закрылись и я уснула.

Вчера в парке гуляла. Была хорошая, теплая погода, меж белых мутных облаков, проглядывало серебряное солнце, а бежавшие облака все время скрывали синеву. Я так расстроилась! Ведь тучи прятали моих друзей, которые улыбались мне, махали ручками, делали веселые рожицы. А дед, он возил меня в коляске, смотрит на меня и успокаивает: «Ничего Даш, это осень пришла, редко теперь будет светить яркое и жаркое солнце. Потерпи до весны, тогда твои друзья почаще будут к тебе приходить». Молодец дед – говорю я ему, понял меня и успокоил. Смотрю с грустью на голые осыпавшиеся деревья, смотрю на серое небо – ни единого просвета на нем, и прошу солнышко, ну выгляни, выгляни хоть на минуточку! Уж так прошу, что и разреветься готова! И тут вдруг тучи расступаются, открывается в небе синее ломанное окошко, в котором показалось в мутном ореоле солнце, а по краям окошка мои друзья смотрят на меня. Как я обрадовалась! «Спи, спи, подружка» – говорят они мне, это мы попросили солнышко открыть небесное окошко, чтобы сна тебе крепкого пожелать, мы еще вернемся! И уснула я сладким, крепким сном.

А проснулась я от колючего укола ветра. Он таким холодом обжег мое лицо, что я даже перепугалась и от испуга открыла глаза. А дед мне и говорит: «Ничего, Даша, мы обманем ветер и спрячемся от него». Он поднял верх коляски и укрыл меня от ветра. Я благодарно улыбнулась деду за то, что он понял меня, и подумала, что и этот мир наполнен любовью такой, какая была в нашем небесном мире.

Дед же между тем собрал букет осенних листьев, ярких желтых, красноватых, зеленых еще, положил рядом с моей подушкой. Повеяло на меня холодом, прелью, и грустно мне стало,

а дед тоже грустен. А я знаю, о чем дед думает и о чем грустит. Деревьям, траве, цветам надо отдохнуть, сколько тепла, радости и любви подарили они людям! Они же тоже устали, им тоже надо отдохнуть. А я думаю: «У нас вечная весна была, вечное солнце и вечная радость. А тут и ветер злой может дунуть в глаза, и капля дождя упадет на лицо и обожжет, и солнце надолго спрячется».

Такого я еще не знала и не чувствовала никогда! Да здесь, на земле, такие чудеса! Вижу, чувствую, что еще многие тайны придется раскрыть мне.

И что такое слезы, я не знала. И помню, как мама кричала, когда я родилась, а я летаю над ней, ничего не пойму, летаю и успокаиваю маму. «Ну что же ты плачешь», – говорю ей, – ведь я же здесь, рядом, слышишь? Я кричала ей эти слова в самое ухо, и мама вдруг проснулась, повертела головой, прислушалась к моему голосу и улыбнулась. Ну, думаю, услышала наконец! А мама прижала меня к себе, успокоилась, облегченно вздохнула. У меня вдруг тоже слезы, неизвестно от чего, стали наворачиваться на глаза, да мама меня убаюкала, и я уснула. «Улетела в свой небесный мир», – рассказываю своим друзьям, а они только головами недоуменно и недоверчиво кивают. «Слезы, а что это такое? – спрашивают они. – Осень, а что это такое?» – опять спрашивают. А я пытаюсь им объяснить, да все бесполезно. «Ах, в каком счастливом мире ты живешь! – радуются мои друзья, – ты только нас не забывай, приходи к нам, рассказывай, какая там жизнь в земном мире».

Люди почему-то называют нас ангелами, но они ошибаются, глубоко ошибаются. Мы такие же живые души, только в другом мире живем, и что у каждого человека есть свой ангел в нашем мире, просто люди почему-то забыли об этом. Так часто бывает. Вот моя душа вливается в человеческое тело, привыкает к нему, и связь с небесным миром постепенно теряется. А жаль! Вот я уж точно никогда не забуду своих небесных друзей! Посмотрю на мамушку внимательно, она и поможет мне встретиться с ними.

Наверное, меня сейчас не совсем поймут, но я постараюсь объяснить, что такое ангелы. Вы представьте себе щебетание птиц в весеннем и летнем лесу, которые поют на разные голоса. Вот такие и ангелы, как эти птицы. Так что теперь понятно всем: слушая птиц, вы беседуете с ангелами.

А тут недавно со мной такой ужасный случай произошел, такого я страха натерпелась, что и словами и телепатически не передать. Да спасибо матушке, она пришла ко мне на помощь. Но обо всем по порядку.

Уже несколько дней, как я не гуляла в парке. А тут приехали мы с мамой к деду, я ему и говорю: «А гулять пойдем?». Он меня сразу понял, стал одеваться. Сразу хочу оговориться, потому что меня многие не поймут: беседуем мы с дедом телепатически. По крайней мере, в нашем небесном мире все так говорят, а вот из моих родных мало, кто понимает такой язык, только один дед умеет со мной говорить.

Ну вот, пошли мы с дедом гулять. Было тепло, светило солнышко, я глазела в восторге по сторонам. В центре парка стоял фонтан, круглый, большой, из чаши фонтана струйкой поднималась к небу вода, падала в чашу обратно, разбивалась на тысячу капелек, таких ярких, то синих, то желтых, то красных. Просто глаз не оторвешь! От этого фонтана как лучи, расходились аллеи: одна липовая, другая березовая, а третья аллея из темно-зеленых елочек была.

Липовая аллея самая широкая, в середине ее росли клумбы с цветами, асфальтированные дорожки по сторонам. Липы были посажены густо, поднялись они высоко к небу, сохранившиеся на верхушках листья тянулись ровной рыжеватой полосой в небе. Прогулялись мы по липовой аллее, потом по березовой, и уже завернули в ту, где темно-зеленые елочки стояли.

Между тем солнце скрылось, появился вдруг холодный, злой и напористый ветер и задул с такой силой, что подхваченные ветром листья, взлетели над землей, закружились в таком быстром танце, что я не на шутку напугалась. Я взглянула на деда, он понял, что я перепугалась, развернул коляску, чтобы ехать домой. Ветер же все усиливался, из почерневшего резко неба стали падать крупные пушистые снежинки, все больше и больше их падало на мое лицо, и тут уж я совсем затряслась от страха, стала кричать. «Слушай, Даша, — успокаивал меня дед, — это лесовик пошалить решил, да он добрый, не пугайся». Да какое там не пугайся! А если этот шалун-лесовик вздумает забраться ко мне под одеяло? Раз он шалун, ему это ничего не стоит!

Всю дорогу, пока мы ехали домой, я ревела, и только когда зашли в дом, стала успокаиваться. «Ну вот, – говорит дед, – матушка прислала тебе живой водицы, мы тебя ею умоем, и мигом все страхи пройдут». Стала меня мама умывать водой от матушки, лицо, носик, глазки и голову протерла. А я вдруг почувствовала, что это руки моей небесной матушки умывают меня. Она каждое утро всегда умывала нас такой водой. Взглянула я на икону с матушкой, она улыбнулась мне и прошептала: «Привыкай, дочка, к земной жизни, а к тебе я всегда приду, когда надо будет. Теперь убедилась в этом?».

ЯВЛЕНИЕ ХРАМА ИЛИ ИОАНН ТУЛЬСКИЙ

В каком-то неразбуженном царстве. В полусне все это происходит, неясно, где происходит, но происходит в далекой, только интуитивно постигаемой земле. Неведомое снится. Я пытался все это запечатлеть, некие контуры моего волшебного царства, но все уходило, уплывало, исчезало.

Как совершается постижение мира? И кому и кем это дано? Из маленьких картин-размышлений, которые собираются в душе, может сложиться яркое мозаичное полотно, как бы цветами и травами расцвеченный лик земли и сама обнаженная душа.

Неожиданными толчками вдруг озаряется светом душа, и тут же ее хочется высказать, выплеснуть людям то, что она открыла и увидела.

Иду по глубокой котловине, где в самом низу по каменным перекатам бурно и шумно бежит Осетр. Из самого основания горы, из-под земли бьют десятки ключей, заросших кустарником, облепленными разноцветными тряпочками. Дальше вода собиралась у деревянной часовенки, внутри которой бассейн с ледяной водой, куда окунались верующие.

Святой источник 12 ключей известен не только в вневской округе, но хорошо знают его и по всей Тульской земле. Появился он, по преданию, в год Куликовской битвы, где погибли двенадцать воинов из деревни Свиридовки. С тех пор источник считается святым, а вода его обладает целебными свойствами.

Так получилось, что паломников в это время не было, и я оказался один. Впрочем нет, не один. Не доходя до часовни увидел, что на скамеечке сидел старичок с худым аскетическим лицом, крупными пронизывающими глазами. Я приветливо поклонился старику, он мне улыбнулся и неспешно направился к часовне. И тут, к своему удивлению, у иконостаса, собранного из крестов, бумажных иконок, я увидел черно-белый портрет старца, мимо которого я только что прошел. Я невольно оглянулся, но на скамейке уже никого не было. Прочитал надпись под иконой – святой Иоанн Тульский, годы жизни 1773–1849 гг. Но кто он, Иоанн Тульский, и почему привиделся мне?

Позже, в одном из энциклопедических справочников я узнал несколько больше о святом. Котельников Иван Степанович родился в богатой купеческой семье. В молодости занимался торговлей, да по благословлению юродивой и старицы Ефросиньи стал на путь юродства Христа ради. Обладал даром прозорливости и чудотворения. Предсказал пожары 1834 года, холеру в Туле. По его молитвам получают исцеление от многих недугов, пороков, особенно пьянства. В 1990 году состоялось обретение его мощей, находящихся сейчас в храме «Всех скорбящих радость» в Туле на улице Мосина, на территории АК «Туламашзавод». День памяти – 25 января, день обретения мощей – 3 августа. Таковы краткие сведения об Иоанне Тульском, Блаженном и Чудотворце.

Оказывается, святой подвижник побывал во всех храмах и святых местах Тульщины, многократно молился иконам в храмах Тульского кремля. Ну а святой источник 12 ключей особо чтился Чудотворцем, поэтому память о нем хранилась долгие столетия, поэтому и икона его здесь.

Почему привиделся мне Иоанн Тульский?

Что-то широкое, вольное, просторное в душе. Что-то могучее, бесконечное во времени и пространстве. И в видениях подобные ощущения. В моем деревенском доме храм духа. Храм, о котором давно мечтал, думал, в сознании строил. Но вокруг этого храма кипят страсти, восстают против него черные силы, противодействуют его явлению. Идет непримиримая борьба между черными и светлыми силами. Борьба, кажется, невидимая, безмолвная, но

жестокая, принципиальная. Я внутри этой духовной борьбы, я вижу, чувствую, понимаю ее смысл, стою крепко и уверенно, понимая, что злу все же не победить светлые начала.

Конечно, вся эта борьба идет в душе, хотя в видении храм вырастает прямо на глазах, живой, борющийся духовный организм.

Отчего в моем доме явился храм? Думаю, совсем не случайно. У меня уже есть макет этого храма, он настоящий, действующий, и он принимает сигналы вселенной, он действует, он живет полнокровной жизнью. Он наполнен людьми, живыми людьми, он наполнен светом.

Храм высок, вознесен к небу, хотя в реальности, кажется, высота его небольшая. Но духовные его пределы расширены до невозможной высоты, а храм все растет и растет.

И в одиноком размышлении о явлении храма многое открывается и постигается: сама православная традиция про одинокое постижение Бога. Отшельники, монахи, пустынники – яркий тому пример.

Я – не монах и не отшельник, но в моих генах кровь моих предков, служивших в знаменитой Глинской Пустыни, которая была открыта еще в 16 веке. Выжил этот монастырь и в сатанинские времена, хотя моих предков никого уже в живых и не осталось. Но мои бабушки и дедушки разной степени родства сумели передать мне память о предках, даже фотографию одного из них, отца Василия, сохранили. Я ее сохранил в лихие годы странствий, со мною она и сейчас.

Память о храме передана мне, мне же поручено возродить его. Теперь я это понимаю.

Смутные воспоминания прошлого обретают реальные очертания. Храм строился с моим рождением и невидимо для меня, для моей физической сущности. Но где-то в четырехлетнем возрасте я увидел этот храм издали, забравшись на высокий тополь у дома. И в степи, на курящемся горизонте, вырос он, сотканный из света и золотых лучей солнца, храм как бы курился, трепетал, пока не растворился в синеве. Я это запомнил на всю жизнь.

Это воспоминание о видении храма являлось ко мне не всегда, оно приходило и уходило, я же мучился видением храма до жесткой душевной боли.

Потом я искал храм по всей необъятной русской земле, посетил многие православные святыни Руси. И везде я находил следы храма, но только следы, своего же, родового храма, я не находил – он не открывался мне.

Я еще не знал, что этот храм придется искать мне всю жизнь, пройти через ошибки, отступления, заблуждения. Но я твердо верил, что он явится мне, мой родовый храм, во всей небесной красоте, изяществе и величии.

И вот он явился, и все же еще не такой, каким я видел внутренним зрением. Это только попытка явления храма, всего лишь попытка. Потому что мне еще не дано войти в него, не готов я проникнуться его вселенской сущностью и бесконечностью. Но я уже близок к тому, чтобы войти в этот храм, уже видимый и осязаемый, и как храм наполнится слепящим невыразимо светом, так и моя душа сольется с Богом, и я открою для себя свет мира.

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

Я проснулся после полуночи. Светила яркая луна. Свет ее был нестерпимо ярок, и сон быстро ушел от меня.

Я стоял на крыльце, смотрел на серебряное сияние холодного мертвого света, на замершие деревья, на стену леса вокруг меня, черную, затаившуюся стену.

Я сошел с крыльца. Луна спряталась за огромным разлапистым дубом, отбрасывавшим на меня бледную тень; луна то появлялась, то исчезала меж листьев дуба.

Повалившаяся, чуть влажная трава обжигала холодом, и хоть было за двадцать тепла, меня пронизывало влагой и ночной прохладой, начинал бить озноб.

И тут я увидел, что на бетонной дорожке извивается, крутиться клубок ужей. Их было так много, что я оторопел. «Откуда, с чего это?» – подумал я, они появились, да еще в таком множестве, да еще без боязни лежат передо мной копошащимся клубком. Ведь обычно, завидев человека, они старались спрятаться в свои норы, а тут спокойно лежат – играют ли, отдыхают ли при свете луны, но на меня не обращают ни какого внимания

и нисколько не боялся. Различимы были только их желтые головы, яркие и будто мигающие как знаки светофора.

И тут я заметил, что ужи замерли, застыли, как бы онемели, повернули головы в мою сторону. Я кожей ощутил это множество взглядов, устремленных на меня, и еще почувствовал, как мне нестерпимо хочется подойти к ним поближе. Притихшие были ужи стали расплетать свой клубок и поползли ко мне, к моим ногам. Я чувствовал, как мои ноги покрываются чем-то влажным, ледяным, липким, но будто замороженный их взглядами, двинуться с места не мог, стоял как бы обмерев, не чувствуя при этом ни ужаса, ни отвращения, что обычно появляются у человека при виде этих гадов.

Между тем ужи поднимались по моим ногам, уже оплели поясницу и поползли все выше и выше. Самое интересное, что клубок этот не уменьшался, ужей становилось все больше и больше, я же дивился тому, откуда они появляются в таком бесконечном множестве.

Ужаса и страха я не испытывал: был, видимо, в каком-то онемении, когда тело перестало чувствовать и реагировать на внешние раздражения. Я только видел серебриющийся огрызок луны, видел черную стену леса, темно-синее, с бледными звездами небо, бледные тени на траве от деревьев.

Мне подумалось: начнут ли они меня душить, когда подберутся к горлу, или все же уйдут в свое логово, туда, откуда они появились?

И вдруг ужи разом зашипели, подняв свои головы, потом резко затихли. Я чувствовал все это своим телом, не понимая, что случилось, стал осматриваться.

И тут увидел, как от дуба в мою сторону катилось что-то черное, крупное, похожее на сплюснутый шар. Ужи стали соскальзывать с меня, и извиваясь, клубясь под ногами, поползли навстречу неведомому чудищу, притягиваемые к нему магнитом. Я видел, как они наползали на это чудище, как быстро исчезали, будто растворялись в нем. Так продолжалось до тех пор, пока ни на мне, ни рядом не оказалось ни одного гада.

Я недоумевал, смотрел на бледный огрызок все так же ярко светящей луны, всматривался и вслушивался в мертвенно желтую черноту ночи.

Чудище стало приближаться ко мне, оно то ли перекатывалось, то ли семенило маленькими ножками, в темноте я не мог этого понять, и вот оно замерло у моих ног.

Я не мог ни сообразить, ни подумать, что же мне делать дальше – онемение не проходило. «Но что это было за чудище?» – пытался я угадать. Почувствовав уколы на ногах, мне показалось, что это обыкновенный еж. Но он был столь крупен, что я недоумевал: а могут ли быть такие ежи? Раньше я слышал и читал о мутации, знал, что такое случилось в Чернобыле, где появились на свет подобные монстры, но встретиться самому, да еще наедине с подобным мне казалось невозможным.

Еж, или какое-то неведомое существо, развалилось мирно у моих ног: то ли уснул, то ли просто притих, переваривая столь огромное количество ужей.

И вдруг я ощутил неведомый трепет в душе, почувствовал, как подрагивают руки, ноги, как покалывает все тело. Я впал в еще большее оцепенение, уже совсем ничего не чувствовал и то же время чувствовал, как растворяюсь, таю, исчезаю.

В последний момент я увидел серебряный бесстрастный огрызок луны, серое небо, тающие звезды, уже приближалось утро, сам же я таял, исчезал, сливаясь с этим чудищем. Свет померк у меня в глазах, потому что я понял, что исчез, что меня нет как этих недавно оплетших меня гадов.

**Мария
НАУМОВА**

СКРИПАЧ

Его вызвали в управление к десяти часам утра. Он провозился с отчетом, и сейчас была дорога каждая минута. Оставалось проехать три остановки, как автобус неожиданно заворчал, запыхтел и... остановился, словно утверждая давно замеченную закономерность: когда в запасе нет времени, все идет к тому, чтобы непременно опоздать.

Он тронул за плечо стоявшего рядом молодого человека:

– Будьте добры, подскажите, который час?

Руки юноши были заняты тяжелым портфелем и скрипкой, но он любезно поднес руку, разрешив этим посмотреть время. На часах было без пятнадцати минут десять.

Поблагодарив, он уже собрался выйти из автобуса и дойти пешком, если не попадется другого транспорта, как вдруг, неожиданно для самого себя, понял, что туда он опоздает и, вероятно, ни на один час. Смутное, едва осознанное волнение охватило его. Нет, он не мог ошибиться: на безымянном пальце незнакомца был его, Павла Сергеевича, доставшееся еще от дедушки, дорогой перстень ручной работы.

Уже третий квартал он шел за скрипачом, боясь выдать себя. Ему за пятьдесят лет ни разу не приходилось бывать в таком нелепом положении: следить за человеком. Сейчас же он клял себя за трусость: надо было сразу подойти и объясниться с юношей. Щемящее волнение заполнило его так, что он едва перево-

дил дыхание. Стройная фигура скрипача двигалась медленно. И от этого Павлу Сергеевичу труднее было идти, так как ноги, помимо его воли, догоняли владельца старинного перстня...

Через несколько минут Павел Сергеевич стоял перед профессором консерватории, в двери которой только что зашел скрипач.

– Что Вам угодно? – начал профессор, по-видимому, очень спешивший.

– Что Вам угодно? – повторил он более настойчивым голосом, но, видя побледневшее лицо посетителя, сказал мягче:

– Я Вас слушаю, – и предложил сесть.

Но Павел Сергеевич лихорадочно обдумывал вопрос, вряд ли слыша это приглашение. Продолжая стоять, он тяжело вздохнул и, наконец, решившись, спросил:

– У Вас учится Иванов?

– Видите ли, – смутился профессор, – у нас два Ивановых. Вас который интересует?

– Вероятно, Сергей, – чуть слышно проговорил он, пряча дрожащие руки за спину, – черноволосый такой.

Профессор поднялся из-за стола, снял очки и попросил:

– Да Вы присядьте. – Усадив гостя напротив себя, продолжал. – Так что же он натворил?

– Нет, нет, ничего. Извините за беспокойство. А нельзя ли мне его увидеть?

– Пожалуйста. Только через полчаса у нас начнется концерт. Ваш Иванов выступает первым. Талантливый юноша. Пойдемте, я Вас провожу.

– Извините. Все так неожиданно для меня, – комкая вторую, не зажженную сигарету, сказал Павел Сергеевич.

– Тогда посидите, а я сбегаю посмотреть, все ли готово. И зайду за Вами, – и в дверях добавил, – да Вы закурите.

...Павел Сергеевич напряженно ждал, когда выйдет на сцену Иванов и, услышав, наконец, его фамилию, внутренне вздрогнул, и с какой-то боязнью поднял глаза на скрипача.

Скрипка тонко и грустно запела, невыносимой болью затрагивая давно, казалось бы, зарубцевавшиеся раны. Из потаенных уголков его памяти с невыразимой быстротой и ясностью вставали далекие счастливые дни двадцатилетней давности.

Музыка переполняла его. Хотелось вскочить и прервать ее, уйти из этого людного зала и заплакать, как он по-детски плакал в ту пушистую зимнюю ночь, когда неизвестно куда вдруг уехала его любимая Анка.

У них были неповторимые дни счастья. Предновогодний месяц любви, тревог, надежд, рассветы и встречи, без которых они уже не мыслили дальше. В знак верности он надел на ее тоненький палец дедушкин перстень. Они мечтали, что его будет носить их сын. А потом, потом она втайне уехала, не оставив даже адреса. Через два месяца он получил коротенькое письмо через знакомых, где она просила не искать ее, что он должен воспитывать своих дочурок. И вот уже двадцать лет, как в душе его поселилась гнетущая пустота. Он пытался забыть ее, и время вылечило бы, если бы не память сердца...

А сейчас перед ним на сцене стоял во весь рост его сын, его мальчик, о существовании которого он не знал до сегодняшнего дня...

Павел Сергеевич только на улице почувствовал, что щеки его были влажными. Он почти бежал в центр города, но потом, вспомнив, что адресное бюро на углу консерватории, вернулся обратно. Через пять минут он держал справку о местожительстве Ивановой Анны Николаевны. Остановив такси, он поехал по адресу, боясь не застать ее дома.

Дверь открыла ему она, его Анка...

Она была все такой же очаровательной, только немного располневшей, что ее не портило, а веяло домашним уютом, да синева глаз приобрела какую-то незнакомую для него выразительность и глубину. Все те же русые волосы, аккуратно убранные в локоны, спадали на плечи. Он молча изучал ее, стоя на пороге, и не мог приостановить бешеного биения сердца.

А она после длительной болезни не могла найти силы, чтобы вот так долго стоять перед ним. Ноги подкашивались. Перед глазами все плыло... Этого мгновения она ждала двадцать долгих лет, ждала и боялась. К ней никак не приходили слова, которые надо было сказать ему.

Он вдруг шагнул ей навстречу и обнял так крепко и так нежно, что как она не крепилась, слезы все-таки брызнули из синевы глаз.

– Анка, Анка! Милая, как ты могла? – шептал он, целуя ее волосы, плечи, глаза, – Аистенок мой! зачем молчала?.. Слезиночка моя. Родничок мой чистый! Сына ведь с отцом разлучила на годы!

– Сын мой! – почти вскрикнула Анка, теряя сознание.

...Она с трудом открыла веки. Пахло камфарой, и еще что-то резкое било в нос. Около нее сидел врач.

– Вот и хорошо, – проговорил он, – теперь молчать, дорогуша, и только молчать!

– Сережа, – чуть слышно позвала она сына и снова провалилась в страшную бездну...

Павел, Сергей и доктор не отходили от нее всю ночь. Только к утру ее пульс стал ровнее, и мужчины могли спокойно перекурить.

– Павел Сергеевич, Вы сказали, что с мамой учились еще в школе, – начал разговор некурящий Сережа, – но я Вас где-то видел? И недавно.

– Мы сегодня утром вместе ехали в одном автобусе и, к сожалению, больше не встречались.

– Это я помню. Но где же еще, где?

Он перебирал в памяти многие дни и встречи, но так ничего пока не мог вспомнить. И все-таки он где-то же видел этого рано поседевшего мужчину с такой приятной улыбкой?.. Улыбкой. Улыбкой! Да, точно, это он! Он! Настенька показывала свои фотографии и на одной из них была с отцом. Он тогда еще сказал, что у нее милый батя.

– Павел Сергеевич, – заикаясь, робко спросил Сергей, – Настенька Ваша дочь?

Павел Сергеевич приготовился к самому прямому разговору, но что он примет такой поворот, предположить не мог. Он поперхнулся дымом и долго кашлял.

Доктор, решив, что ему, старику, здесь пока делать нечего, выбросил в пепельницу свою так и недокуренную сигарету, попрощался и ушел, пообещав навестить Анну Николаевну часа через два.

– Значит, вы с Настенькой дружите? – закрыв дверь за Иваном Васильевичем, Павел Сергеевич продолжил разговор.

– Да.

– Давно?

- Скоро год.
- Так. И любите?
- Да. Вернее, я люблю, а она... тоже любит.
- Вот оказывается, какие оглобли?! – он положил руку на сыново плечо.

– Мама знает?

– Конечно. Я их знакомил, – смутился Сергей, не зная, как расценить этот вопрос.

– И что же мама?

– Ей Настенька понравилась, только почему-то, как мне показалось тогда, вздрогнула, услышав ее фамилию. Когда я проводил Настеньку, и мы остались одни, я показал ей ту фотографию, где Вы с дочерью вместе. Помню, мама долго и странно разглядывала снимок, отложила его в сторону и сказала:

– Хорошая девушка. Только вот расстаться тебе придется с ней. И надолго. Меня переводят в Москву. Мы на днях уезжаем. После твоего отчетного концерта. Пока проживем у моей подружки, кстати, рядом с консерваторией, а там и квартиру дадут – пообещали.

– Для меня это было настолько неожиданно и непонятно: мы с Настенькой договорились подать заявление после выпускных экзаменов в консерватории, что я сгоряча заявил маме:

– Мне надоело ездить, менять квартиры, преподавателей. Мы здесь так хорошо обжились. И Настенька! Я – не подлец, мама. Я остаюсь! В ту ночь ее увезла неотложка. Врачи говорили – сердце. На днях привез ее из больницы, и вот опять сегодня. Хорошо Иван Васильевич в соседях живет, а то опять в больницу, а мама на дух ее не переносит. Это она, наверно, переживала, что не пошла на мой концерт. Первый раз пропустила. Но поймите, я не мог ее взять! Она была так слаба.

– Вот что. Сережа, иди-ка ты отдохни, а я посмотрю, как там мама.

– Давайте лучше я. Ведь Вы тоже устали.

– Нет, Сережа. Я теперь не усну – бессонница. А ты иди-иди.

Сергей заглянул в мамину комнату – она спала спокойно. И он на цыпочках пошел к себе. Уже лежа в постели, он никак не мог уяснить себе, почему Настин отец – мамин школьный товарищ, пришел вдруг, а не раньше, почему не идет домой, а

сидит около мамы и почему, наконец, он появился именно сегодня, когда сам собирался в этот день познакомиться с ним?.. «Стечение обстоятельств», – засыпая, подумал Сергей.

Когда он проснулся, Павла Сергеевича уже не было. В маминной комнате со шприцами возился Иван Васильевич. Из кухни пахло чем-то вкусным.

– Доброе утро. Как мама? – шепотом, боясь разбудить ее, спросил юноша.

– Ничего. Получше. Там ваш гость курицу отварил. Давай-ка будить мать, ее надо покормить бульоном. Он кто вам? – и, не дожидаясь ответа, продолжал, – заботливый какой! На базар успел сбегать, сварить. Мне бы его года.

– А где он сам? – начал, было, Сергей, но старичок, как впрочем, и все в его годы, не дал Сергею выспросить все до конца и стал отвечать сам, как будто наперед знал, что могут у него спросить.

– Обещал скоро быть. Домой звонил: дочери наказал никуда не отлучаться. Разговор, говорит, серьезный. Кажется, милоч, ты с его дочерью того... любовь крутишь?

– Я крутить не умею, – резко ответил Сергей, и в его голосе было столько обиды и твердости, что доктор понял: парень стоящий. И пошел на примирение.

– Ну-ну, не сердись. Я это так: молодежь нынче всякая. А видать по отцу – девушка хорошая.

– Сынок! – позвала сына Анна Николаевна, разбуженная разговором.

– Что, мамочка? Ты лежи, – не давая ей встать, поцеловал сын.

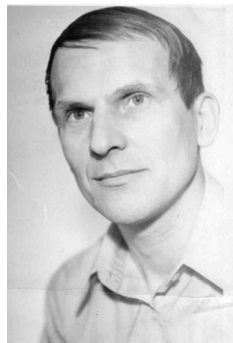
– Сереженька... Прости меня, сынок, – начала, было, она, но доктор прервал:

– Милушка, Анна Николаевна, помолчите. А ты иди-иди, подтолкнул он Сергея, – неси бульон. И не дожидаясь, пока тот выйдет, заговорил с ней:

– Давай-ка, голубушка, укольчик поначалу сделаем. Не дело это сейчас решать мировые проблемы. Ты думаешь, я не понимаю. Уж старик, так ничего и петрю. Оклемаешься и поговоришь тогда. А он хороший, крепко тебя любит. В такие годы сохранить любовь – мудреное дело. Всю ночь не отходил от тебя.

На работу убежал. Говорит, начальство еще вчера вызывало. Да ты не переживай – обещал скоро быть. А сыну ничего не сказал. Ох, горемычный! Один он, как перст, – складывая свой инструмент, как будто сам с собой разговаривал Иван Васильевич, но, выдавший за свою долгую жизнь многое, знал, что Анна Николаевна его внимательно слушает, и ей, как никогда, необходимо сейчас знать все, о чем поведал старику Павел Сергеевич. – Жена-то его бросила, взяла детей и ушла к богатому, уехала в Америку. Во всех городах искал тебя, а про свой-то не подумал, дуралей. Пятнадцать лет назад взял сиротку-племянницу. Все живая душа. Со своими девочками не дают общаться. А тут вдруг сын! И Вы! Ничего, все образуется, – закончил он, видя входящих Настеньку и Павла Сергеевича с сыном...

**Борис
ГОЛОВАНОВ**

Около дома
На светлой заре
Волос ерошит мне ветер.
Первое лето
Стоит на дворе
Третьего тысячелетья.

Из-за ограды
Кивает сосед.
Нет и намека печали,
Что мы не виделись
Тысячу лет,
Тысячу лет не встречались.

Шумно от лая
И шелеста крыл.
Радость родного простора.
В мир одуванчик
Глазок приоткрыл,
Словно кружок светофора.

Новый восходит
Рассвет на Руси.

Смотрится солнце в оконце.
Раннего утра
Небесная синь
Все голубее от солнца.

Тихие радости
Прожитых лет.
Яблонь упругие груди...

– Здравствуй, деревня!
– Здравствуй, рассвет!
– Здравствуйте, добрые люди!..

Благословляю этот час,
Дарованный судьбой и Богом.
Благословляю, люди, вас,
Идущих трудною дорогой.

Благословляю этот день,
Вспаривший птицей над землею,
Смиренность русских деревень,
Предрасположенных к покою.

Благословляю этот год,
Копящий молодость и силу.
Благословляю наш народ,
Благословляю мать-Россию.

Благословляю новый век,
Детей родившихся и пашни.
Благословляю хлеб и чаши,
Твой добрый разум, человек!

Как хорошо начался день!
Дышало благодарно тело,
От яблонь отступала тень,
Трава от рос ночных блестела.

Срывая ночи покрывало
И за звездой гася звезду,
Заря как женщина смеялась
Русалкой, плавая в пруду.

Она сочилась соком страсти,
Дышала таинством любви,
И, веря в сбывшееся счастье,
В садах дурели соловьи.

И мать буренушку доила.
В сметанных брызгах был плетень,
И солнце жирным сыром плыло...
Как хорошо начался день!

По колено стою в синеве
Василькового небосвода.
Светит солнце в моей голове,
И в глазах синева и свобода.

В синей дымке твои города
И селения, Русь-ненагляда.
Есть крестьянская в доме еда
С огорода и доброго сада.

Для меня эта вся благодать.
Значит, в мире пока я не лишний,
Если жить и любить, и страдать,
Милосердно дарует Всевышний.

Мне мила эта смертная высь,
Эта синь без конца и без края,
Под которой мы все родились,
И другого не надо мне рая.

Я вырос в российской деревне,
И к ней всей душою приник.
Здесь тень мне дарили деревья,
А воду – пресветлый родник.

От радости светлой я плакал,
Завидя родное крыльцо,
И преданным другом собака
Меня целовала в лицо.

Здесь пел и смеялся я звонко,
Здесь молодость лодкой плыла,
Здесь лучшая в мире девчонка
Меня за собой увела.

Все дорого в мире мне этом:
И шлемом поднявшийся стог,
И солнце на небе рассветном
Румяное, как колобок.

И трепет листвы на осине,
И лепет лесного ручья,
Где в капельке каждой – Россия,
Россия моя и твоя!

Были молоды листья и клейки.
Вили гнезда в садах соловьи.
Сыпал дождичек капли-копейки
Под веселые ноги мои.

Раскрывая природе объятья,
Я по сельской шагал стороне,
И черемухи в свадебных платьях
Улыбались застенчиво мне.

Было чувствам просторно, как в поле,
Пробудившимся к севу уже,
И ни облачка грусти и боли
Не бродило по светлой душе.

Моей деревни доброе лицо
С глазами неба,
С белым платьем вишен,
С подсолнухом
Перед резным крыльцом
И солнышком приветливым
Над крышей,
Где таинством сияют
Небеса.
На стенах
Фотографии умерших,
И в горницах –
Святые образа
От всяких бед,
От колдунов и леших.
Как праздничны
Нагрывавших грачей
Прилет
И зелень

Первых трав по тропам,
Где песню родниковую
Ручей
Поет,
И воздух весь пропах
Укропом!

Здесь по-славянски
Все березки русы,
Здесь по-гусарски
Горделив петух.
Здесь сохранился
Предков русский дух,
И пахнет прежней
Молодою Русью.

Сергей
РЕДКОВ

ТРИУМФ ЛАЙКИ

О как же я – бездомная дворняжка –
Возвысилась над всей своей родней!
Другие псы грызут говяжью ляжку,
А я – лечу в ракете над землей!

Я первое живущее создание,
Увидевшее сверху синий шар.
Какое счастье приобщиться к тайне!
От восхищенья нос бросает в жар!

Жива еще, но мне немного страшно –
Кончается в кабине кислород.
Не предусмотрен спуск, но то – не важно:
Лишь только бы наука шла вперед!

ПОДЗЕМКА

Мой быт – как вагончик метро,
Блуждающий в темном тоннеле.
Глаза мои в окна смотрели,
Но в окнах – земное нутро.

Бегут вдоль стены провода,
Сплетая лихие наветы.
А хочется видеть рассветы,
Озера, леса, города!

Но всюду – подземная ночь.
Лишь изредка, протуберанцем,
Врываются проблески станций,
И тьма разбегается прочь.

Те станции, что акварель:
Как праздник, сверкают в окошке
Плафонов цветные сережки.
Мелькнут и... обратно в тоннель.

МАРКИ

Материалом самым хрупким
Считал бумагу раньше я.
Крошил ее, как мясорубка,
Сжигал и резал, как швея.

Одни лишь марки я не трогал –
Цветную летопись времен.
Как много жизни в них! Как много
Свершений, праздников, имен!

Прошли года. Нет ни героев,
Ни достижений, ни страны.
Где те, кто будущее строил?
Где те, кто Родине верны?

Гадать не буду на ромашке,
Что тверже – щебень или карст:
Цветные липкие бумажки
Прочнее многих государств...

ВОКЗАЛ

Порою жизнь похожа на вокзал:
Сидишь и ждешь, когда придет твой поезд.
Но голос из динамика сказал,
Что хоть в желании своем я и напорист,
Да, видимо, когда-то опоздал
Сесть в тот вагон, где сна и яви помесь
Чудесной сказкой радует глаза
И дарит право жить, не беспокоясь,
В той стороне, где не страшна гроза,
Где позабыты и печаль, и горечь,
Где серебрится на траве роса,
Где виноградная цветет лоза,
Где я любить смогу, не пряча совесть...

Не про меня теперь вся эта повесть.
Я опоздал, и жизнь моя – вокзал.

Есть что-то неизбежное, как время,
В колесном перестуке поездов,
В ритмичном беге рек и городов,
В мерцании звезды, что в небе дремлет,
В змеином танце гибких проводов
На фоне отцветающих садов
И в прелести зардевшихся закатов...

С поездкой в поезде сравнил я жизнь когда-то,
В них общие черты посмел найти:
Лежишь на полке, а вагон – летит,
В окне мелькают люди, встречи, даты
И кажется, что нет конца пути,
Покуда слышен стук колес в груди.

ОСЕННЕЕ

Художница-осень рисует
Последний денечек пригожий:
Смешав позолоту и сурик,
Своим вдохновеньем тревожит
Деревья на фоне лазури,
Чьи ветви с пожарами схожи.

Искрится до самых небес
Листвой полыхающий лес.

Не верит он в скорую зиму,
В морозный капкан снежных кружев.
Не верит, что ветром сносимый,
Пейзаж этот будет разрушен:
Поэтому – невыразима
Палитра, что осени служит.

Поэтому красится лес,
Искрится листвой до небес.

ИДАЛЬГО ИЗ ЛАМАНЧИ

Сражается с мельницей,
 смелости полон,
Идадьго Кихот из Ламанчи.
Врагов своих мнимых
 уводит он в полон,
Но призрак победы обманчив.

Спасал ты любовь,
 не взирая на раны.
В награду же – смех и презрение.
Вот так в сердце рыцаря
 гостем незваным
Однажды приходит прозрение.

*Учеба, работа, карьера, жена,
Тетрадка стихов, что в ночи сожжена,
Налог, индексация, взнос, профсоюз,
Простуда, ангина, люмбаго и флюс,
Постель, коридор, два зажима, пинцет,
И самое страшное слово в конце.*

Затем тишина... Но однажды войдет
Бродяга в твой дом опустевший. Найдёт
Листок обгоревший и в строчках слова:
*Калитка, дорога вдоль поля, трава,
Желток одуванчика в бездне зрачка,
Цветок белой бабочки в сетке сачка,
Березовой роуи зелёный доспех
И вечный, из детства прозрачного, смех...*

МЕТАФИЗИКА МУМИЙ

В Эрмитаже покоится мумия –
Почерневший кусок человечины.
Кто-то видит в ней плоть изувеченную,
Я же вижу – пустыню в ночь лунную.

Вижу звезды над крышами низкими,
Над садами, жилищами ветхими –
Золотыми мерцают монетками
Над дворцами и над обелисками.

Просочившись песком сквозь столетия,
Слышу пение флейты над храмами,
Где жрецы натирают бальзамами
Мою душу, готова к бессмертию.

Вдоль пространства, дорогами млечными,
Я лечу над морями и странами
И дивлюсь озарению странному:
Хоть с бинтами, но всё же мы – вечные!

**Геннадий
ГОМАНЧУК**

ЗИМНЯЯ ВИШНЯ

В.В.

На сердце нежность, страх и бремя.
Пришла ты, молча спрятав плач.
Неумолимая, как время,
И временная, как палач.

Легко ответила на ласки,
Но на стенанья – лишь с трудом,
Пространно спутывая сказки
Про много лет тому... и дом.

В конце тихонечко сказала,
Что я теперь не при делах.
Но утаила, что устала,
Что столько лет меня ждала...

Голубеву А.М.

Старая дружба, как старый коньяк, –
Крепче с годами и слаще.
Старая дружба, как старый маньяк, –
Встреч просит глубже и чаще.

Старая дружба – и совесть, и крест,
Мера доверья и слова,
Детской мечты указующий перст
И ощущение крова.

Старая дружба – считалка в игре:
Выйдет кто завтра, кто – ныне.
Старый мой друг – соловей в январе,
Цвет резеды и полыни.

ГИМН НОВОЙ РУБАХЕ

Сыны Руси, оставив страхи,
Коль звали в бой рога иль медь,
Снимали старые рубахи,
Чтоб к битве новые надеть.

Бойцам сражение – праздник видно.
И в новом, если вдруг пора,
Перед Творцом предстать не стыдно.
И в чистом – меньше гнойных ран.

В век новых войн – бесчестных, сложных,
И бедствий, что идут, губя,
Бесстрашным биться часто нужно
Как встарь – не только за себя.

Угроза смелым – как признание
Всех их достоинств и призыв
Встречать судьбу без колебаний,
Об отступлении забыв.

Идущим в бой, за честь на плаху,
На взлет с опасной полосы:
«Наденьте новую рубаху!».
Кому слабо: «Смени трусы!».

АЛЬБОМ

*Девчатам батальона
аэродромного обслуживания*

Я с трепетом держу альбом
Военных, довоенных песен.
И почерк мамы мне знаком.
И каждый лист мне интересен.

Листы несхожие совсем.
Уборист текст. Светлы чернила.
Слова известны были всем,
Кто дни считал вдали от тыла.

«Платочек синий падал с плеч...»
«Гармонь в землянке напевала...»
«Кисет твой буду я беречь...»
И «Ниночка не раз спасала...»

«Свистели пули по степи...»
И «Мил уехал за Воронеж...»
«Я так безумно Вас любил...»
И «Это было в Краснодоне...»

Когда аэродром молчал,
В землянке пели песни эти,
Тоскуя часто по ночам
Об улетающих на рассвете.

В девичьих голосах звучал
Твой голос, Родина, сквозь беды,
Твои надежды и печаль,
И вера в светлый день Победы.

Где Вы, писавшие в альбом?
Отвоевав наш мир чудесный,
Вы тихо спите вечным сном.
А я храню все Ваши песни.

РОМАНС

*Мальчику, которому я как-то
подарил красивый осенний лист.*

Осенний лист ловлю, как подаянье,
Как день последний на пиру хмельном,
Как солнца луч вчерашнего признанья,
Как тень весны, оцветшей так давно.

Бреду с сумой и стоптаны ботинки.
Прекрасен сад, дорога, солнце, кладь:
Я собираю листья – золотишки,
В надежде воздаяние собрать.

Но скоро ветер листья в кучи сгонит.
Пройдут дожди, поднимут в лужах муть.
Сад облетит и в злых снегах утонет.
Придет зима и занесет мой путь.

И я уйду дорогою иною,
Неся в суме на исповедь мою,
Среди осенних листьев дорогое:
Стихов немного и любовь твою.

Спросила Муза, рукопись листая:
«Тебе, поэт, что чаще портит кровь?»
Я ей ответил: «Трудностей хватает.
Сложней всего мне с рифмой на «Любовь.»

Но Муза, чуть помедлив, возражает:
«“Любовь” рифмуешь ты не хуже всех».
Я ей в ответ: «Охвата не хватает.
О ней пишу не только для утех».

МЕТЕЛЬ

Не холодно. Метель метёт.
Иду по тропке занесённой.
И ветер кружевом несёт,
Как цвет черемух, снег сплетённый.

Ложатся хлопья на следы,
Их начертанья прикрывая.
Я знаю, ждешь сегодня ты,
Меня от прошлого спасая.

Слепит метель меня, кружит.
И ум в предвосхищеньях тонет.
Снег на щеках моих лежит,
Как счастья нежные ладони.

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Всегда нежданною порой
В войну уходит четкий строй.
Под грохот кованых сапог
По самой страшной из дорог.

И утром светлым, и в ночи
Святой, щемящий марш звучит,
Взметнув ввысь души у солдат,
Он в бой ведет, в крошечный ад.

К себе прижав своих ребят,
Славянки у ворот стоят.
В их позах – боль и пустота,
Но шепчут милые уста:

«Тебя, любимый и родной,
Я провожаю в смертный бой.

За Родину, Россию-Мать
Готова я тебя отдать.»

Сухи их губы и глаза –
В них только гордость, а слеза
Прольётся, сердце заболит,
Лишь смолкнет музыка вдали.

ВОРОБЫШЕК

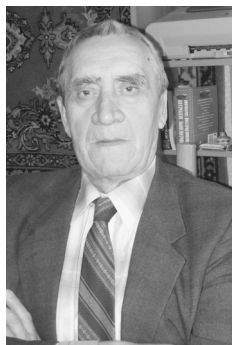
Горстка милых перышек.
Было то давно:
Прилетел воробышек
На моё окно.

Посидел, склевал пшено
От моих щедрот,
И чирикнул радостно,
Что весна придет.

Снял пушинки с крылышек.
Нечего тужить.
Прилетел воробышек
И остался жить.

Век прошелся по душе.
Жив тобою я.
Ты, как тот воробышек,
Милая моя.

**Василий
МИШИН**

ЭХО ТЕХ ПАМЯТНЫХ БИТВ

Где смерч огня, свинца метели
В крошечный ад сольются –
Отцы туда, надев шинели,
Уйдут, чтоб не вернуться.
Потом на божницы с иконкой,
Где место в доме свято,
Ложиться будут похоронки
С последней скорбной датой.
И безотцовщина, как рана,
Окажется жестока.
Взрослеть мы станем слишком рано
И стариться до срока.
И были мы с детьми порою
Не ласковы и грубы,
Винюсь пред ними и не скрою,
Что шепчут мои губы.
Нисколько не сгущая краски –
За всё готов ответить.
Не знавших, нас, отцовской ласки,
Простят же наши дети.

Работал кузнец отлично.
Какая об этом речь!
Чинил он и плуги, и брички,
Любую домашнюю вещь
Не будет без веской причины
Дивиться чему-то народ:
Не то, что Левша – для машины
Любую деталь откуёт.
На добрую сельскую славу,
А, может, на весь район
Имел он законное право.
И славой той был окружён
Но тихо вдруг стало в округе,
И горн пламенеет чуть-чуть.
И словно два молота руки
Бессильно упали на грудь.

Был на высокий обрыв
Поднят с останками ковш.
Их, прослезившись, обмыл
По-христиански дождь.
Рыли весной котлован,
Трубы тянули под газ.
Кто это – русский Иван,
Или немецкий Ганс?
Может, и был амулет,
Или какой-то жетон.
Только за давностью лет
Некому вспомнить о том.
Эхо тех памятных битв
Снова за горло берёт.
Череп осколком пробит.
Знать бы – осколок чей тот?
Не был судьбой ему дан

На выживание шанс.
Путь твой последний Иван,
Пухом земля, тебе, Ганс!
Вечен церковей будет звон
В будние дни, в благовест.
Памятью не обделён
Будет и этот крест.

Если здоров и молод,
Но ума – ни грана –
Значит, скорее в город –
Сторожем в охрану.

Пусть остаются бабки
На земле проклятой.
А там такие «бабки» –
Загребай лопатой!

Если здоров и молод,
Но служить не хочешь,
Тут же найдётся повод,
Чтоб её отсрочить.

Если богатый папа,
Надо тогда без фальши
Прямо туда, на Запад,
От России подальше.

Тот, кто здоров и молод,
В грозном сорок первом
С ходу и прямо в молох –
В огненное пекло.

Не было даже мысли
О какой награде.

И положили жизни
Всех живущих ради.

Тот, кто тогда был молод,
Но возник из пекла,
Взялся за серп и молот –
Всё воскресив из пепла.

Вороном вьются байки –
Все про какой-то Запад.
...Наши деды и бабки
Были там в сорок пятом.

**Феодора
САВСКАЯ**

ЛЮБАВА И ФИЛОСОФ

Сказка

Пролилась на землю небесная лазурь. Растворилась в воздухе чистой синевой, омыла вечерней светозарностью стройные тела берёз, вплелась в белое каменное кружево дворцов, осела на узорчатых кровлях, окунулась в безмятежную озёрную гладь. И на короткий миг всё вокруг преобразилось, словно и впрямь небо слилось с землёю. Коротка минута синееокого вечера! Не успеешь насытить ею изумлённый взор, как глядишь, а синева уже стусилась в ночную темень и рассыпались по васьиковому небу живые искорки-звёздочки.

Мало кто видел, что в эту минуту над стольным градом славного Тридевятого царства медленно проплывал в лазурной бездонности тихий ангел, едва не касаясь колокольни. Но даже среди этих не отягчённых суетой душ не каждый сумел внять пению ангела, ибо пел он о несказанном. И лишь одно малое дитя расслышало, как после дивной песни крылатый небожитель молчал о том, что неизреченно и на ангельском языке.

Да и мы с вами песни той не узнаем, если только сами не сподобимся вдруг услышать её. Ведь это присказка была, а сказка лишь теперь начинается.

В трёх верстах от стольного града, куда не доносится ни скрип въезжающих в ворота телег, ни гул толпы на рыночной площади, а долетают только каркающими воронами да самодо-

вольными павлинами вести из царского дворца, за погружённым в сладкую туманную дрёму болотом, где испокон веков жили кикиморы с водяными, стоит могучий дуб, такой древний, что кора его позеленела, ствола и десятерым не обхватить, корни всю землю окрест изрыли, а ветви за самые облака цепляются. В этом месте пролегает граница между Тридевятым и Тридесатым царствами, которые с незапамятных времён живут в таком мире и согласии, что нужды не имеют обороняться друг от друга. У корней дуба того стоит поросшая мхом скамья резная. И каждый вечер, лишь повиснет в воздухе утомление от знойного дня и дневной суеты, и захочется тихой, неторопливой беседы, приходят сюда две степенные старушки, товарки не разлей вода, одна из Тридевятого, другая из Тридесатого царства, и деловито решают судьбы обоих государств.

– Уж и не говори, Берендеевна, пожил наш царь-батюшка на славу. Почитай, сто годков и ещё одно лето правил. Нечего сказать, жил благонаравно, степенно, правил разумно. Жаль вот только, наследников не оставил.

– Как же, Пантелеевна, не оставил? А внучатая племянница-то его, красна девица Любавушка-царевна? Сказывают, она зело мудра и скромна, мирской суеты сторонится, носа не кажет из терема своего златоверхого.

– Да что ты, Берендеевна? Она ж умом тронутая! Сколько раз хотела из окошка светелки своей в мутный омут сигануть, да мамушки с нянюшками удерживали, по рукам-ногам лентами шелковыми её, окаянную, связывали. А раз-таки не уследили. Хорошо ещё — на ту пору рыбаки на озере случились. Выловили её, болезную, широкой сетью. Видали люди, лежит Любава-царевна на сырой траве совсем нагая, вся в водорослях да в тине, точно русалка, и ржёт, как кобылица необъезженная.

– Ой, батюшки! Ужаси-то какие в вашем царстве деются! Ты, Пантелеевна, знать, нарочно удумала меня страшать, чтоб во сне пригласилась нечисть какая?

– А ты, Берендеевна, почто гутаришь, что этакую-то бесноватую надобно на трон посадить? Тапереча вся надежда на то, что будет Любава Любимовна при мудром супруге, который и о ней печься станет, и о царстве. Нешто не ведаешь, что она ещё сизмальства просватана за вашего государя Философа Платоныча?

– Да ты, Пантелеевна, поди, сама ума рехнулась, коли нашего царя мудрым величаешь. Да за него самого уж какой год бояре правят. А он только и знает, что ходит по своим палатам из угла в угол, точно зверь какой в клетке, а ночь настанет, возьмёт перо и пишет до самой зари. Только ни одного указа никто от него в глаза не видывал. Одно слово – блаженный!

– Так, стало быть, Берендеевна, – проговорила Пантелеевна, зевая, – они с Любовой-царевной – пара. Только вот каких от них подарочков ждать честному народу?

– Знамо дело, Пантелеевна, что пара, – неспешно потягиваясь, ответила Берендеевна. – А уж чему быть, того не миновать. Только свадьба, видно, не за горами.

На том порешив, старушки заметили:

– Оба царства уж десятый сон видят, одни мы полуночничаем.

– И то верно, подруга, засиделися.

И, простившись, обе кумушки степенной утиной походкой разошлись по своим царствам.

Приутихло, смолкло всё окрест, уснуло, только филин изредка в чащобе ухнет, да ветер ночной прошелестит листвою. Всё поживает, да не всё.

Над чёрным омутом взметнулся в ночные небеса высокий терем, весь погружённый в сон, лишь под самым сводом тускло светится маленькое слюдяное оконце. Если заглянуть в него, то в неровном пламени свечи различишь склонённую над рукодельем девичью голову под тёмным покрывалом. По углам не то сгустились тени, не то это старухи сидят на позолоченных сундуках и шепчутся о бесовских наваждениях. А дальше, в глубине – всё такие же душные горницы с выцветшими бледно-жёлтыми стенами, узкими подслеповатыми оконцами, низкими закопчёнными сводами. Ничто не нарушает заповедной тишины. Слышен лишь шёпот старух, потрескивание свечи да стрекотание сверчка за стеной. Веками в тереме не нарушается раз и навсегда заведённый размеренный уклад. Не проникают сюда ни тревоги, ни потрясения внешнего мира. И так здесь тихо, тепло и уютно, что подчас хочется удавиться. Есть из терема лишь четыре дороги: либо замуж, либо в монастырь, либо в петлю, либо в омут.

Вдруг словно кто-то шепнул на ухо Любаве:

– Ты ж теперь – царица! Почто молодость свою в четырёх стенах губишь? Кому полдюжины сундуков приданого накопила? Выдадут замуж – такой же терем тебя ждёт до конца дней, да ещё в придачу муж нелюбый. Опомнись! Ты свободна теперь! Делай всё, чего душенька пожелает!

– А чего она желает? – спросила сама у себя девица и вдруг подняла голову от рукоделья, окинула мутным взором тесную горницу, нянюшек постылых и залилась безумным смехом.

Старухи переглянулись, запричитали испуганным шёпотом.

– Я – царица! – закричала Любава истошно, сорвала с головы покрывало, разметала по плечам рыжие кудри, сбросила летник, в одной рубашонке выбежала во двор. Мамки да няньки глаза вылупили. Сенные девки рты поразинули. А она бежит по двору простоволосая, точно лесовичка, да кричит:

– Я в Тридевятом царстве просвещение заведу! Стану такие диковинные наряды носить, какие на заморских королевнах видала, чтобы и грудь и руки голыми были. Так нынче все просвещённые дамы ходят. Почто ж мне одной дикаркою-то оставаться?! Каждый день буду балы да маскарады устраивать. А терем этот постылый сожгу и построю на его месте ночной клуб. Докажу, всему миру докажу, что я теперь свободна! И всем подданным своим я дарую свободу! Первым указом провозглашаю в Тридевятом царстве свободную любовь! И сама замуж не пойду. А вот полюбовника заведу, фаворита то бишь. Первейшего красавца во всём царстве, чтоб был он чернобровый да ясноокий, как тот юноша, чей портрет мне давеча на именины подарили. Что?! Этот юноша и есть мой жених? Стало быть, я его ненавижу вместе с его красотой! А фаворитом моим будет первейший урод Тридевятого царства! Потому что я так желаю! Я царица! Я свободна!

Случилось, что в ту пору проплывал по ночному небу тихий ангел. Душно стало ему над златоглавым теремом. Помчался он прочь и вскоре совсем скрылся из глаз в ночной бездонности. Серебристые ризы его растворились в таинственном лунном свете, а безмолвная печальная песня слилась со светлой печалью возвышенных дум о вечном. Суетливый мир был погружён в благодатную тишину. Ангел летел навстречу алой полоске ут-

ренной зари, которая с каждой минутой всё ярче и ярче окрашивала и небо, и землю восхитительной, пылающей красотой. Внизу проплывали дремучие леса, широкие поля, топкие болота, зубчатые башни гордых городов и соломенные крыши мирных уснувших сёл. А небесный странник не оставлял надежды услышать отклик на свою ангельскую песню хоть в одной человеческой душе.

Тем временем предрассветные лучи всё отчётливее высвечивали очертания развесистых кленовых ветвей, всё различимее делали белевшие в их тени мраморные статуи, всё заметнее тёмную, закутанную в плащ фигуру, неприкаянно слонявшуюся по парку. Это государь Тридесятого царства предавался своим еженощным раздумьям о смысле и бессмысленности.

– Весь этот мир пронизан страданием. Почему? Зачем? Почему я должен здесь жить? Зачем мне оставаться на этой земле?

Царь Философ возвёл взор к проясняющемуся небосклону, и на миг ему показалось, что там, за чертой горизонта, открываются райские просторы, сияющие неземною красотой и подлинным счастьем. О, только бы добежать до этой ускользающей линии и броситься в пылающее золото лучей!

– Заберите меня отсюда! – громогласно завопил он.

Вдруг на востоке небосклона, словно молния, мелькнул пламенный лик ангела. В его глубоких очах светилось что-то ясное, родное, с детства известное, а вместе с тем неземное, неизреченное, но понятное без слов.

– Постарайся, чтобы рай был в твоей душе, – проговорил ангел.

– Но в моей душе и так нет ничего земного! – закричал Философ. – И сам я на этой земле чужой! Мудростью своею я перерос землян и достоин стать братом небожителям!

– Вот из-за гордости люди и потеряли рай.

– И ангел не понял меня, – вздохнул Философ. – Всем, всем я чужой! Ни земля, ни небо не принимают меня! Да есть ли в целой вселенной хоть одно родственное мне существо?!

Царь Философ бросился прочь из парка, опрометью промчался по мраморной лестнице, не взглянув на приветствовавших его стражников, вбежал в свою спальню и замер перед висевшим на стене портретом в овальной раме. С портрета пе-

чально смотрела на него златокудрая девица, в томных глазах которой он всегда находил что-то неземное.

– Вот он, мой ангел, – восторженно прошептал Философ, – единственное всей вселенной существо, способное понять меня, моя наречённая невеста.

Меж тем небесный ангел, облетев весь мир, безутешно плакал о нём в райских обителях. А спустя месяц снова был послан на землю. Так много ли утекло воды с тех пор?

Под вековым дубом словно бы остановилось время. На заросшей мхом резной скамье сидели такие же вечные, как окружавшее их роскошно-зелёное болото, сами позеленевшие от древности Пантелеевна и Берендеевна и перемывали косточки своим государям.

– Слыхала, подруга, какие новые порядки наша бесноватая завела? – качала головой Пантелеевна. – Наряды такие носит, что срам один. От юбок подолы поотрезала, да голыми коленками сверкает. И всех боярынь да дворянок заставила так же рыдиться. Да это ещё полбеды. Главная напасть в том, что она разных колдовских диковинок из заморских стран напривозила. Видали у неё люди повозку, что без лошадей ездит, да ещё рычит, точно Змей Горыныч какой, и клубы дыма выпускает. Но самая страшная вещь – это когда по белому полотну бесы скачут, «кинематограф» называется.

– И до нас, Пантелеевна, слухи доходят, что царица ваша – ведьма, – подхватила Берендеевна, – и что она на помеле летает.

– Не на помеле, а на ераплане.

– Так ерапланом в заморских странах помело и зовут.

– Это язык у тебя, Берендеевна – помело.

– Не знаю уж, какой у меня язык, – обиделась Берендеевна, – но только наш царь вашу царицу в жёны не возьмёт.

– Это чем же он сам хорош, царь-то ваш? – оживилась Пантелеевна. – Али за ум взялся, к государственным делам приступил?

– Куды там! – махнула рукой Берендеевна. – Ещё дурнее стал. Завел себе большую трубу, каждую ночь глядит в нее на звёзды небесные да считает их, звёзды-то, будто их кто украсть вздумал. А ещё рассказывают люди, ищет он каких-то братьев по разуму, а лучше бы сказать, по дурости.

– Ну, за такого дурака наша царица сама не пойдёт, – презрительно сквозь зубы процедила Пантелеевна.

– А я тебе говорю, это он её не возьмёт! – опять возмутилась Берендеевна.

– Нет, она его!

– Нет, он её!

Спорят так старушки час, спорят другой. Вот уж синеокий вечер с небес в доли спустился, а за ним незаметно и тёмная ночь нагрянула. В окутанном белым туманом болоте проснулись кикиморы да принялись заунывно петь, заманивая в омут запоздалых прохожих. А Пантелеевна и Берендеевна всё не унимаются, не желают одна другой уступать. Лишь к полуночи обессиленные старушки, глотнув пересохшими ртами воздух и выплеснув друг в друга по последнему проклятию, разошлись, разочарованные в своей многолетней дружбе.

Для кого-то полночь – время покоя после дневных трудов, для кого-то – час тихой уединённой молитвы, а для иных – разгар бурного веселья.

Сверкают разноцветными огнями царские сады, гремит музыка, мелькают фигуры танцующих, кружится водоворот пышных платьев, шитых золотом камзолов, роскошных шлейфов, переплетающихся рук, обнажённых плеч, быстро стучащих каблучков. Среди этой пёстрой, нарядной толпы выделяется одна особенно оживлённая дама, в которой с трудом можно узнать новую государыню Тридевятого царства Любаву Любимовну. Теперь она облачена в изысканное декольтированное платье с множеством бантов и рюш, волосы её убраны в высокую причёску и припудрены, а на щеке красуется пикантная мушка. Выдаёт Любаву лишь её неизменный тоскующий взгляд из-под нахмуренных бровей, никого не замечающий, обращённый вдаль.

Вдруг в этих глазах словно отражается неземное видение. Это Любава замечает плывущего по небу ангела. На какой-то миг исчезает вихрь маскарада, остаются лишь две пары глаз, устремлённые друг в друга.

– Счастлива ли ты, Любавушка? Хорошо ли тебе?

– Вот выпью чару хмельного вина, – отвечает царица, – и сразу станет хорошо, закружусь в звонкой круговерти – станет

великолепно! Одна лишь забота остаётся: последнюю заморскую моду узнать.

– Так хочешь ли ты всего этого?

– Эх, желала бы я этого не хотеть!

– Так свободна ли ты?

Собралась, было, Любава ответить, что одной только свободы и жаждет, но тут кто-то зашептал ей в левое ухо:

– Изнежилась ты, красавица. Забыла славную историю Тридевятого царства. Вырвись из сладкой неги! Соверши ратный подвиг, достойный твоего имени, чтобы слава о твоей доблести по всей земле разнеслась и потомки бы гордились тобою! Или хочешь войти в историю лишь как первая модница?

Зацепили эти слова гордую душу царицы. Подумала она, подумала да и решила:

– Пойду-ка я войной на царя Философа.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. И не о том сказка наша, как собрала Любава Любимовна войско великое, да двинулась на Философа Платоновича; как захватила без боя всё и так развалившееся царство Тридешатое; как опомнившийся царь собрал остатки войска и выступил ей навстречу; как разгорячённая, обезумевшая, с обнажённой саблей в деснице неслась Любава на боевом коне, а, подлетев к отряду противника, узнала вдруг в его предводителе прекрасного юношу с портрета. В сказке ли сказать, пером ли описать те мысли, что пронеслись в её буйной голове в единое мгновение, или те чувства, что бились одно с другим в её страстном сердце? Чем крепче ненавидела царица царя, тем больше любовалась гордым взором его соколиных очей; и чем жарче пылала к нему страстью, тем сильнее желала снести с плеч его гордую голову. И не о том наша сказка, как, совершив непоправимое, мигом опомнилась Любава и горько возрыдала; как отреклась она от престола царского и вновь затворилась в тереме, собираясь остаток дней провести в слезах покаяния, оплакивая грех свой великий.

А о том пойдёт повествование наше, как попал Философ Платонович в мир иной. И вот встречает его в мире ином кто-то мрачный с крылами ворона и манит к себе:

– Я призываю тебя в великую бездну. Целую вечность мы будем низвергаться в пропасть и никогда не достигнем дна,

ибо его нет. Есть лишь бескрайняя пустота, в которую я когда-то бросился, отвергнув жизнь и свободно избрав небытие. Ты философ, и в душе твоей — тоже бездна. Стань моим братом!

Вдруг, словно солнечный луч, преграждает падшему духу дорогу уже знакомый нам светлый ангел. Протягивает он руку Философу.

— Довольно низвергаться в пропасть! Начни восхождение к Высшему бытию!

— А какое оно, Высшее бытие?

— Его не определишь, ибо оно беспредельно.

— Мой разум его не вмещает.

— Так откажись от своего гордого разума.

— Но разве я достоин Высшего бытия?

— Нет, но подобная тебе грешница усердно молится о тебе.

— Зачем?! — воскликнул Философ. — Я надеялся найти в Любаве солнцеликую деву, недостижимую звезду, способную озарить мою одинокую душу лучезарностью и даровать моей жизни потерянный смысл, а нашёл сумасшедшую ведьму.

— Она человек, как и ты, — молвил ангел, — и тоже совершает ошибки. Постарайся простить её, тогда будешь прощён и сам...

А далее нам подобает сомкнуть уста, ибо взору Философа открылось неизреченное...

Вернёмся-ка мы лучше на грешную землю к старым знакомым Пантелеевне и Берендеевне, которые не утерпели, чтобы снова не встретиться на своей скамейке.

— Ты рассказывай, рассказывай, Пантелеевна, не томи душу. Всё, как было, начистоту выкладывай. А то знаю я вас, коварных тридевятцев: сегодня — друзья не разлей вода, а завтра войной идёте.

— Ладно, Берендеевна, кто старое помянет, тому глаз вон. А царицу свою я оправдывать не собираюсь. Это надо же! Собственными белыми рученьками острую саблю ухватила, так бы и отсекала молодому жениху бедную головушку, если бы не промахнулась. Остриё лишь самую чуточку его задело. Видать, ангел-хранитель руку отвёл. Только вот не ведаю, что дальше-то будет.

— Неужто не слыхала, Пантелеевна? Ведь наш царь, как только его лекари на ноги подняли, за ней сватов послал. Знать,

по нраву приплись её ласки. Так, видать, сладко его, болезного, сабелькой полоснула, что ему ещё захотелось!

– Ой, не говори, Берендеевна. Сама вижу, что свадьбе этой быть. Недаром в народе говорят: коли дураки оба, то и любовь до гроба.

Но не слышали Любава и Философ этих речей. Тем самым временем, пока их столь живо обсуждали, царь и царица слились в единое существо. Не могли они уже сказать один другому: это – моя плоть, а это – твоя, это – моя душа, а это – твоя. И в высшем исступлении открылась им высшая истина. И поняли они, зачем живут.

ВОРОН И ЧАЙКА

На рассвете, над тундрой, где сквозь намёрзший за зиму с нежный панцирь проклюнулись лишь первые проталины, пролетала пара лебедей. Тысячи вёрст преодолели белые птицы, чтобы вот так, оглашая мир трубными звуками, парить над родной землёй, где они когда-то появились на свет. Так каждую весну лебединые стаи спешат на Север, чтобы успеть за короткое полярное лето построить гнездо, вывести птенцов и поднять их на крыло.

Следом за лебедями потянутся из жаркой Индии на родину белые журавли – стерхи. Неторопливым курлыканьем птицы приветствуют землю, оставленную прошлой осенью. Вскоре зазвучат журавлиные зори: посреди озёр и влажной тундры птичий духовой оркестр будет приветствовать восход солнца и приход весны.

На берегу арктического океана семейство белых медведей под гомон чаек неторопливо бредёт на север подальше от открытой воды. Звери переберутся на крепкие льды, туда, где отдыхают тюлени. Они не ждут жаркого солнца, мех хорошо согревает их даже в самые лютые морозы. А если пурга затянется на несколько дней, умка спрячется в сугробе и в спячке переждет непогоду.

Маленькие нерпы обжили весенние льды и караулят своих мамочек у полыньи. Лишь влажные черные глазки и носик пре-

дательски выдают малыша среди снегов. Но даже когда нерпа крепко спит, она во сне за сотни метров почувствует шаги хищника.

В размякшей тундре между сопками бесшумно парит полярная сова, выглядывая куропаток. Белое оперение северных курочек скрывает их от хищников. Рядом, в зарослях стланика, крутится белый песец, тоже надеясь пожить птичкой или неосторожным сурком, пригревшимся на солнце. В таком наряде песка с трудом можно заметить среди сугробов. Но вскоре он поменяет зимний окрас на летний. Только осенью шуба изменится под цвет пушистых снежинок.

С каждым весенним днём всё увеличивается пришлое население в тундре и на морском побережье. Прилетают новые стаи птиц, с юга по заветным тропам сюда косолапят бурые медведи и росوماхи. Всех живых существ ожидают необъятный дом и сытный обед, но изобилие продлится только до тех пор, пока не вернутся скрипучие холода.

Пролетал как-то Ворон над весенней тундрой, над прибрежными утесами, на которых гнездились чайки. Увидели птицы Ворона и давай надсмехаться над его черными перьями:

– Эй! Пожиратель падали! Да ты чернее ночи! Посмотри по сторонам: в тундре нет никого ужаснее тебя! В таком наряде только печалются, а не веселятся!

– Кра! Кра! Кра! – ответила чёрная птица чайкам.

Затаился Ворон среди камней. Загрустил, огляделся по сторонам. Наскучило Ворону одному встречать весну в старых нарядах – черных перьях, решил шаман поколдовать – похитить белый цвет у птиц и зверей. Отправился Ворон в далёкое Златогорье. Летел ночь и день на самую высокую гору – шаманить.

Прикрыли облака горбатую вершину, где среди снега и льда ворон закамлал – ударил в волшебный бубен, и призывный «там-там» стрелой сорвался в небеса. Путь открылся. В невидимую дорогу шаман прихватил волшебный посох с костяной погремушкой. Спустившись с седьмого неба, Ворон прокаркал на черные камни слова заклинания и...

...В одночасье все белые птицы и животные превратились в черных. Что тут началось среди обитателей тундры! Чайки в испуге поднялись в небо, совсем как галки. Почерневший кречет

взмыл высоко в облака, а белые медведи, не узнавая друг друга, разбежались по льдам.

Только Ворон радовался, осматривая свысока окрестности. Ведь теперь птицы и звери стали видны как на ладони. Всё, больше они никуда не спрячутся. «Главное, и над шаманом теперь никто смеяться не посмеет», – думал он и от радости потирал крылья.

Собрались вместе птицы и звери. Кричат, галдят – друг друга не слушают. К вечеру утомились и наконец-то примолкли; стали думу думать – как вернуть назад свой привычный наряд.

– Давайте объявим Ворона самым главным на нашей земле, – предложил чёрный медведь, ещё вчера белый. – Я не могу жить во льдах в такой шкуре! Мне не подобраться ни к тюленю, ни к нерпе! Я просто умру с голоду!

– А может, признать его самым сильным шаманом? – спросили лебеди.

– Важным, главным, могучим, сильным! – перебивали всех журавли.

– Братцы, я знаю, что надо делать! – вдруг объявила маленькая Чайка и попросила. – Разрешите мне поговорить с Вороном!

– Да пусть попробует... – рывкнул бывший белый медведь.

– Лети, лети! – загалдели журавли.

– Хуже не будет! – зашипели лебеди.

– Пусть торопится! – затыкали песцы. – Ее все равно не жалко! Переглянулись птицы и звери, посоветовались между собой и решили отпустить Чайку к шаману.

Прилетела маленькая птица к обрыву у моря, где счастливый Ворон катался по снегу и пел:

– А-я-яли, а-я-яли, а-я-яли!

Чайка села рядом на камень и говорит:

– Ворон, ты самый сильный шаман на нашей земле, верни нам белый цвет!

– Нет, не проси: свершилось возмездие! Вы, чайки, насмехались надо мной из-за цвета моих перьев, а теперь сами чернее ночи!

– Все птицы и звери жалеют о сказанных тебе обидных словах. Но мы хотим предложить тебе кое-что взамен наших белых перьев и шерсти.

– Да что вы можете пообещать мне, кроме тухлой рыбы? Никто из вас не знает наши северные земли, как я. Ведь только я летаю здесь круглый год и знаю каждый камешек и кустик на побережье и в тундре.

– Ворон, если вернёшь обратно наш цвет, то как только белые пушинки посыплются с небес на землю – мы покинем здешние места. Хозяинничать останешься только ты! Никто не будет больше тебе мешать, а тем более, кто посмеет над тобой смеяться! Вся рыба, все ягоды и грибы достанутся только тебе!

Глаза Ворона заблестели и он улынулся:

– Твои мудрые слова согрели мое сердце, Чайка. Лед моей обиды растаял. Я прощаю вас.

Ворон обрадовался, что скоро останется один одинёшенек и даже радостно запел на всю тундру:

– А-я-я-я-а, а-я-я-я-а!

Поблагодарила Чайка Ворона и отправилась с доброй вестью к птицам и зверям. Шаман-ворон взял бубен, ударил в него костяной колотушкой и вернул всё на свои места: чайки опять стали белыми, как и лебеди, журавли-стерхи и соколы-кречеты и многие другие обитатели Севера. Тундра и побережье наполнились звонким гомоном птиц и зверей.

Миновало несколько дней. В полдень среди черных камней наткнулся Ворон на птичий пух и пучок белых перьев. Вспомнилось обещание птиц оставить его в покое и покинуть северные края. Огляделся по сторонам, аи нет! Все на месте – птицы строят гнезда и высиживают птенцов. Да мало того, новые стаи всё прибывают и прибывают с далёкого юга...

Разозлился Ворон. Полетел вдоль побережья искать обманщицу Чайку. А разыскал птицу около гнезда и спрашивает:

– Однако почему вы не улетаете на юг, уже много белого пуха в тундре и на побережье?

– Про какой пух ты говоришь, Ворон? — переспросила Чайка.

– Да, конечно, про птичий!

– Экая невидаль, пух! Я говорила тебе о снежинках! Когда они посыпятся с небес, мы выполним обещанное и оставим тебя в одиночестве, братец Ворон! Тогда и опустеют здешние края!

Чайка истерично рассмеялась и улетела по своим делам искать корм для птенцов.

Разозлился Ворон. Вернулся в Златогорье, изломал бубен. С тех пор он облетает стороной птиц и зверей.

Пролетело короткое полярное лето. И вправду, как только по ночам стали шалить первые морозы, а дожди стали перебиваться снегом, шумные косяки лебедей, гусей и журавлей потянулись на юг. Стайки чаек отправились кочевать вдоль побережья, ища открытую воду с рыбой. Птицы и звери наконец-то исполнили обещанное ещё весной Ворону.

С тех давних пор из всех птиц только Ворон остаётся зимовать на Крайнем Севере. Одиноко и холодно, кругом только белый снег, лёд и торосы, не с кем даже словом перемолвиться. И это время длится до самой весны, когда вновь в родные места возвращаются перелётные птицы.

ЧАЙНИК

Я нашла его в сарае, в картонной коробке со старым хламом. Он сиротливо приютился в углу между сковородкой и эмалированной кружкой с оббитыми краями.

Я вытащила его из коробки. Вид у него был неважный: пыль и грязь покрывали его фарфоровое тело. Вымыв чайник теплой водой с мылом, принесла его домой и поставила на стол.

Белый, чуть ниже горловины темно-зеленая полоса, на ней – розовый цветок, четыре небольших синих и светло-зеленые листочки. На крышке – зеленая полоса, а на горловине чайника и его носике узкая синяя.

Это чайник с фотографии, сделанной более полувека назад. Вот она передо мной. Черно-белая, небольшая. На полянке на расстеленном одеяле расставлены чайные чашки, а в центре – он – мой чайник. Рядом с одеялом на траве огромный самовар.

Около него сидит крестная, ей чуть за тридцать, платье в горошек, темный жакет, светлые босоножки. Затеяливая прическа. Рядом я в подаренном ею вязаном плащике с капюшоном; он был красный, но на фото этого не видно, на лице гримаса недовольства: я недавно ревела, потому что мне не дали сахара, теперь он, похожий на кусок школьного мела у меня в руке, но остатки недавней обиды еще не покинули моего лица.

Я стою между сидящими крестной и бабушкой. У них сосредоточенно серьезные лица, они явно позируют. Рядом с бабушкой на одеяле сидит Колька, сын молодого Безрукого. На

нем белая пуховая шапка, ни на что не обращая внимания, он крутит в руках кусок сахара. Рядом с ним – его мать – Ольга в цветастом платке, темном жакете, с белозубой улыбкой.

Колька умер в детстве, так и не став взрослым. В 1971 году не стало бабушки: инсульт.

Затем ушла из жизни тетя Оля, Колькина мать. В 2002 году у крестной обнаружили рак легкого.

Ей было 85 лет. Она превратилась в маленькую сухонькую старушку, которая ковыляла до туалета, опираясь на костыль. Такой я увидела ее в последний раз в жизни. А на старой фотографии она все такая же цветущая молодая женщина, на плечо которой я опираюсь рукой.

Теперь из всех изображенных на том фото остались я и чайник. Он стоит передо мной на столе как единственный свидетель моего теперь уже очень далекого детства, того чаепития с дорогими для меня людьми, на лужайке у дома, где прошли первые два года моей жизни.

Я думаю о том дне, когда чайник останется единственным из всех, кто изображен на старой деревенской фотографии. И я уже ничего не узнаю о его дальнейшей судьбе.

«Белеет парус одинокий»

Эта строчка стала своеобразной поэтической визиткой Михаила Юрьевича Лермонтова.

Если пушкинские места России – и не только – это солнечность, радость, веселье, вера в жизнь, то с Лермонтовым почему-то связано совсем другое.

Как-то в начале 80-х, в командировке в Керчи вынуждена почти неделю дожидаться возвращения человека, который должен был поставить подпись на договоре. Свою служебную невезуху я пыталась возместить всеми способами. Побывала в местном археологическом музее, поднялась на гору Митридата. Долго изучала закрытый решеткой вход в грот, где была погребена еще в четвертом веке до нашей эры дочь каких-то знатных родителей. Рядом с этой могилой была автобусная станция, жизнь кипела, здесь всегда толпились люди, загружаясь в автобусы и выгружаясь из них. А в нескольких десятках метров в глубокой смер-

тельной тишине одиноко спала неизвестная девочка, умершая 24 века назад, и ей не было дела до говорливой толпы.

Наконец, когда скука ожидания достигла апогея, я решилась съездить в Тамань. Утром села в утлое суденышко, небольшой катерок, где находилось всего несколько пассажиров, и мы отправились через пролив. Плыли больше часа, когда на горизонте показался обрывистый каменистый берег, у которого приютился дощатый причал.

Тамань оказалась пыльной станицей с населением около 10 000 человек. Вокруг – бесконечные сады, пыль на дорогах и какая-то особенная звенящая сонная тишина. Сразу вспомнилось, что когда-то места эти входили в состав Тмутараканского княжества. Тмутаракань стала символом Богом забытого места.

Нет, совсем не случайно написал когда-то Лермонтов: «Тамань – самый скверный городишко из всех приморских городов России. Я там чуть-чуть не умер с голода, да еще вдобавок меня хотели утопить».

Как только я и примкнувшая ко мне учительница из Ленинграда с внуком приблизились к музею, оказалось, что мы приехали в санитарный день. Мы потолкались около халупки, заглядывая в подслеповатые оконца. Когда-то Лермонтов описал это место: «Мы подъехали к небольшой хате, на самом берегу моря. Полный месяц светил на камышовую крышу и белые стены моего нового жилища; на дворе, обведенном оградой из булыжника, стояла избочась другая лачужка, менее и древнее первой. Берег обрывом спускался к морю почти у самых стен ее, и внизу с беспрерывным рокотом плескались темно-синие волны».

Мы подошли к краю обрыва, внизу все так же, как и в XIX веке, бился неугомонный прибой. Стало так тоскливо, что хотелось завывать. Но мы с ленинградцами решили не сдаваться: у местных жителей узнали, где живет директор музея, и решительно направились к дому. Мы были встречены на удивление доброжелательно. Директор, мужчина лет тридцати пяти, взяв ключи, повел нас к уже знакомой нам халупке.

Когда мы вошли наконец-то внутрь, вспомнились лермонтовские строки: «Я вошел в хату: две лавки и стол да огромный сундук возле печи составляли всю ее мебель. А на стене ни од-

ного образа – дурной знак!..

В разбитое стекло врывается морской ветер. Я вытащил из чемодана восковой огарок и, засветив его, стал раскладывать вещи, поставил в угол шашку и ружье, пистолеты положил на стол, разостлал бурку на лавке.

Директор музея между тем рассказал нам о том, что дом Федора Мысника, где в 1837 году останавливался Лермонтов, был восстановлен и в октябре 1976 г. в нем был открыт музей.

В мазанке была воссоздана обстановка, описанная Лермонтовым. Небольшая, крытая камышом хата – 16 шагов в длину и 7 в ширину, 2 комнаты, разделенные коридором. В правой – литературная композиция, во второй – мемориально-бытовая: сундук, прялка, скамья, дощатый стол, глиняная посуда, сабля на столе.

Поблагодарив директора музея за любезность, оказанную нам, мы еще побродили по станице и пошли к пристани. Когда катер отчалил от берега, мы в последний раз оглянулись на одинокую избушку на скале и вспомнилась фраза другого русского классика: «Скучно жить на свете, господа!» Такой тоской повеяло вдруг. Бедный Лермонтов! Когда-то и он тосковал в этой забытой Богом станице.

Историк В.О. Ключевский написал о поэте: «До конца своего недолгого поприща не мог он освободиться от привычки кутаться в свою нарядную печаль, выставлять гной своих душевных ран, притом напускных или декоративных, трагически демонизировать свою личность – словом, казаться лейб-гвардии гусарским Мефистофелем».

«Лермонтов – поэт не мирозерцания, а настроения, певец личной грусти, а не мировой скорби».

«Он был поэтом грусти в полном художественном смысле этого слова: он создал грусть как поэтическое настроение, из тех разрозненных ее элементов, какие нашел в себе самом и в доступном его наблюдению житейском обороте». В. Ключевский писал также: «Всмотритесь в какой угодно пейзаж русской природы: весел он или печален? Ни то, ни другое: он грустен».

Именно таким был таманский пейзаж. И такими были им рожденные настроения Лермонтова.

Пушкина называют «солнцем нашей поэзии», а Лермонто-

ва можно назвать ее ночным светилом. А для меня – Михаил Юрьевич Лермонтов навеки связан с одиноким белым парусом в необъятном море. Вспоминается и посещение Тархан, мы приехали туда в июне. В склепе, где стоял свинцовый гроб поэта, в котором его привезли из Пятигорска, было полно вешней воды, и нас туда не пустили.

Я ехала из Тархан и думала о Лермонтове, кривоногом, низкорослом, прыщавом мальчике, с седым клоком волос над высоким лбом, мало кем любимом и мало кем понятым и оцененным при жизни, сейчас лежавшем в металлическом гробу в море ледяной воды.

СОДЕРЖАНИЕ

Виктор Пахомов

Из биографии	3
Рецензия на сборник стихов	4
Последний рубеж	5
Что делать мне?	6
Памяти друга	6

Николай Дронов

Почему в России мороз – «рядовой», а в Европе – «генерал»	8
--	---

Наталья Парыгина

Цепочка	19
---------------	----

Валерий Ходулин

«Дон изогнулся, как подкова...»	29
«Тульская казенная палата...»	30
«И завод, и цех, и фабрика...»	30
«Рачительные, крепкие хозяева...»	31
«Если жизнь начать бы заново...»	32

Любовь Ваганова

«Удивительно красивый снегопад!...»	34
Ясень.....	34
«Я пойду, я пройду коноплю...»	35
«Задумчивы лесные сентябри...»	35
«Люблю обнажённость деревьев...»	36
Птичий праздник	36
«Мы живём на живой и разумной планете...»	37
Дятел.....	37

Геннадий Иванов

Солдат	38
4 октября 1993 года.....	39
«Соблазнили народ, соблазнили...»	40
«В сердце утомлённом затихает битва...»	40
«В моей родимой стороне...»	41
«Дождь накапал полное корыто...»	42
Ожидание.....	42
«Сонным полуденным зноем...»	43
«Горлинка горлит с берёзы...»	43

Геннадий Красников

Мы дружили с фронтовиками.....	45
Пушкин, 1999 год	46
«Явились незваны-непрощены...»	47
«Не картина, так себе – картинка...»	47
«Вот так всегда: интриги, подлость, ложь!..»	48
Ф. Тютчев	49
«Птицам вослед, что летят косяками...»	49
«В тех садах, в тех домах и глухих коридорах...»	50
«Опять над нами тёмная завеса...»	51
«Бережёного бог – так меня бережёт...»	51

Николай Рачков

Разве можно всё узнать о буре?	53
«Узнал весь мир твой шаг победный...»	56
Отец	57
Аристократ	57
Вера	58
«Вспомню я детство — и сразу всё мелкое, сорное...»	59
Соловей.....	59

Станислав Куняев

«Гуляет ветер в камыше...»	60
«Сине море люпина...»	61
«Мы жили в пограничной полосе...»	61
«Опять разгулялись витии...»	62
«Непонятно, как можно покинуть...»	63
«По северным звёздам угадывать путь...»	64
Озеро безымянное	64
«Сквозь слёзы на глазах и сквозь туман души...»	65
«Приехал местный человек...»	66

Николай Смирнов

Путешествие из Москвы в Полубабино	68
Достучались... ..	68
Гроб с музыкой.....	68

Марк Дубинский

Артиллерия и поэт А.С. Пушкин.....	75
------------------------------------	----

Николай Мых-Стетняк

О моей встрече и беседе с писателем Александром Исаевичем Солженицыным в последнее воскресенье апреля 1964 года.....	82
--	----

Олег Пантюхин

«В звенящей ночной тишине...»	92
«За распахнутым окном запах лета...»	92
Сны.....	93

Владимир Сапожников

Аллея	94
«Последняя неделя без зимы...»	95

Геннадий Маркин

В городе	96
----------------	----

Ольга Бугримова

Мои истоки.....	103
Река Атмис.....	104
Я прошу, заступница святая.....	105
Летний вечер.....	106
Соловьиная песня	107
Песня о пряхе	108

Константин Струков

Лики старых фотографий	110
«Семьи были тогда большие...»	111
«Средь приятелей и близких...»	112
«Эта встреча – как открытье...»	114
«...Память, ты над нами властна...»	114

Изольда Агibalова

Осень	115
Ты был или не был.....	116
Вот и осень в гости заглянула.....	116
Сквозь тучи солнце	117
Лист.....	118
О любви	118
Мы знакомы тысячу лет	119

Юрий Лукаш

«Ушедшие не покидают нас...»	121
«Как жутко и страшно в дремучей глуши...»	122
«Скрипит фонарь и воют провода...»	122
«Пришёл июнь – нахал и жадина...»	123
«Частицу любимого края...»	124

Алексей Гусаков

Казюки	125
Ковш	126
Зеркала	127
Реквием.....	128
Он думал стать.....	128
Песню соловью.....	129
Бомж.....	129
Дорога домой.....	130
Нельзя.....	131

Леонид Золотухин

Белоусовский парк (цикл стихов)	
Зимнее.....	133
Весеннее	134
Летнее.....	135
Осеннее.....	136

Анатолий Климов

Красота.....	137
Гимн слову.....	138
Каракумский мост.....	139
Бабье лето	139
Перекрёсток	141
Ночью.....	141

Валерий Маслов

Господь нас слышит!.....	143
Дачный роман.....	145

Эдуард Георгиевский

Круглое озеро	153
---------------------	-----

Вячеслав Боть

Отечественная война 1812 года и Тульский край.....	158
--	-----

Виктория Ткач

Как?.....	162
«Ищу – наивно и светло...»	163
«Помолчу...»	163
«Не плачь, мой ангел! Это повод...»	164
«Ах, пушкин! Ты же слышишь?..»	165

Игорь Мельников

Народ.....	166
Суть времени	167
Дуэль	167
Древняя история	168
Долг.....	169

Михаил Тулуевский

Торг уместен	170
Кукла Сара	171
Стихи – не более того!.....	172
«Голубчиков наркоз»	173

Олеся Маматкулова

«Лениво коростель отсчитывает время...».....	174
«Колкой плёткой холода...»	174
«Ночами в крупном городе почти не видно звёзд...»	175
Сегодня будет снег.....	176
«Не звоню, не пишу и не еду...»	177
«В тот вечер погожий...»	177

Елизавета Баранова

Доброе слово.....	179
«Как плачут деревья, вы видели, люди?...»	180
«Есть странные птицы...»	181

Людмила Кутепова

Весеннее настроение	183
Ожидание.....	183
В пасхальный светлый день	184
Тульская осень.....	185
Притча о заблудшей душе.....	185

Таясия Медведева

Бессонницы полночная звезда	187
Воспоминания	188
Душа моя навек осталась в школе.....	188
«Постарела. Как в это не верится...»	189
Другу-поэту.....	189

Валентина Пинаевская

После жизни	191
Снег в марте	192
На погосте.....	193
Монастырское подворье	193

Антонина Аристова

«Последний день Успенского поста...»	195
Маме	195
«Что было в жизни и что в жизни ждёт...»	196
Зеркала	197
«Упаду и в цвету растворюсь...»	197

Виктор Маёренко

У Вечного огня.....	198
«А их всё меньше, меньше, меньше...»	199
Клятва	199
«Как тяжёлый путь к добру...»	200
Тульская гармонь.....	200
Буду.....	201
Тропинка.....	202
Люблю тебя	203
Веник	204
Моё поколение	204
Иуда	205

Надежда Сорокина

«Разлилась любовь, как море...»	207
Единственная сущность.....	207
«Без тебя тускнеет солнце...»	208
«Это нищее чувство всю жизнь отрицай...»	208
Со слов Ибн Аксама.....	209

Сергей Крестьянкин

Поломанный прибор, или русская смекалка.....	210
--	-----

Евгений Трещёв

Надо зубы показать	213
В тайге.....	214
На зачарованной полянке	215
Ночь в горах	215
Февраль	216
Запустение.....	216
Лесные напевы	217
Было дело.....	217
О родине	218
Прошедший век	218

<i>Алексей Яшин</i>	
Растерялись.....	220
<i>Марина Баланюк</i>	
О Стечкине Игоре Яковлевиче	229
<i>Ирина Пархоменко</i>	
Моя Россия	236
Родиной буду дышать.....	236
Село родное.....	237
С головой в листопадову жуть	237
Души полет.....	238
Звездные кружева	239
Кружево вечности	239
Ветром в судьбе твоей буду	240
Я жду тебя на берегу	241
Счастья страница	241
<i>Борис Роганков</i>	
Память	243
<i>Светлана Микушкина</i>	
Художественный мир Л.Н. Толстого.	
Философия пути жизни в рассказе	
Л.Н. Толстого «Утро помещика»	247
<i>Валерий Кулешов</i>	
«Жизнь отстучит своё...»	251
«Нет, не скажет...»	251
«В мире, исполненном словом...»	252
«Туда, где время роится...»	252
«Где видимость, а где виденье...»	253
«Сон в руку...»	253
«Знать, в дар душевный неустрой...»	254
«Всё верно...»	254
«Устроена жизнь сурово...»	254
<i>Тамара Белицкая</i>	
Палочка Караяна.....	255
<i>Александр Вишневецкий</i>	
Светлый путь	259
Дрова от Ворошилова.....	260

Олег Пономарёв

Ветерок	264
Воспоминание	265
«Два профиля – два взгляда, две судьбы...»	266
«Мне дышится легко...»	266
«Под рождество слагаются не строчки...»	267
«По ночам приходят строчки...»	267
Сказка.....	268
Скерцо.....	269
«Ты спроси у меня, ты спроси...»	270
«Городок провинциальный...»	271

Валентин Киреев

На том стою.....	272
Божий дар	273
Ботинки	273
В деревню.....	274
Чудное творение.....	274
У нас в деревне.....	275
Доживём	276
Счастье.....	277
Живые стихи.....	277
На распуте	278
Погружаюсь в годы.....	279
У обелиска	280

Валерий Савостьянов

Замело деревню	281
Родной земле	282
Кремль-огатырь	283
Великий май	284
Орден блокады.....	285
Монумент.....	286
Мост над разданом.....	288
В старой крепости	289
Арагац.....	290
Желание	290
Заветное слово о мире	292

<i>Владимир Пашутин</i>	
Одноглазые звери	294
Как я в плен немца взял.....	296
<i>Александр Печников</i>	
Памятник	300
Письмо о поэзии.....	304
<i>Олег Каширин</i>	
В начале славных дел	307
<i>Александр Хадарцев</i>	
«А я приехал из Ганновера...»	312
«Плюя на беспорядков риски...»	313
Ганноверские заметки	313
«Мужчина пожилой. Одет прилично...»	314
<i>Владимир Сапронов</i>	
Что с тобой случилось в «Англетере»?.....	315
Праздник света.....	316
Любовь от века не отстала.....	316
Весенний вечер	317
«Снова ветер свистит, не смолкая...».....	318
«Знаком и мне солёный привкус пота...»	319
<i>Людмила Фирсова</i>	
Скажи, что я одна такая	320
Звездопада белая песня.....	320
Вертит и гонит по жизни	321
Гасит искры солнце	322
Встречая гостью.....	322
<i>Александр Новгородский</i>	
Я вернулся домой.....	324
Восточная сказка.....	325
На волне	327
Чудо	328
<i>Анатолий Сиваленков</i>	
Строчки о море.....	330
Дом естеств и противоестеств.....	331
Деревенский колокол	332
Родник.....	334

Екатерина Каюрова

В этом городе.....	336
Ночное купание.....	337
Сарафанчик ситцевый.....	338
А так бы хотелось, чтоб – бред.....	339
Иду туда, где озеро сиреней.....	340
«Шёл романтик по Земле не спешна...».....	340

Екатерина Сагалаева

Как мама.....	342
До старости.....	343

Николай Боев

Охота на уток.....	345
«Обошла счастливо косность...».....	346
Сон.....	347
На даче.....	347
На закате.....	348

Михаил Крышко

Жизнь.....	350
Противоборство.....	351
К поэме А. Блока «Двенадцать».....	352
Символ.....	352
Родина.....	352
Моцарт и Сальери.....	353

Владимир Родионов

Богом мечены года.....	354
Случайное не вдруг.....	355
«Я равен сам себе...».....	356
«Чего вокруг и рядом кружим...».....	356
«Ну, как петух ни кукарекай...».....	357

Елена Киселёва

Прощай, безумная столица.....	359
Иначе не могу.....	359
Мы в разлуке целую вечность.....	360
На том фотоснимке.....	361
Все мои думы о тебе.....	361

Сергей Куликов

«Дождь, конечно, сердце не остудит...»	363
«Что там позади, не столь и важно...»	364
«Чувства словно вырвались из плена...»	364
Рябина.....	365
Солнечный луч.....	366
Возвращайся!.....	367

Владимир Тимохин

А. Липенцову	370
«...А жизнь куда-то уходит...»	370
Фирсанову	371
«Мне снилось то, чего не снилось много...»	372
Никополь	373
Кито—Каракас—Рим	374
Отцу	376

Елена Барткевич

Разряд.....	378
Бессонница	378
Незримо.....	379
Верность	380
Напалм	381
Тет-а-тет	381
Полёт	382
Город семи ветров	383

Вячеслав Михайлов

Западные европейцы на постсоветском востоке.....	385
--	-----

Александр Ланцов

Березки	394
До и после тебя.....	395
«Дереvenька у речного моста...»	395
«Ты довези нас до станции «Детство»...»	396
«Отоснились золотые сны...»	396
«Отзвенела молодость...»	397
О России.....	398

<i>Галина Винокурова</i>	
К 300-летию Оружейного завода.....	399
«По Петрову приказу возник...»	400
<i>Дмитрий Ракитин</i>	
Небесное окошко.....	401
Явление храма или Иоанн Тульский.....	405
Перерождение	408
<i>Мария Наумова</i>	
Скрипач	411
<i>Борис Голованов</i>	
«Около дома...»	418
«Благословляю этот час...»	419
«Как хорошо начался день!...»	420
«По колено стою в синеве...»	420
«Я вырос в российской деревне...»	421
«Были молоды листья и клейки...»	422
«Моей деревни доброе лицо...»	422
<i>Сергей Редков</i>	
Триумф лайки	424
Подземка	424
Марки	425
Вокзал	426
«Есть что-то неизбежное, как время...»	426
Осеннее.....	427
Идальго из Ламанчи.....	427
Слова	428
Метафизика мумий	429
<i>Геннадий Гоманчук</i>	
Зимняя вишня.....	430
Гимн новой рубаше.....	431
Альбом	432
Романс.....	433
«Спросила Муза, рукопись листая...»	433
Метель.....	434
Прощание славянки	434
Воробышек	435

Василий Мишин

Эхо тех памятных битв

«Где смерч огня, свинца метели...» 436

«Работал кузнец отлично...» 437

«Был на высокий обрыв...» 437

«Если здоров и молод...» 438

Феодора Савская

Любава и философ..... 440

Владимир Голубев

Ворон и чайка 450

Тина Зими́на

Чайник 455

ИВАН-ОЗЕРО

Сборник произведений тульских писателей

Выпуск девятый

*Литературные произведения публикуются
в авторской редакции*

Формат $84 \times 108 / 32$. Печ. л. 14,5.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 189.

ЗАО «Гриф и К»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел.: +7 (4872) 47-08-71, тел./факс: +7 (4872) 49-76-96
grif-tula@mail.ru, www.grif-tula.ru